

ШЯУЛЯЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФАКУЛЬТЕТ СОЦИАЛЬНЫХ, ГУМАНИТАРНЫХ НАУК И ИСКУССТВ
КАФЕДРА ИСТОРИИ И ФИЛОСОФИИ

ОЛЕКСАНДР СВИДИНЮК

Студент II курса программы магистр

специальность *История и политика*

**ПОЛИТИКА ИСТОРИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В НАЧАЛЕ XXI
ВЕКА**

Научная работа на получение научно-квалификационного уровня «Магистр»

Научный руководитель: **prof. dr. Rita Regina Trimonienė**

Подлинность работы подтверждаю – Александр Свидинюк (.....)

Шяуляй,

2017 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление.....	3
1. Суть и функциональные характеристики политики памяти.....	13
1.1. Память и её разновидности в политическом аспекте.....	13
1.2. Социальная и культурная память как средство политики истории.....	21
1.3. Механизм осуществления политики истории и её значение.....	26
2. Роль правовых инструментов направленных на исторический ревизионизм.....	29
2.1. Идеологическая основа политики президента РФ В. Путина и её отношение к политике памяти.....	29
2.2. Создание и функционирование общественных и государственных организаций как инструмента политики истории.....	42
2.3. Трансформация нормативно-правовой базы Российской Федерации в части регулирования написания истории.....	57
3. Политика исторической памяти в Российской Федерации.....	64
3.1. Анализ научно-образовательной методической концепции по написанию учебников истории в России.....	64
3.2. Анализ содержания учебников по истории в РФ.....	71
Выводы.....	76
Список использованной литературы.....	80
Рецензия.....	90

ВСТУПЛЕНИЕ.

Вступление в тему. В историческом сознании, последние десятилетия XX и начало XXI века отличились глубокими изменениями в структуре и содержании социального и гуманитарного знания, в самой методологии социальных и гуманитарных наук¹. Сопоставление ключевых аспектов картин мира, особенностей ценностных систем и содержания культурных идеалов различных исторических социумов и цивилизаций – одна из центральных проблем современной исторической науки, новый поворот, который привел к интенсивным исследованиям аспектов проблемы социальной памяти и коллективных представлений о прошлом².

Рубеж веков характеризуется активным обращением историков к проблемам исторической памяти, до того, как люди воспринимали события, современниками или участниками которых они были, как они их оценивали, каким образом хранили информацию о тех событиях, так или иначе интерпретируя увиденное или пережитое³.

Вопрос о соотношении социальной (культурной) памяти, знания о прошлом и истории как науки трактуется сегодня неоднозначно. Даже самые убежденные сторонники научного историзма признают, что историю и память не всегда можно полностью отделить друг от друга, несмотря на решительные попытки их поляризовать. История как наука стремится к достоверности представлений о прошлом, к тому, чтобы наши знания о него не ограничивались тем, что является актуальным сегодня. В то же время социальная память продолжает создавать те интерпретации, которые удовлетворяют новые социально-политические потребности, в исторической науке господствует подход, заключается в том, что прошлое является ценным само по себе.

Вместе с тем, многие трудности представляет анализ контроля над исторической памятью. Как известно, «кто контролирует прошлое, контролирует будущее»⁴. Речь идет об исторической легитимизации для власти и о использовании исторических мифов для решения политических проблем. Известно, что борьба за политическое лидерство нередко проявляется как соперничество различных версий исторической памяти и различных символов ее величия и стыда, как дискуссия по поводу того, каким эпизодам истории нация должна стесняться или гордиться. Но что более важно, некоторыми историческими эпизодами или мифами можно определять и оправдывать модели осуществления политики нынешнего времени, используя образ прошлого, делая из него культ и проецируя на настоящее.

Содержание коллективной памяти изменяется в соответствии с социальным контекстом и практическими приоритетами применения. Активно навязываемый обществу образ прошлого становится нормой его собственного представления о себе и формирует его поведение. В этом случае социальные нужды могут формировать искаженный образ прошлого.

Начиная с середины XX века, политическая теория начинает взаимодействовать с понятием «политика памяти». Она стала структурным элементом политической практики. Но это произошло благодаря развитию особого раздела социальной психологии – теории над индивидуальными памяти (исторической, коллективной, социальной). Теории над индивидуальными памяти опираются на идею формирования социальных представлений о собственном прошлом. Культурная политика, осуществляемая в Российской Федерации,

¹ Наумов С. С., Интеллигенция и историческое сознание в годы перестройки (1985–1991 гг.), 2006, с. 48

² Репина Л. П., Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории, *Исторические представления и культурное многообразие мира*, 2006, с.12

³ Репина Л. П., История исторического знания: пособие для ВУЗов, Москва: *Дрофа*, 2006, с. 288

⁴ Оруэлл. Д., 1984, 1949

во многом носит инерционный характер. К сожалению, редко проводится научная экспертиза использования средств и ресурсов такого вида политики⁵.

В научном дискурсе, кроме «политика памяти», также используются другие определения: мемориальная политика, историческая политика, политика истории. Между этими понятиями, безусловно есть различия и особенности, но в данной работе эти термины используются как синонимы. Суть данного исследования заключается не в определении, а в содержании, которое в него вкладывается. По масштабам реализации политика памяти, как и любая другая, может иметь всемирный, континентальный, государственный, региональный, местный, корпоративный уровни⁶. Мы будем изучать именно государственный уровень исторической политики, учитывая и остальные уровни, если они касаются объекта данного исследования.

Другой частью вопроса является практическое использование результатов исследования в политическом поле, например, для преследования узкокорыстных целей, путём идеологизации общественного сознания, направленного на удержании власти и реализации имперских амбиций глобального масштаба. Инструментом продвижения таких целей является, в частности, система образования, которая регулирует историческую память, путём изменения интерпретации фактов о прошлом для создания нужного образа как в сознании каждого отдельного индивида так и коллективного мнения.

После того, как Президент России Владимир Путин назвал распад Советского Союза «геополитической катастрофой века»⁷, в осуществлении его политики начали появляться признаки стремления восстановления России в рамках территории бывшего СССР. Все чаще, в публичных высказываниях, в официальных указах Президента России и в обращении к Правительству РФ, звучали сожаления об утраченных территориях, возможностях и амбициях. В рамках такой политики, не обошло стороной и формирование определенного видения прошлого, в котором исторические факты приобретали шовинистическую интерпретацию и оправдания преступных действий, совершенных большевистской властью и её режимом.

В России, начиная с XXI века, несколько раз принимали новую концепцию единого учебно-методического комплекса по написанию учебников по истории для школ и высших учебных заведений. Данное явление приводит к монополизации исторической памяти и единой версии трактовки исторических фактов. Данное положение дел вынуждает историков, всесторонне заострить внимание современной исторической науки на возможность пренебрежения главного принципа историографии – объективизма. В гуманитарной науке, где ликвидировано пространство для дискуссий, существует вероятность появления цензуры и задействования принципа выборочности исторических фактов в источниках истории с целью манипуляции общественного сознания⁸.

Историография. Теоретическую основу изучения составили ряд учёных, которые исследовали вопрос политики памяти и её использования в политических целях, в области истории, социологии, политологии, культурологии юриспруденции и других областях государственного строения.

⁵ Макаров А. И., Политика памяти как элемент региональной культурной жизни, 2008, Интернет доступ [Просмотрено 16-05-2017]: <http://cyberleninka.ru/article/n/politika-pamyati-kak-element-regionalnoy-kulturnoy-zhizni>.

⁶ Шугаева Л. М., Представление о прошлом и связь времен в историческом сознании. 2009.

⁷ Путин В. В., Послание Федеральному собранию Российской Федерации, 2005, Интернет доступ [Просмотрено 29-05-2017]: http://president.kremlin.ru/appears/2005/04/25/1223_type63372type63374type82634_87049.shtml.

⁸ Бенина В.Л., Культура и образование, Материалы Всероссийской научно – практической конференции, посвященной 15-летию социально- гуманитарного факультета, 25-летию кафедры культурологии БГПУ им. М. Акмуллы и 60-летию профессора 28-29 ноября 2014г. Уфа, 2014, с. 67

По проблеме исследования социальной памяти сегодня имеется масса работ⁹. Их научный анализ показывает, что в них обнаруживается некая размытость терминологии. В частности, «память» определяется и как социальный, и как культурный, и как исторический, и как коллективный феномен. Исследовав эти источники, можно сделать вывод что речь идет скорее о различных подходах к изучению этого явления.

Учёные, исследовавшие политику памяти, разделяются по своему подходу к изучению.

Одним из наиболее часто применяемых в методологии исследования социальной памяти, оказывается структурно-функциональный подход. При этом в качестве объекта исследования оказывается социальная группа, что и приводит к отождествлению понятий «социальная память» и «коллективная память». В данном подходе основной акцент делается на функции объединения, которую выполняет память коллектива. В трудах М. Хальбвакса¹⁰, Э. Дюркгейма¹¹, М. Мосса¹² и др. показано, что общие воспоминания обеспечивают единство коллектива, устойчивость и осознание его целостности. То есть выполняется функция тождественности каждого отдельного индивида с группой в целом, по ряду характерных признаков и критериев, которые их обобщают.

Культурно-семиотический подход в исследовании социальной памяти представлен работами Я. Ассмана, Ю.М. Лотмана, О.Г. Эксле, О.Т. Лойко и др. Здесь социальная память анализируется в аспекте отношения к средствам массовой коммуникации, способной исторически формировать различные типы представлений о прошлом. В данном направлении термин «социальная память» оказывается синонимом термина «культурная память» и имеет текстовую природу.

Не менее распространен и социально-психологический подход. В частности, он представлен работами Э. Фромма, В. Вундта, П. Жане, З. Фрейда, К. Юнга. В рамках этого подхода подчеркивается социальный характер коллективной памяти. К этому подходу можно отнести и Ж. Ле Гоффа, который утверждал что существует история как коллективная память и история для историков. И то что именно социальная среда влияет на историка при выборе им метода исследования о собственном прошлом¹³.

Феноменологический подход, реализованный в работах Э. Гуссерля, А. Шюца, П. Рикера, П. Бергера, Т. Лукмана устанавливает соответствие между совокупностью социальных воспоминаний и реальным миром человека. Применение данного подхода в изучении феномена памяти приводит исследователей к выводу о том, что общие воспоминания, формируемые в социальных группах, носят социальный характер и создают условия для успешной реализации коммуникации в жизни людей.

В рамках информационного подхода исследование социальной памяти основано на изучении понятия «социальная информация» (Г. Афанасьев, Я.К. Ребане, Э. Тоффлер и

⁹ Ассман А., *Длинная тень прошлого, Мемориальная культура и историческая политика*, Пер. с нем. Бориса Хлебникова, Москва: *Новое литературное обозрение*, 2014, с. 328; Ассман Я., *Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности*, Пер. с нем. М. М. Сокольской, Москва: *Языки славянской культуры*, 2004, 462 с.; Ребане Я. К., *Принцип социальной памяти, Философские науки*, 1977, № 5, с. 321; Хальбвакс М., *Коллективная и историческая память, Неприкосновенный запас*, 2005, № 2–3, с. 358; Лойко О. Т., *Онтология социальной памяти: автореферат. д-ра филос. наук: 09.00.01*, Красноярск, 2004, с. 41; Рикёр П., *Память, история, забвение*, Москва, 2004, с. 228; Нора П., *Между памятью и историей*, Франция с. 378; Дюркгейм Э., *Социология. Её предмет, метод, предназначение* / Пер. с фр., составление, послесловие и примечания А. Б. Гофмана, Москва: Канон, 1995, с. 352

¹⁰ Хальбвакс М., *Социальные рамки памяти*, Перевод с фр. С. Н. Зенкина, Москва: *Новое издательство*, 2007, с. 38

¹¹ Дюркгейм Э., *Метод социологии, Западно-европейская социология XIX начала – XX веков*, Москва, 1996, с. 29

¹² Мосс М., *Общества. Обмен. Личность. Труд по социальной антропологии*, М. Мосс; Сост., пер. с фр., предисловие, вступит, статья, комментарии А. Б. Гофмана, Москва: КДУ, 2011, с. 46

¹³ Ле Гофф Ж., *История и память*, пер. с франц. К. Акоюна, Москва: 2013, с. 174

др.). Так, в работе Я. К. Ребане показано, что природа социальной памяти носит информационный характер¹⁴.

Структуралистский подход, представлен именами К. Леви-Стросса, М. Фуко, Ж. Лакана, Р. Барта. Он связан по своим методологическим предпосылкам исследования с культурно-семиотическим, так как сосредотачивает свое внимание на рассмотрении структур за рамками времени, которые способны пронизывать все слои социальной реальности, которая может осознаваться, а может и не осознаваться носителями этой памяти.

В целом, следует отметить, что взаимосвязь социальных факторов осознания своего прошлого и содержания памяти, обосновывается уже в классических философских трудах Платона и Аристотеля¹⁵. В трудах Августина Блаженного установлены связи между памятью и временем, что объясняет способность человеческого разума возвращать прошлое, делая его вообще возможным¹⁶. Изучая эти работы, можно заметить, что память способна выступать проводником человеческого сознания из нынешнего времени в прошлое и делать определённые выводы о настоящем.

Что характерно - в исследовании феномена социальной памяти в XX в. ключевым понятием оказалось понятие Локка – идентичность¹⁷. Далее в социальных науках область применения этого термина расширилось с индивидуального сознания до социальных общностей, что привело к пересечению понятий «коллективная идентичность» и «социальная память». Областью пересечения оказалось отождествление индивидом себя с определенной социальной группой.

Важным является выделение А. Шюцем из общей структуры социальной памяти к отдельным, такого элемента как «социальный опыт»¹⁸. Социальный опыт – явление коллективное, что говорит в пользу того факта, что речь должна идти о социальной памяти как о коллективном, а не индивидуальном феномене. Для данного исследования важным аспектом социальной памяти оказывается включение в ее структуру такого элемента как социализация, если понимать социализацию как передача и усвоения именно социального опыта. Например, П. Бергер и Т. Лукман считают, что социализация является механизмом формирования социальной памяти¹⁹. Они рассматривают социализацию как основу формирования социальной памяти. Логично предположить, что этот феномен не может быть одинаковым для разных общностей, существующих в разное время. К представлению о множественности «памятей» приходит в своих исследованиях Хальбвакс²⁰.

Чтобы дать определение социальной памяти как феномену культурного наследия, важно сказать, что культура определяется: во-первых, как социальный феномен – совокупность всех сфер жизни общества; во-вторых, как результат творческой деятельности общества, и, наконец, в-третьих как фундаментальная основа бытия, которая проявляет себя не только и не столько в виде предметов материальной культуры (артефактов), сколько в виде живых духовных комплексов индивидуальных и коллективных²¹.

¹⁴ Ребане Я.К., Информация и социальная память: к проблеме социальной детерминации познания, *Вопросы философии*, 1982, № 8, с. 41; Колеватов В.А., Социальная память и познание, Москва, 1984, с. 189

¹⁵ Платон, Собрание сочинений, Москва, 1993, Т. 2, с. 175; Аристотель, О памяти и припоминании, *Собрание сочинений*, Москва, 1976, с.45

¹⁶ Августин, Творения, *О граде Божием*, Киев, Т.4, 1998, с. 39

¹⁷ Локк Д., Опыт о человеческом разуме, *Избр. филос. Произв.*, Москва, 1960, Т.18, с. 63

¹⁸ Шюц А., Формирование понятия и теории в общественных науках, *Американская социологическая мысль*, Под ред. В.И. Добренькова, Москва, 1994, с. 38

¹⁹ Бергер П., Лукман Т., Социальное конструирование реальности. *Трактат по социологии знания*, Москва, 1995, с. 33

²⁰ Хальбвакс М., Коллективная и историческая память, *Неприкосновенный запас*, 2005, № 2–3, с. 87

²¹ Грязнова Е., Социальная память как элемент культуры, 2015, с. 32

Поэтому исходя из теории культуры, представленной массой научной и учебной литературы²², в культурном наследии можно выделить две основных части: не предметную и предметную. Что касается предметной или не овеществленной культуры, то к ней относят различные формы общественного сознания, знания и умения, полученные от предыдущих поколений или созданных данным поколением и т.д. Овеществленная (опредмеченная) часть, складывается из памятников культуры в виде артефактов, документов, освоенной обществом природы: строения, полезные ископаемые, домашний скот и т. п. Не овеществленную часть культурного наследия (общественное сознание) называют духовной культурой, а овеществленную – материальной культурой.

В одной из самых знаменитых работ в этой области - монографии Яна Ассмана «Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности»²³, он приводит четыре вида памяти: миметическую, предметную, коммуникативную и культурную. Миметическую память, он рассматривает как память деятельности, которую мы обучаем через подражание. Ее трудно кодифицировать, то есть заключать в какие либо рамки инструкций или пособий.

Предметная память, по Ассману, связанная с культурой повседневности. Учёный отмечает, что окружающие нас предметы несут на себе части не только личного, но и общекультурного прошлого. Предметный мир человека полон всевозможными маркерами времени, каждая вещь несет на себе его отпечаток. Коммуникативная память – это память, которая зафиксированная в языке и в процессе общения. Эта память тоже социальна. Объяснить сознание и память можно только во взаимодействии с другими индивидами. Исследователи считают, что эта память мало формализована, это передача воспоминаний «из рук в руки». Это своего рода «живое воспоминание», задание на протяжении жизни трех поколений: дети – отцы – деды. Ее недолговечность (всего 80-100 лет) и отсутствие общепризнанных «пунктов фиксации», связывающие ее с глубоким прошлым, в первую очередь отличают коммуникативную память от культурной. Четвертый вид памяти - культурная, о которой поподробнее будет изложено в главе 1.1.

Все перечисленные виды памяти так или иначе относятся к коллективной памяти. Понятие коллективной памяти²⁴. По Хальбваксу – любая память социальна и коллективно обусловлена. Вне коллектива у человека не может быть выстроенной логической памяти²⁵. Для Хальбвакса коллективная память – это социальная память группы. Коллективная память — это фактор, который объединяет группу, она всегда социальна и дифференцирована. Каждая социальная группа (семейная, религиозная) имеет свою память. Хотя каждая из форм коллективной памяти имеет свою специфику, но все они, даже казалось бы такие специфические, как религиозная память, подчиненные общим законам коллективной памяти. Она, по словам Хальбвакса, реконструирует прошлое с помощью настоящего²⁶.

²² Маркарян Э. С., Теория культуры и современная наука (логико-методологический анализ), Москва: Наука, 1983, с. 24; Каган М., Философия культуры. Становление и развитие, СПб.: Изд-во Лань, 1998, с. 48; Колин К. К., Духовная культура общества как стратегический фактор обеспечения национальной и международной безопасности, *Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств*, 2010, Т.21, № 1, с. 25; Урсул А. Д., Урсул Т. А., Информационный критерий развития и культура, *Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств*, 2011, № 1, с. 52; Васильев А. Г., Традиция и культурная память в контексте социальных инноваций, *Человек и культура*, 2015, № 1, с. 71, Интернет доступ [Просмотрено 04-03-2017]: DOI: 10.7256/2409-8744.2015.1.14767. URL: http://www.e-notabene.ru/ca/article_14767.html.

²³ Ассман Я., *Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности*, Пер. с нем. М. М. Сокольской, Москва: Языки славянской культуры, 2004, с. 38

²⁴ Зенкин С. Н., *Культура и искусство, Культурное наследие*, С фр. и вступ., Москва: Новое издательство, 2007.

²⁵ Хальбвакс М., *Социальные рамки памяти* / Пер. с фр. и вступ. статья С. Н. Зенкина, Москва: Новое издательство, 2007, с. 24.

²⁶ Хальбвакс М., *Коллективная и историческая память, Неприкосновенный запас*, Москва, 2005, № 2–3, с. 17

Кроме этого, что касается культуры и истории как социального фактора, важно отметить о контроле истории, суть которой лежит в базисе нашего исследования, ведь политика памяти и есть один из способов контроля над историей как наукой и как над общественным пониманием собственного прошлого и отношение к нему.

Сегодня существует немало средств социального контроля над историей - не только прямое давление или запрет, но и более мягкие, скрытые ограничения и особые механизмы поощрения или сдерживания, которые так или иначе влияют на формирование различных исторических традиций. Таким образом, одной из важных задач историков, политологов, философов является противостояние социально мотивированных, ложных толкований прошлого. Ни одна националистически или политически ангажированная версия истории не способна пройти проверку научным исследованиям.

Субъективность, через которую проходит и какой отягощается информация, отражающая представления, в большей или меньшей степени, характерна для социума, проявляет культурно-историческую специфику своего времени, включая динамику взаимодействия представлений о прошлом, зафиксированных в коллективной памяти различных социальных групп, с одной стороны, и исторической мысли той или иной эпохи - с другой, научное знание влияет на становления коллективных представлений о прошлом и, в свою очередь, испытывает влияние массовых стереотипов.

Проблемы формирования и содержания представлений о прошлом в различных обществах и культурах привлекают внимание представителей различных сфер социогуманитарного знания, и, несмотря на дискуссии, которые продолжаются вокруг таких концептов, как «историческая память», «историческое сознание», они всегда находятся в непрерывном взаимодействии и могут приводить к совместным выводам.

Исследователи, работающие в плоскости постмодернистской парадигмы, что сосредоточила внимание на изменчивости представлений о прошлом, указывают на то, что модернистская модель истории, которая царила в профессиональной историографии и навязывалась обществу последние два века, не исчерпывает возможных форм современного исторического сознания.

Сторонники постмодернистской концепции рассматривают историческое сознание как опосредованное звено между коллективной памятью и историей. Коллективная память поддерживает живой опыт индивидов внутри групп, так как индивидуальное переживание невозможно вспоминать без связи с социальным контекстом.

Ведущая роль в теоретической разработке названных проблем принадлежит выдающемуся немецкому историку и методологу Йорну Рюзену. В центре внимания его исследования находится кризис исторического сознания. Под кризисом историк понимает переживания событий как случайности, которая меняет «первоначально заданную направленность интерпретации»²⁷. Кризис наступает при столкновении исторического сознания с опытом, который не укладывается в рамки привычных исторических представлений и этот вызов случайности ставит под угрозу основы и принципы идентичности ситуации. Рюзен считает, что главным способом преодоления кризиса исторического сознания является создание исторического нарратива, через который, прошлый опыт, фиксируется в памяти в виде отдельных событий, формируется в определенную целостность и приобретает смысл.

Значение темпорального компонента культурных представлений в общей картине мира невозможно переоценить. В то же время сегодня стоит задача не просто констатировать особенности концепций времени в исторических традициях различных культур и эпох, но и направить усилия на поиск всеобщего, характерного для всего человечества. В связи с этим встает задача разработать новый подход к сравнительному

---

²⁷ Рюзен Й., Утрачивая последовательность истории, *Альманах интеллектуальной истории*, Москва, 2001, с. 32

изучению исторического сознания и концепций прошлого. В условиях, когда так много внимания концентрируется не в сходства, а особенно на различиях, не в универсальности, а на своеобразии, все более значимой становится роль антропологических универсалий, как представлений о времени, которые заключаются в понятиях роста и упадка, рождения и смерти, изменения и изменчивости.

Поэтому оказывается обратная связь с важнейшими этическими проблемами историка, ученого, в числе которых - как раз недопустимости «Изобретений прошлого», его искажения и инструментализации с любой целью. Одной из важнейших задач науки является демифологизация прошлого.

В зависимости от поставленных задач, мемориальная политика выборочной по воспоминаниям, которые актуализируются, а также может оказывать творческое или разрушительное воздействие.

В общем характер мемориальных практик может быть достаточно многогранным:

- Политическое манипулирование прошлым - по механизмам реализации²⁸;
- Лингвистическое обоснование «эффекта реальности прошлого»;
- По способу выражения и мифологичности²⁹;
- Оправдание феномена «дрейф памяти»³⁰;
- Лицедийна топология и топология злопамятства - по перформативностью³¹;
- Оправдано забвения - за этическим отношением к прошлому³²;
- Социальная драматургия - по проявлением³³;
- Символические репрессии - по сути, как форма принуждения³⁴;
- Форматирование массового сознания - как способ конструирования содержания коллективных воспоминаний, то есть их структурирование согласно значимости;
- Иррациональное стимулирования, основанное на ретроперспективной практике, а не на перспективной целесообразности - как способ мотивации;
- Массовая коммуникация - по форме передачи информации;
- Общественно-политическое регулирование, направленное на управление поведением личности и группы - по политической цели.

Изучив существующий в современной литературе характер мемориальных практик, теперь необходимо подойти к тому, как эти практики становятся средством политического воздействия на субъекты волянтния в культурной и социальной среде.

Многогранный характер мемориальной политики определяет разнообразие функций. Определяют такие функции: актуализационная, дидактическая, интеграционная, компрометирующая, легитимационная, мобилизирующая, идентификационная, мотивационная, ориентирующая, регуляционная, стабилизационная и другие.

²⁸ Луман Н., Понятие общества. Проблемы теоретической социологии, СПб, 1994, с. 22. Перевод выполнен с немецкой рукописи, предоставленной Н. Луманом в 1994 году, Перевод с немецкого и адаптация: Н. А. Головин. Электронная публикация: [Просмотрено 01.03.2017].

URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2969>.

²⁹ Чубукова Е. И., Мифологическая концепция коммуникации Р. Барта, *Серия «Мыслители», Смыслы мифа: мифология в истории и культуре*. Выпуск 8 / Сборник в честь 90-летия профессора М.И. Шахновича, Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество, 2001.

³⁰ Миронов В. В., Философия: учебник для ВУЗов. «Концепция деконструктивизма Ж. Дерриды, Библиотека «Полка букиниста», Ел. Доступ [Просмотрено 03.01.2017]:

http://society.polbu.ru/mironov_philosophy/ch54_i.html.

³¹ Делез Ж., Логика смысла, Пер. с фр. Фуко М. Д 29 *Theatrum philosophicum*: Пер. с фр., Москва: Раритет, Екатеринбург: *Деловая книга*, 1998, с. 40

³² Бланшо М., Ожидание забвения, 2000, Издательский дом: *Амфора*. Электронная библиотека RoyalLib.com. Эл. Доступ [Просмотрено 11.11.2016]: http://royallib.com/book/blansho_moris/ogidanie_zabvenie.html.

³³ Гофман И., Представление себя другим в повседневной жизни, Пер. с англ. и вступ. статья А. Д. Ковалева, Москва: *КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле*, 2000, с. 34

³⁴ Зиноватный П.С., Теоретический анализ символических репрессий в современной политике: автореферат. дисс. на соискание уч. степени к. полит. н.: 23.00.01, теория политики, история и методология политической науки, Москва, 2009, с. 29

Впрочем, анализ содержания обширного комплекса исследований, созданного за последние десятилетия, свидетельствует о том, что основные усилия ученых с разных стран, вплоть до сегодняшнего дня, были сосредоточены именно на проблематике политики памяти как культурного явления, а не на изучении внедрения и применения этих знаний для конкретного режимного правительства с целью декларации собственных суждений и легитимизации проводимой политики, по этому этот вопрос ещё остается актуальным до сегодняшнего дня, однако исследуя весь спектр известной литературы и источников, мы приходим к выводу, что рассуждения на этот счёт не будут утихать до тех пор, пока именно политические элиты в обществе не будут заинтересованы в использовании этих знаний в корыстных, часто лично-корпоративных, целях.

Источники. Базой источников данного исследования являются законы и нормативно правовые акты Российской Федерации в части регулирования истории, главным объектом материального законодательства была поправка в уголовный кодекс РФ статьи 154.1, принятой в 2014 году, которая предусматривает уголовную ответственность за «распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны», эта поправка, изначально, исходя из текста имеет размытую формулировку с юридической точки зрения, также учитывая характер судебной системы в России, её коррумпированность и зависимость от власти, позволяет делать «расправы» над авторами неугодных мнений. Также законы других стран, - Европы, Прибалтики, Украины, которые также можно назвать мемориальными, они использовались для сравнения и проведения аналогий.

Важной частью источников составили публичные выступления первых лиц российского государств: Путина, Медведева, министров и спикеров, которые на публичных выступлениях, в официальных заявлениях и в интервью выражались касательно проведения мемориальной кампании и необходимости внедрения единого учебника в школах. Многие из заявлений не носят официального и юридически закреплённого характера, однако в рамках нашего исследования имеют важное значение.

В рамках исследования, пришлось коснуться и углубиться в суть и смысл идеологической основы политики России. Для этого использовались пособия Александра Дугина, Натальи Нарочницкой, которые являются весьма известными и влиятельными фигурами в Российском политическом пространстве, даже не имея должности. Кроме самих пособий указаны их комментарии и советы, которые выражены в статьях и публикациях.

Исторические сообщества, фонды и клубы, которые проводили «круглые столы», заседания, и публиковали статьи на тему написания истории, стенограммы заседаний, результаты встреч и комментарии стали частью источников. Также, что касается данных организаций, важно было указать на их суть, функционирование и личности, которые были председателями, а также их связь с властью. Для этих исследований были задействованы газетные статьи, публикуемые на сайтах этих организаций материалов и интервью. Средства массовой информации, газеты, журналы, телепередачи, предоставляют важный спектр изучения политики памяти России.

Среди прочего, использовались статистические данные с официального сайта «Левада-центра», которые демонстрировали доверие граждан к власти, данные социологических опросов, касательно рейтинга популярности исторических личностей в российском обществе.

Также, источниками стали методологические пособия по написанию истории, в частности учебник для учителя «История России 1945-2007» выпущен в 2008 году, а также методологический стандарт для учебников истории 2013 года, который был основой для написания единого учебника. Сами учебники, в частности учебник Андреева И. Л. И Федорова И. Н. «История России: с древнейших времен до XVI века» выпущен в

2016 году, учебник Андреева И. Л., Данилевского И. Н. «История России с древнейших времен по XVI век» за 2012 год, их сравнительная характеристика.

Новизна научной работы состоит в том, что как свидетельствует анализ последних исследований, в современной исторической науке недостаточно внимания уделяется вопросам политического регулирования и влияния на историю как науку в целом, со стороны политических элит в некоторых отдельных странах, в частности России. Поэтому, важно заострить внимание как на самих этапах становления и сути политики памяти в нынешнем виде, но и определить инструменты и их пошаговое использование.

Цель и задания исследования состоят в определении степени влияния политических элит в Российской Федерации начиная с 2000-го года на политику истории в государстве.

Для достижения данной цели нам необходимо реализовать следующие задачи:

- всесторонне исследовать понятия «политика истории» «политика памяти», «мемориальная политика», «культурная память», их суть и значения в современном научном дискурсе;

- изучить нормативно-правовую базу Российской Федерации, которая была принята, начиная с 2000 года, в части формирования системы образования и самой исторической науки;

- провести анализ материалов и данных, что содержатся в новых учебниках по истории, написанные в соответствии с принятыми в РФ методическими рекомендациями.

Объект исследования – политика истории Российской Федерации.

Хронологические рамки исследования – период с 2000 годов.

Методы исследования. Методологической основой данного исследования является системный подход, который предусматривает раскрытие структурных, функциональных и нормативных аспектов предмета изучения. Структура этих элементов дает возможность дать характеристику основным чертам и составляющим элементам политики памяти в России. К структурным элементам можно отнести: характер, специфику, функции, субъекты осуществления и объекты направления, цели, задачи и формы реализации этой политики.

Специфику этого направления политики определяют ее характерные черты и особенности. Характерными чертами являются ее имманентность политической системе, включение в гуманитарную стратегию государства и ориентированность на актуальные потребности и ценности общества.

Особенностью этой политики является инструментальность, характеризующая ее не как самостоятельную сферу, а как такую, что дополняет и взаимодействует с другими отраслями государственного управления. Инструментами политики памяти можно назвать нормативно-правовые акты мемориального характера, методологические пособия, учебники и книги по истории, общественные, коммерческие и некоммерческие организации, фонды, чья деятельность может контролироваться властью.

При осуществлении исследования применяется историко-генетический метод, посредством которого изучаются исторические явления в процессе их развития, от зарождения до окончания или современного состояния. По своей логической природе, он является аналитически-индуктивным, то есть, дает восхождение от конкретных явлений и фактов к общим выводам, что позволяет проводить заключения на основе конкретных фактов из проводимой политики в отношении истории и исторической памяти и затем, приводить к выводам, отражающим цели исследования. Также этот метод направлен на анализ динамики исторических процессов. Он позволяет выявлять их причинно-следственные связи и закономерности исторического развития. Данный метод очень полезен так как он позволяет изучать, например, не только сами мемориальные законы, но и их эволюцию, становление и развитие всех факторов, которые в совокупности или отдельно определяют политику памяти.

Историко-системный метод позволяет совершить глубокий анализ целых общественно-исторических систем, раскрыть внутренние механизмы их функционирования и развития.

Данный метод синтезирует системные элементы, которые содержатся в индивидуальных и неповторимых исторических событиях, исторических событиях и процессах, которые имеют отношение к политике истории или политике памяти.

Социологический метод позволяет раскрыть суть осуществления политики памяти в случае конкретной страны и частного примера. Также, позволяет изучить способы применения, этапы становления и результаты проводимой политики в отношении истории как науки и как культурного феномена. Социологический подход к анализу политической реальности предполагает выяснения зависимости политики от общества, социальной обусловленности политических явлений, в том числе влияния на политическую систему отношений в государстве из других сфер в том числе идеологии и культуры.

Практическое значение полученных результатов. Дипломная работа позволит взглянуть на действия политических элит в РФ, проводимые политику начиная с 2000 года, в части регулирования и интерпретации фактов касательно прошлого. Позволит проводить аналогию и увидеть конечный результат таких действий. Работа будет полезна в практической и теоретической работе лицам изучающим историю, тем, кого интересует вопросы связанные с политикой истории, мемориальной политики или истории памяти в Российской Федерации, а также влияние на этот процесс официальной линии Президента РФ.

Структура научной работы. Работа состоит из вступительной части, трёх разделов, выводов, списка использованной литературы и рецензии. Полный объем работы – 91 страниц, из которых основной материал научного исследования содержится на 80 страницах, список использованных источников и литературы – 9 страниц и резюме на русском и английском языке – 2 страницы.

1. Суть и функциональные характеристики политики памяти.

1.1. Память и культура как элемент политики.

Каждому обществу присуще свое индивидуальное мировоззрение с определенными особенностями в разных областях осознания и отношения к объекту наблюдения или размышления. Понятие мировоззрения включает в себя сложную структуру. В качестве его основных элементов выступают знания, ценности, воля, убеждения, принципы, нормы, идеалы, чувства, эмоции, программы действия и др..

Познавательную сторону мировоззрения составляют не только взгляды и представления о материальной природе, как например, космосе, обществе, человеческой истории, но также и вопросы, связанные с выяснением познавательного отношения человека к внешнему миру: как соотносится мысль о предмете с самим предметом, возможно ли адекватное отражение предмета, что такое истина, заблуждение, ложь, и т.п.³⁵.

Одно из самых важных факторов, формирующих представление индивида об окружающем мире и своем месте в нем есть представление о том социуме, в котором он находится и который формирует его систему ценностей, взгляды, убеждения, нравственные ориентиры и так далее.

Принадлежность к определенной социальной системе позволяет определить место человека в жизни, с точки зрения других людей, но важно это и для него самого, поскольку помогает ему обрести чувство тождественности и ответить на вопрос: «Кто я?» Отнесения себя к определенному типу позволяет человеку считать себя приобщенным к социуму и посредством самоидентификации избежать ощущение одиночества³⁶.

Вместе с тем, каждое общество имеет собственные, характерные ему представление о своем месте в глобальном мире как на ментальном, так и на материальном уровне. Такое представление формируется в результате разных факторов, но одно из самых важных является память, как коллективная так и индивидуальная.

Для того чтобы раскрыть вопрос о том, что из себя представляет память, необходимо подойти к этому комплексно. Но перед тем как раскрывать вопрос о памяти как общественном феномене, необходимо немножко углубиться в анатомию памяти, чтобы понять функциональный аппарат запоминания. Но чтобы не превращать данное исследование в медицинские хроники, мы будем максимально осторожно, оставаясь в рамках темы изучения, касаться важных элементов, понимание которых поможет нам понимать дальнейшие, исключительно исторические и социальные феномены в функционировании политики памяти.

Если взглянуть на сугубо анатомическую сторону вопроса, то изучение памяти как продукта исторического развития психики человека, имеет длительную традицию. Так, Л.С. Выготский³⁷, А.Р. Лурия³⁸, А.Н. Леонтьев³⁹ и др. задекларировали положение о том, что общественно-исторические сдвиги не только вносят в психический мир человека новое содержание, но и переносят сознание, а за ним, и процессы памяти на качественно иные уровни. Память социальная, отражая в общих чертах историю развития памяти индивидуальной, имеет собственные принципы организации и воспроизведения. В отличие от индивидуальной памяти, память социальная всегда опосредствована памятью

³⁵ Рябоконь Н.В., Исторические типы мировоззрения. *Философия УМК - Минск.: Изд-во МИУ*, 2009, с. 13

³⁶ Горелов А. А. Социология. Конспект лекций, Учебное пособие. МГУ Москва.: Изд-во: ООО «Проспект», электронная версия книги. 2016.

³⁷ Выготский Л. С., Психология развития человека. Память и ее развитие в детском возрасте, Москва.: 2005, с. 52

³⁸ Лурия А. Р., Нейропсихология памяти. Нарушение памяти при локальных поражениях мозга. Изд. «Педагогика» 1974, с. 34

³⁹ Леонтьев А. Н., Развитие памяти. Экспериментальное исследование высших психологических функций. Москва: Государственное учебно-педагогическое издательство, с. 1931–181

других людей знаковыми системами, орудиями и средствами труда, воспринимаемыми как знаки.

Таким образом, социальная память интегрирует в себе такие феномены как социальный опыт, групповые идентичности, коммуникацию. Однако мы знаем, что и культура в целом строится на этих же явлениях. Близость понятий «культура» и «социальная память» приводит исследователей к идеям о том, что существует переход от «коммуникативной памяти» к «памяти культуры»⁴⁰. Следовательно, мы выходим на еще одно понятие, такое как «культурная память». Почему это важно? Жак Ле Гофф пишет, что «отсутствие у народов и наций коллективной памяти или сознательная либо бессознательная его утрата могут повлечь за собой серьезные нарушения коллективной идентичности»⁴¹.

На основании обобщения изученного материала можно предложить наиболее общее определение социальной памяти, которое будет удовлетворять интересам нашего исследования. Социальная память – это сохранение актуальной социальной информации и передача её от поколения к поколению⁴².

Если брать за определение понятия «культура» мир искусственного, то ее противоположностью будет «природа». В этом случае социальная память будет выступать как элемент культуры, точнее, ее носитель, способ хранения и трансляции, обеспечивая стабильное, устойчивое развитие человеческой культуры. Можно сказать, что социальная память выступает культурным фондом человечества. Подтверждение этому находятся в работах П.С. Гуревича, который определяет понятие культуры как «совокупность социально приобретенных и передаваемых из поколения в поколение значимых символов, идей, ценностей, обычаев, верований, традиций, норм и правил поведения, посредством которых люди организуют свою жизнедеятельность»⁴³

Что же касается разделения понятий «социальная», «культурная» и «коллективная» память, то П. Гуревич предлагает считать социальную память самым широким из перечисленных понятий и предлагает делить ее:

- а) на историческую и культурную
- б) на коллективную и индивидуальную.

В литературе встречается использование такого подхода к структурированию социальной памяти. Например, достаточно распространенной оказывается структура социальной памяти, выстраиваемая на основе модальностей социального субъекта как носителя этой памяти. Используя такую методологию, исследователи получают следующие уровни социальной памяти: индивидуальный, групповой, коллективный⁴⁴. Если исходить из такой типологии, то в структуре социальной памяти можно выделить социальную память одного человека, группы людей, сообщества, общества и т.д.

Многие исследователи в структуре социальной памяти выделяют «социальный менталитет - живую социальную память, представляющую собой единство осознанных и неосознанных смыслов»⁴⁵. Следуя К. Юнгу бессознательную часть социального менталитета, состоящую из общечеловеческих смыслов, следует определять термином «архетип»⁴⁶

⁴⁰ Борозняк А., ФРГ: волны исторической памяти, *Неприкосновенный запас*.2005, № 2–3. с. 63

⁴¹ Ле Гофф. Ж., История и память. Москва: 2013, с. 81

⁴² Мекаева Ю., Социальная память как инструмент социального влияния. Автореферат. канд. социол. наук.-22.00.01. Москва, 2011, с. 27

⁴³ Гуревич П. С., Культурология. Учебн. пособие. 2-ое изд. – Москва, 2010, с. 157

⁴⁴ Мекаева Ю. Ю., Социальная память как инструмент социального влияния. Автореферат. канд. социол. наук. 22.00.01., Москва, 2011, с. 27

⁴⁵ Соколов А. В., Общая теория социальной коммуникации: Учебное пособие. — СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 2002, с. 247

⁴⁶ Юнг К. Г., Об архетипах коллективного бессознательного, *Юнг К.Г. Архетип и символ*, Москва, 1991, с. 262

Исходя из сущностной характеристики социальной памяти согласно информационному подходу⁴⁷ память – это носитель и хранящаяся на нем информация. Можно выстроить иную типологию памяти, опираясь на данное определение. Так, например, если в универсуме выделять уровни по видам движения материи, то получим: абиотический, биотический и социальный уровни. В структуре социального уровня выделяются психический и технический подуровни. Следуя такой логике, получаем следующие виды памяти:

1. Абиотическая память: информация – структурная, носитель информации – системы неживой природы.
2. Биотическая память: информация – генетическая, носитель информации – ДНК и РНК (генофонд).
3. Психическая память: информация – психическая, носитель информации – нейрофизиологическая система.
4. Техническая память: информация – техническая (машинная), носитель информации – технический объект.
5. Социальная память: информация – социальная, носитель – социальный субъект и объект, вовлеченный в деятельность субъекта⁴⁸.

Данная схема основывается на работах об информационных процессах и социальной информации⁴⁹. По такому признаку в структуре социальной памяти можно выделить как минимум две группы элементов – различные виды материальных носителей и различные виды социальной информации. Как известно, любая информация не может существовать без материального носителя.

Наиболее емкое определение социальной информации дается А. Д. Урсулом: «Социальная информация представляет собой аспект и результат отражения обществом, как самой социальной формы движения материи, так и всех других ее форм в той мере, в какой они используются обществом, вовлечены в орбиту общественной жизни»⁵⁰.

Под материальной информацией А. Урсул понимает информацию, существующую независимо от сознания человека. Вероятно, имеется в виду деление информации на субъективную и объективную, где в качестве субъективной социальной информации следует рассматривать информацию индивидуального сознания человека, т.е. феномен идеального. Иными словами, можно предположить, что социальная информация образуется различными формами сознания – общественного и индивидуального. В данном случае, такое деление строится на основе типологии социального субъекта.

Объектом социально-информационных процессов оказывается любой фрагмент действительности, находящийся во взаимодействии с субъектом, и являющийся для него источником информации. В этом плане в качестве информационного объекта выступают предметы и явления, отношения и процессы, присущие социальной форме движения материи, а также другим ее формам, поскольку они вовлечены в социальную жизнь, познаются, преобразуются и используются человеком как индивидом, так и обществом, как коллективном носителе информации. Объектами информации могут выступать

⁴⁷ Колин К.К., Философские проблемы информатики, Москва: *БИНОМ. Лаборатория знаний*, 2010, с. 264

⁴⁸ Мекаева Ю., Социальная память как инструмент социального влияния. Автор. канд. социол. наук. 22.00.01. Москва, 2011, с. 27

⁴⁹ Афанасьев В. Г., Урсул А.Д. Социальная информация (некоторые методологические аспекты), *Вопросы философии*. 1974, № 10, с. 62; Грязнова Е. В., Информационная реальность и социум. Н. Новгород: *ННГАСУ*, 2010, с. 250; Урсул А. Д., Природа информации. Философский очерк. 2-ое изд., Челябинск. 2010, с. 231; Информационный подход в междисциплинарной перспективе (круглый стол), *Вопросы философии*. 2010, № 2, с. 81

⁵⁰ Урсул А. Д., Проблема информации в современной науке. (Философские очерки), Москва: *Издательство Наука*, 1975, с. 197

пассивными и активными источниками информации. И в этом случае, социальная память как информационный объект также является элементом культуры⁵¹.

Развития социальной памяти как науки прошло несколько этапов становления. По мере становления человеческого общества постепенно вырабатывался «общий фонд памяти» рода, племени, общины. Усиление единства памяти и системы внутреннего мира имело огромное значение в сплочении человеческих коллективов⁵².

Социальные психологи предпочитают употреблять понятие коллективной памяти, подразумевая свойство не только больших (например, этнических) коллективов, но и любых групп безотносительно к их размеру и критерию выделения. Социологи довольно часто оперируют понятием «социальная память», подразумевая и память о недавних, непосредственно наблюдаемых событиях, и память об историческом прошлом⁵³.

Если взглянуть в историю, можно отметить что древнейшая, дописьменная, форма социальной памяти складывалась произвольно и стихийно. Для нее характерно отсутствие осознанной цели запомнить, сохранить и воспроизвести ретроспективную информацию. Из поколения в поколение передавался только такой опыт, который человек получал в процессе прямого общения с другими членами общества и только тот который казался ему полезным и его можно было использовать.

После возникновения письменности, позволившей осознанно использовать искусственные знаки как орудия управления поведением человека и воспроизведения информации, репродуктивная память хотя и сохраняется, но перестает играть ведущую роль.

Реконструктивная форма социальной памяти характеризуется целенаправленным использованием знаковых систем как основных средств для сохранения и восстановления прошлого опыта в идеологических, познавательных и дидактических целях. Реконструктивную форму памяти следует считать произвольной, т.е. такой, которая активно направлена на запоминание и восстановление важных с точки зрения данного общества и господствующих классовых фактов и явлений. Однако подлинного овладения своей собственной памятью общество достигло только тогда, когда перешло от стихийного накопления ретроспективной информации к сознательной ее концентрации в специально созданных для этого институтах. От архивов-библиотек древности, ведомственных архивов, кабинетов с раритетами и частных хранилищ был пройден путь к разветвленной сети общенациональных библиотек, архивов, музеев и др. Благодаря целенаправленному отбору и организации информации в учреждениях-депозитариях память социальная, а с ней и историческое сознание общества приобретали все большую хронологическую глубину и системную целостность. Все три исторические формы социальной памяти: репродуктивная, реконструктивная и конструктивная — сохраняются в современном общественном сознании, выполняя свойственные только им функции⁵⁴.

К основным носителям социальной памяти относятся: сознание живущих людей, т.е. память о социальных действиях самих участников событий; отчужденные от сознания, овеществленные источники знаковой информации и средства ее передачи, специально созданные для этой цели; вещественные объекты, которые вообще не были предназначены для передачи информации (орудия труда в широком смысле слова)⁵⁵.

⁵¹ Мекаева Ю., Социальная память как инструмент социального влияния. Автор. канд. социол. наук, 22.00.01., Москва, 2011, с. 36

⁵² Илизаров Б. С., Социологический словарь, отв. Ред. Г. В. Осипов, Л. Н. Москвичев. Москва: 2014, с. 117

⁵³ Жуков Д. С., Коллективная память: ключевые исследовательские проблемы и интерпретации феномена. 2013, с. 6

⁵⁴ Соколов А. В., Общая теория социальной коммуникации: Учебное пособие. Санкт-Петербург: *Изд-во Михайлова В. А.*, 2002, с. 61

⁵⁵ Соколов А. В. Общая теория социальной коммуникации: Учебное пособие. — Санкт-Петербург: *Изд-во Михайлова В. А.*, 2002, с. 68

Социальным факторам, влияющим на увеличение объема, плотности и хронологической глубины памяти социальной (рост населения, увеличение продолжительности жизни, повышение уровня культуры, грамотности и т.д.), противостоят факторы, ведущие к ее разрушению. Следует различать стихийные, нежелательные процессы дезорганизации памяти социальной — «общественную амнезию» и осознанные действия, направленные на «забывание» малозначимой ретроспективной информации.

К факторам, ведущим к дезорганизации памяти социальной, следует отнести (кроме естественного старения носителей информации) их уничтожение в результате стихийных бедствий, войн, падения уровня культуры, идеологической борьбы в классовом обществе. В истории человечества известны случаи общественной амнезии, т.е. полного или частичного забвения культурно-исторического опыта, утраты навыков его воспроизведения. В результате войн или других катастроф, прерывавших социальную преемственность, целые народы исчезли с исторической арены. Общество, потерявшее память социальную, перестает ощущать себя субъектом истории, так же как отдельный человек, потерявший память, теряет свою личность, свое «Я»⁵⁶.

Помимо сохранения и упорядочения информации о прошлом механизмы памяти социальной служат также ее воспроизведению, т.е. актуализации. В целях актуализации ретроспективная информация тем или иным способом извлекается из долговременной памяти, преобразуется и воспроизводится в текущем общественном сознании. Каждый такой акт (от непосредственного воспроизведения, предположим документа в публикации, предмета в экспозиции музея, трансляции «живых» мемуаров современников средствами массовой коммуникации, до сложнейшей аналитической переработки ретроспективной информации в научном исследовании) можно рассматривать как обращение к «воспоминаниям» о значительных для данного состояния общества исторических событиях⁵⁷.

Механизмы памяти социальной обеспечивают участие ретроспективной информации в формировании «картины мира» современного человека. Они придают ей историческую перспективу и целостность. Все объекты, включаемые в память социальную, приобретают в результате упорядочения и описания потенциальную возможность быть актуализированными. Но фактическое их воспроизведение в новых исторических условиях детерминировано идеологией и нуждами текущей общественно-политической практики. В то же время можно обнаружить общие принципы актуализации ретроспективной информации, которые следуют как законам ассоциативных связей (принципы смежности, сходства и контраста текущей жизни общества с его прошлыми состояниями), так и принципам целостности воспроизводимых в общественном сознании образов прошлого⁵⁸.

Память социальная позволяет обществу осознавать свое место в истории человечества, обосновывать значимость собственной культуры и соотносить ее с подлинными ценностями других культур.

Существует такое понятие как структура социальной памяти общества.

Содержание памяти стабильных массовых совокупностей типа общества (социума) образуют социальные смыслы – знания, умения, стимулы, эмоции, полезные для жизни данного общества (бесполезные смыслы из памяти выпадают). Социальные смыслы бывают: а) естественными (внекультурными), передаваемыми генетически; б) искусственными, т.е. культурными, созданные коллективным разумом общества. Соответственно, социальная память состоит из двух слоев:

⁵⁶ Философия культуры. Становление и развитие, Санкт-Петербург: Изд-во «Лань», 1998, с. 48

⁵⁷ Грязнова Е.В., Информационная реальность и социум, Н. Новгород: ННГАСУ, 2010, с. 25

⁵⁸ Грязнова Е. В., Информационная реальность и социум, Н. Новгород: ННГАСУ, 2010, с. 27

– социальное бессознательное, наследуемое генетически, в том числе этническая психология, архетипы, социальные инстинкты («потребность в другом человеке», сочувствие, подчинение лидеру и т.п.);

– культурное наследие, состоящее, во-первых, из неовещественной (неопредмеченной) части, представляющей собой общественное сознание в виде национального языка, обычаев, знаний и умений, полученных от предыдущих поколений или созданных данным поколением, и овещественной (опредмеченной) части, состоящей из памятников культуры в виде артефактов (искусственно созданных изделий), документов (специальных коммуникационных сообщений) и освоенной обществом природы: пашни, полезные ископаемые, домашний скот и т.п.⁵⁹.

Неовещественную часть культурного наследия (общественное сознание) называют духовной культурой, а овещественную – материальной культурой.

Социальный менталитет – это живая социальная память, представляющая собой единство осознанных и неосознанных смыслов, обобщая, можно сказать что, менталитет равно сознание плюс бессознательное. Бессознательная часть социального менталитета состоит из общечеловеческих смыслов, которые К. Юнг назвал «архетипами»⁶⁰.

Архетипы – это смыслы социального (коллективного) бессознательного, передаваемые из поколения в поколение генетическим путем. Карл Густав Юнг дает такое толкование: «Коллективное бессознательное есть часть психики, которую можно отделить от личного бессознательного только негативно как нечто, что не обязано своим существованием личному опыту и потому не является личным приобретением. В то время как личное бессознательное по существу состоит из смыслов, которые одно время были осознанными, но все-таки исчезли из сознания, – потому, что были забыты или вытеснены, – смыслы коллективного бессознательного никогда не были в сознании и никогда таким образом не были приобретены индивидуально, но обязаны своим бытием исключительно унаследованию»⁶¹.

Генетически передаваемыми смыслами являются способности строить предложения, различать причину и следствие, сходные и различные предметы, считать предметы, т.е. простейшие лингвистические и логические способности, точнее говоря – задатки этих способностей.

Архетипы – суть элемент общечеловеческой социальной психологии, но «человечества вообще» нет, человечество делится на расы и этносы, обладающие собственным генофондом. В этнических генофондах запечатлены те особенности национального характера, которые позволяют говорить о «славянской душе», «нордическом», еврейском, китайском и др. характерах. Этнические особенности непосредственно отражаются в творческой и коммуникационной деятельности народов, в народных промыслах и ремеслах, в художественных изделиях и вкусах, в фольклоре и литературе, в обычаях и образах жизни и т.п. Культурное наследие общества всегда национально окрашено, но вместе с тем включает общечеловеческие, наднациональные смыслы, например, математику и технические решения⁶².

Абрахам Моль пишет, что не овеществлённое культурное наследие – духовная культура особенно тесно связана с этнической психологией, и эта связь наглядно проявляется в следующих разделах духовной культуры⁶³:

⁵⁹ Васильев А. Г., Традиция и культурная память в контексте социальных инноваций, *Человек и культура*, 2015, с. 52

⁶⁰ Юнг К.Г., Об архетипах коллективного бессознательного, Юнг К.Г. Архетип и символ, Москва: 1991, с. 116

⁶¹ Юнг К.Г., Структура психики и процесс индивидуализации, Москва: 1996, с. 10

⁶² Юнг К.Г., Структура психики и процесс индивидуализации, Москва: 1996, с. 6

⁶³ Моль А., Социодинамика культуры, Москва:, 1973, с. 45

Духовная культура как *естественный национальный язык* необходимый как конституирующий элемент любого этноса (нации, народа). Он не является «даром богов» и не изобретается гениальными «мужами», а возникает в ходе социального общения естественным путем, поэтому его правомерно называть «естественным» в отличие от искусственных языков, действительно придуманный людьми. Язык является основой духовной культуры и важнейшим носителем социальной памяти. Об этом хорошо сказал К.Д. Ушинский: «В сокровищницу родного язык складывает одно поколение за другим плоды глубоких сердечных движений, плоды исторических событий, верования, воззрения, следы пережитого горя и прожитой радости, – словом, весь след своей духовной жизни народ бережно сохраняет в народном слове. Язык есть самая живая, самая большая, самая обильная и прочная связь, соединяющая отжившие, живущие и будущие поколения народа в одно великое, исторически живое целое»⁶⁴.

Духовная культура как *недокументированные смыслы* – это знания о прошлом и настоящем, эмоциональные переживания и желания, распределенные в индивидуальной памяти современников, образующих данное общество. Здесь народная память об исторических событиях и исторических личностях, фольклор и литературные герои, мифы и практический опыт. Здесь же социальные чувства, например, чувство национальной гордости или национального унижения, стремление к национальному освобождению или реваншу, исторически сложившиеся симпатии и антипатии и текущие общественные настроения. Важнейшее значение для существования общества имеет его самосознание, т.е. осознание принадлежности к определенному социальному единству, присущее индивидуальным членам общества.

Недокументированные смыслы общественного сознания, в науке разделяются на две части: *кратковременная индивидуальная память* и *долговременная память*. Продолжительность кратковременной памяти измеряется временем жизни одного поколения – свидетеля тех или иных памятных событий. Долговременная память представляет собой передачу смыслов из поколения в поколение в течение многих веков. Конечно, не все смыслы поддаются *долговременного хранения*; к ним относятся фольклорно-мифологические предания и традиции, самосознание и технические умения⁶⁵.

В дописьменном обществе роль долговременной недокументированной памяти была особенно важна, и эту роль выполняли поэтически одаренные люди. Поэт становился летописцем, служителем не текущих забот и желаний, а социальной памяти родного сообщества. В.Н. Топоров сказал об этом: «Поэт как хранитель обожествленной памяти выступает хранителем традиций всего коллектива. Нести память, сохранять ее в нетленности нелегко (ей противостоит темная сила Забвения, воплощенная в мертвой воде загробного мира; вкушение этой воды приводит к беспомыслению, отождествленному со смертью). Память греки называли «источником бессмертия». Следовательно, память и забвение относятся друг к другу как жизнь, бессмертие – к смерти. Поэт несет в себе для людей не только память, но и жизнь, бессмертие. Память, носителем которой является поэт, воплощена в созданных им поэтических текстах, связанных с событиями, имевшими место при акте творения»⁶⁶.

Духовная культура как социальные нормы и обычаи относятся к «моторному» разделу социальной памяти, где хранятся регулятивы, обеспечивающие воспроизведение (устойчивость, стабильность) общества. Нормы делятся на естественные, развившиеся естественно – историческим путем и искусственные, установленные властью. Естественные нормы реализуются посредством самодеятельности людей (поэтому их можно назвать «обычаи»), а искусственные учреждаются в форме законов, указов, декретов за счет авторитета и контроля власти.

⁶⁴ Ушинский К. Д., Избранные педагогические сочинения, Москва: 1945, с. 206

⁶⁵ Рубинштейн С. Л., Основы общей психологии, Москва, 1989, с. 201

⁶⁶ Топоров В. Н., Об "экропическом" пространстве поэзии, От мифа к литературе. Москва, 1993, с. 31

Духовная культура как *технологические умения* – другая часть «моторной социальной памяти», но в отличие от обычаев, технологические умения не несут неперенной этнической окраски. Они представляют собой способность производить материальные и духовные ценности, соответствующие современному уровню научно-технического прогресса. Уметь что-либо сделать – значит уметь создать мысленный образ изделия (идея вазы, топора, станка, скульптуры, поэмы), составить целесообразный план материального воплощения этого образа и располагать необходимыми для этого методами и инструментами (способы литья, навыки черчения, владение техникой стихосложения и т.д.). Умения запечатлеваются на изделиях, чем и обусловлена мнемическая функция изделий (артефактов).

Такие психологи как А.Н. Леонтьев и др. ввели понятие «*исторического наследования способностей*»⁶⁷, толкуя его следующим образом. Поскольку орудия труда и другие артефакты являются воплощением технологических способностей создавшего их поколения, по последующие поколения, осваивая их, наследуют не только вещи, но и способности их создателей. Однако новое неизбежно вытесняет старое из общественного обихода, и многие ценные находки предков, не будучи документированы, были утрачены.

Таким образом, охарактеризовав основные аспекты функционирования памяти как анатомической единицы, социального феномена, важно подвести итог сказанного.

Память является не только инструментом запоминания жизненных фактов и жизненного опыта индивида, она также является важнейшим, если не основным фактором социальной идентификации.

Социальная идентификация – это отождествление себя по общим проблемам, жизненным интересам и социальным симпатиям с определённой социальной группой⁶⁸. В своём исследовании мы будем фокусироваться именно на социальном аспекте вопроса, так как он поможет нам раскрыть сущность и характеристики политики памяти.

Основные различия между индивидуальной и коллективной памятью заключаются в том, что индивидуальная память – это жизненное осознание прошлых событий, которые произошли с конкретным человеком как носителем определённых переживаний, а также то как эти переживания отразились на его мировоззрении.

Коллективная память – это то что индивид знает о себе и о своей социальной группе по национальному, этническому или территориальному признаку, те события, которые ему известны, касательно места его социальной группы в общем историческом пространстве. Это, также осознание всей социальной группой своего места и признаков тождественности с другими членами этой же группы. Коллективная память базируется на архетипах – основных, ключевых событиях в истории общественной группы, которые отразились с максимально насыщенным эмоциональным окрасом и сквозь оценку которых эта группа осознаёт свою сущность по определённым характеристикам.

⁶⁷ Леонтьев А.Н., *Философия психологии: из научного наследия*. Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1994, с. 75

⁶⁸ Ядов В. А., *Социальная идентификация в кризисном обществе*. 2007, с. 36

Интернет доступ [Просмотрено 22-05-2017]:

<http://jour.isras.ru/upload/journals/1/articles/35/submission/original/35-62-1-SM.pdf>

1.2. Социальная и культурная память как средство политики истории.

Как было сказано в начале работы, политика памяти является одним из элементов культуры общества, и как следствие – культурной политики, поэтому, в нашем исследовании мы не можем обойти стороной вопрос именно культурный аспект мемориальной политики.

Каждое конкретное сообщество (государство, народность и т. д.) создает на протяжении многих веков свою собственную гигантскую культуру, которая сопровождает человека на протяжении всей его жизни и передается из поколения в поколение. В результате, в историческом процессе возникает множество культур или культурных формаций, которые могут быть отдельными единицами культуры. Тут возникает проблема: как определить, существует ли что-то общее в этой человеческой культуре? Американский социолог и этнограф Джордж Мердок выделил более 60 культурных универсалий, свойственных всем обществам: язык, религию, символы, изготовление орудий труда, сексуальные ограничения, обычай делать подарки, спорт, украшения и т. д. Эти универсалии существуют потому, что они удовлетворяют наиболее важные биологические, психологические и социальные потребности⁶⁹.

В первую очередь необходимо сказать что такое культура. То есть дать существующее определение понятию для анализа его сущности, а также составных частей это термина.

Культура – это специфический способ организации человеческой жизнедеятельности, представленный в продуктах труда в системе социальных норм, учреждений, в духовных ценностях⁷⁰.

В независимости от того, что тема нашей работы не является сугубо культурологической, а все лишь часть культурной политики, в нашем исследовании важно кратко упомянуть о существующих видах, элементах и категориях культуры, так как все виды и элементы культуры имеют прямое отношение к политике памяти и служат инструментарием в качестве связующих элементов коммуникации между политическими элитами и общественными массами.

Выделяют несколько видов культуры, среди них находятся такие как:

Доминирующая культура – наиболее типичный способ бытия культуры в современном обществе. Каждое общество имеет определённую совокупность культурных образцов, признанную большинством членов общества и реализуемую в их жизнедеятельности.

Субкультура – это локальная культура, присущая большим социальным группам, которая складывается на основе норм, ценностей, обычаев доминирующей культуры, но несколько отличающаяся от неё.

Контркультура – разновидность субкультуры, которая не просто отличается от доминирующей, но противостоит ей, находится в конфликте с господствующей системой ценностей и норм.

Массовая культура – определяется благодаря, развитию СМИ, смысловой и художественной упрощенности, технической доступности. В XX веке она начинает вытеснять элитарную, народную культуру⁷¹.

⁶⁹ Мёрдок Д. П., Фундаментальные характеристики культуры. Антология исследований культуры. Интерпретация культуры. Санкт-Петербург. *Университетская книга*, 1999, с. 49

⁷⁰ Колин К. К., Духовная культура общества как стратегический фактор обеспечения национальной и международной безопасности. *Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств*, 2010, № 1, с. 31

⁷¹ Колин К. К., Духовная культура общества как стратегический фактор обеспечения национальной и международной безопасности. *Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств*, 2010, № 1. с. 27

Необходимо выделить несколько фундаментальных категорий культуры, которые помогут нам лучше понять механизм проведения политики памяти используя при этом культурные стимулы, которые есть базисом для восприятия и интерпретации информации (такой как история) обществом в целом и индивидом в частности.

Среди базисных элементов культуры выделяют материальные – результат деятельности человека, элементы, сотворённые руками человека и нематериальные – результат деятельности человека, но сотворённые не руками, а разумом, чувствами человека⁷².

Кроме базисных элементов существуют основные элементы.

Язык – это социальное явление, им нельзя овладеть вне общения с людьми. Язык — это система коммуникаций, осуществляемая с помощью звуков и символов, она является основным средством передачи культуры от поколения к поколению. Язык может сплачивать или разобщать.

Ценности - это социально одобряемые и разделяемые большинством людей представления о том, что такое добро, справедливость, любовь, дружба. Ценности не подвергаются сомнению и служат эталоном, идеалом для всех людей, они имеют исключительно положительное значение для существования и развития людей. Для одних главная ценность - деньги, для других - моральная безупречность. Для описания того, какие ценности важны для людей, социологи придумали термин «ценностные ориентации». Они описывают индивидуальное отношение или выбор конкретных ценностей в качестве нормы поведения⁷³.

Ценностные ориентации – описывают индивидуальное отношение или выбор конкретных ценностей в качестве нормы поведения, целей действия – это осознание человеком, общественной группой совокупности желаемых материальных и духовных благ, образа жизни, нравственных норм и выбор из них наиболее предпочитаемых.

Обычай - это традиционно устоявшееся поведение. Гостеприимство, празднование нового года, уважение к старшим и многое другое бережется народом как коллективная ценность. Обычай - это одобряемые обществом массовые образцы действия, которые следует выполнять.

Традиции - все то, что унаследовано от предшественников. Это - образцы поведения, ценности, вкусы, взгляды. Они относятся к культурному наследию, окружены почетом и уважением, служат объединяющим началом. Ходить голым по улице, бить женщину, оскорблять старших считается безнравственным. А в Спарте сбрасывать слабого новорожденного ребенка в пропасть считалось вполне нормальным явлением. Что именно считать нравственным - зависит от общей культуры данного общества.

Законы - это нормы поведения, оформленные парламентскими или правительственными документами, т.е. подкрепленные политическим авторитетом государства. Посредством законов общество защищает самые важные и почитаемые ценности: жизнь человека, его достоинство, права, собственность.

Социальные нормы – правила поведения, стандарты, образцы деятельности, выполнение которых ожидается от члена социальной группы и поддерживается с помощью санкций. Социальная норма необязательно выражает реальное поведение, а предполагает реальное существование нормативного поведения.

Нравы – обычаи имеющие моральное значение, они представляют систему взглядов о правильном и неправильном поведении, основанную на принятом в обществе представлении о добре, зле; о должном или недозволенном поведении. Особой формой нравов является ТАБУ – абсолютный запрет.

⁷² Философия культуры. Становление и развитие. Санкт-Петербург: Изд-во «Лань», 1998, с. 48

⁷³ Виртуальный учебно-методический комплекс. Раздел Политическая культура и цивилизация. Эл. Доступ [Просмотрено 17-03-2017]: http://read.virmk.ru/s/SANZ_SOC/g-044.htm

Правовая норма – стандартизированная норма поведения, формально одобренная обществом и выступающая в виде законов постановлений, распоряжений.

Ритуал – форма социально-санкционированного, упорядоченного символического поведения⁷⁴.

В рамках нашего исследования, важно указать также существующие формы культуры.

Итак, культура состоит из множества элементов и выполняет в обществе различные функции. Более того, каждое общество, каждая группа имеют свою уникальную культуру. В зависимости от того, кто создает культуру, ее разделяют на массовую, элитарную и народную.

Массовая, или общедоступная, культура появилась в середине XX в., когда средства массовой информации проникли в большинство стран мира и стали доступны представителям всех социальных слоев.

В современной социологии массовая культура рассматривается как коммерческая, поскольку произведения науки, искусства, религии и т. п. выступают в ней в качестве предметов потребления, способных при продаже приносить прибыль, если они учитывают вкусы и запросы массового зрителя.

Важным направлением исследования массовой культуры современной социологией является ее воздействие на становление личности.

Так, австрийский психолог З. Фрейд указывал на то, что при потреблении массовой культуры действуют механизмы внушения и заражения. Человек как бы перестает быть самим собой, а становится частью массы, сливаясь с ней⁷⁵.

Предпосылками возникновения массовой культуры были следующие явления: демократизация, индустриализация, развитие средств массовой коммуникации, становление нового типа индустриально-коммерческого производства и распространение стандартизированных духовных благ.

Элитарная культура создается привилегированной частью общества или по ее заказу профессиональными творцами. К ней относят специфические формы культуры, создаваемые в расчете на то, что они будут поняты лишь небольшой группой людей, обладающих особой художественной восприимчивостью и называемых в силу этого элитой общества.

Высокая культура трудна для понимания неподготовленного человека. Круг ее потребителей – высокообразованные члены общества. Однако часто бывает так, что элитарная культура оказывается лишь временной и преходящей формой эстетического самоутверждения тех или иных общественных групп, выделяющихся по социальному или возрастному признаку. Примером элитарной культуры может служить опера или балет.

Массовая и элитарная формы культуры не являются противоположными друг другу⁷⁶.

Некоторые исследователи считают, что границы между ними весьма подвижны и достаточно условны. Поэтому в современной социологии бытует мнение о необходимости взаимной интеграции этих типов культуры, что оптимизирует процесс культурного производства в обществе⁷⁷.

Весьма специфической областью культуры XX в. является культура народная.

Народная культура разворачивается в социальном пространстве между классической фольклорной традицией, из которой возрастает, и массовой культурой.

⁷⁴ Социология. Культура как фактор социальных изменений: понятие, основные элементы. Социальные функции культуры. Эл. Доступ [Просмотрено 06.03.2017] : <http://eksdan.ru/otvety-na-ekzamenatsionnye-voprosy/18-sotsiologiya/317-kultura-kak-faktor-sotsialnykh-izmenenij-ponyatie-osnovnye-elementy-sotsialnye-funktsii-kultury.html>.

⁷⁵ Фрейд З., Недовольство культурой. 1931, с. 79

⁷⁶ Давыдов С. А., Социология. Конспект лекций. Культура как социальное явление. 2010.

⁷⁷ Колеватов В. А., Социальная память и познание. Москва: 1984, с. 89

Изначально народная культура создается анонимными авторами, не имеющими специальной подготовки.

Элементы народной культуры могут быть как индивидуальными, так и групповыми и массовыми.

Диапазон народной культуры очень широк: героический эпос, тосты, сказки, танцы, анекдоты, песни. Отношения массовой и народной культуры весьма противоречивы. С одной стороны, массовая культура навязывает народной определенный образ мышления и выражения, а с другой – сама подпитывается от народной.

Очень часто под культурой понимают систему общих для людей ценностей, представлений о жизни, объединенных одинаковым образом жизни. Культура рассматривается в социологии как сложное динамичное образование, имеющее социальную природу и выражающееся в социальных отношениях, направленных на создание, усвоение, сохранение, передачу и распространение предметов, идей, ценностных представлений и т.д., обеспечивающих взаимопонимание людей в различных ситуациях⁷⁸.

Конкретное общество в своем существовании, основанное на совокупности конкретных благ и ценностей, определяющих направление его развития, в социологии называется цивилизацией. Цивилизация имеет еще одно значение - наиболее полное совпадение норм и правил государства с нормами и правилами гражданского общества, обеспечивающими свободное развитие личности. Это значение цивилизации называем цивилизованным государством.

Мы оговорили основные понятия и определения культуры как социального явления, теперь необходимо заострить внимание на культурной памяти, которая и есть главной целью изучения в данной главе.

В последнее время стало хорошим тоном говорить и писать об исторической и культурной памяти и местах памяти, особенно с упоминанием Пьера Нора. Не менее популярной продолжает оставаться и проблема сохранения культурного наследия, как его материальной составляющей, так и нематериальной, посредством воспроизводства в культурной памяти. Что же представляет собой культурная память? Как соотносятся понятия «культурная память», «культурное наследие» и «места памяти» или можно говорить об их идентичности?

Понятие культурной памяти, как и исторической, коллективной – это продукт XX века, когда появилась возможность учитывать при анализе прежде всего исторических событий и попытках реконструкции исторического полотна, не только официальные хроники, но и нарративные источники, неофициальные документы, предметы повседневного быта и т.д.⁷⁹.

Большую роль в этом процессе сыграли представители Школы Анналов, анализирующие менталитет представителей прошлых эпох. В разработке этого понятия участвовали упомянутые в первой главе исследования Хальбвакс, Я. Ассманн, П. Нора, Ю. Лотман и др.

Возникновение культурной памяти связано, по мнению Я. Асмана с феноменом смерти и сопровождающими его ритуалами. Именно память о мертвых становится первой формой культурной памяти. «Понятие прошлого возникает тогда, когда осознается разница между вчера и сегодня. Смерть есть «первичный опыт» для осознания этой разницы, так что воспоминания, связанные с умершими, дают начало культуре воспоминаний»⁸⁰.

⁷⁸ Штомпка П., Социология. Анализ современного общества. Москва: *Логос*, 2005, с. 64

⁷⁹ Романова А., Культурная память и культурное наследие. 2012. Эл. Доступ [Просмотрено 25-11-2016]: <http://kon.libed.ru/1konferenciya-istoriya/1500050-36-sohranenie-kulturnogo-naslediya-problemi-falsifikacii-istorii-materiali-vsrossiyskoy-molodezhnoy-konferencii.php>

⁸⁰ Ассман Я., Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. Москва: *Языки славянской культуры*, 2004, с. 19

Понятие культурной памяти непосредственно связано с понятиями коллективной и социальной памяти. Она формируется веками в определенной социальной группе, как предположил еще М. Хальбвакс⁸¹.

Культурная память является не хранилищем информации, а некой сложной и постоянно меняющейся и развивающейся субстанцией. Лотман считал, что память культуры не только едина, но и внутренне разнообразна... и смыслы в памяти культуры не «хранятся», а растут⁸². Для Ассмана культурная память тоже непрерывный процесс, в котором каждый социальный слой аккумулирует и реконструирует знание о себе и своей идентичности в форме культурной памяти. Культурную память по Ассману, можно, следовательно, понимать как форму трансляции и актуализации культурных смыслов.

Итак, культурная память не является сиюминутным продуктом, она накапливается веками. Можно согласиться в Ассманом, что возникает она в поле коммуникации через ее объективированные формы, или как мы сказали бы сейчас «места памяти», которыми являются тексты, изображения, монументальные постройки, например, египетские пирамиды, надписи и изображения в них. «К ней же можно отнести ритуалы и сакральные действия как институционализированные формы коммуникации, которые, будучи «фигурами воспоминания», как бы возвышаются над временем. Носителями культурной памяти являются уже не обязательно современники «актуального сообщества вспоминающих», а особые (иногда профессиональные) хранители и носители традиции, например жрецы»⁸³.

Однако, если можно говорить о сакральных истоках и достаточно долгой форме сакрального существования, то нельзя полностью говорить о сакрализации культурной памяти как таковой. Если говорить о традиционной культуре, то еще можно согласиться с утверждением Е. В. Андреевой что «культурная память связана с присущими человеку в традиционной культуре представлениями о сакральном и профаном, соединенными и поддерживаемыми посредством культа, вследствие чего культурная память удерживает единство культуры трансляцией вечных, неизменных бытийственных основ мира и нормообраза человека, воплощенных в объектах материального и нематериального культурного наследия»⁸⁴.

Однако, нельзя представлять культурную память как «интенциональный центр окружности, каждая точка которой (историческое событие) соединена с сакральным центром и только потому имеет смысл и значимость для помнящей культуры». Культурная память представляет собой массив информации, более широкий, чем только сакральная информация⁸⁵

Соответственно, культурная память является следствием того, какой именно культурный код и культурные ориентиры являются определяющими в данном обществе в данное время. Зная и понимая вышеуказанные функции, формы и смысл культуры, используя рычаги политического влияния и средства массовой информации, политические элиты, имеют потенциал трансформировать культурную память и саму культуру в целом. История, как наука является, также одним из инструментов такого превращения.

⁸¹ Хальбвакс М., Коллективная и историческая память. *Неприкосновенный запас*. 2005, с. 17

⁸² Лотман Ю. М., Память в культурологическом освещении. *Лотман Ю.М. Избранные статьи*. Таллинн: 1992, с. 202

⁸³ Ассман Я., Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. Москва: *Языки славянской культуры*. 2004, с. 21

⁸⁴ Андреева Е. В., Культурное наследие как ядро культурной памяти и его роль в сохранении духовной целостности Российской цивилизации. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук, Ростов-на-Дону 2007.

⁸⁵ Романова А. П., Культурная память как один из видов социальной памяти. 2013. Эл. Доступ [Просмотрено 16-10-2016]: http://www.eternalfrontier.org/?page_id=165

1.3. Механизм осуществления политики истории и её значение.

Мы изучаем политику памяти, как изучение и определение роли политического проекта, заказ на формирование, а также закрепление ценностей, знаний о прошлом, с определенной социально-политической целью.

Суть и предназначение политики памяти состоит в осуществлении контроля властными кругами или доминирующими элитами над конструированием знаний и представлений о прошлом. Подобный контроль, главным образом, осуществляется через интерпретацию истории, организацию массового исторического образования, организацию музейной и архивной базы, произведения культуры и искусства, формы мифологизации (символика, мемориалы, отмечание государственных праздников), топонимические названия (переименование населённых пунктов, улиц и другое), СМИ и др.⁸⁶

Политика памяти является мощным и удобным инструментом осуществления и проведения собственной политики, задавая необходимые ориентиры общественным массам и тем самым оправдывая собственные методы политического регулирования или проводимую линию в целом.

Объектом или жертвой является общество в целом или его отдельные группы (Социальные, этнические, территориальные, языковые и т.д.). Вместе с тем, следует выделить мишени, на трансформацию которых направлена мемориальная политика: общественное мнение, патриотические чувства, общественная воля, историческая память, национальное сознание и идентичность.

Целью этих практик является формирование и закрепление в обществе модели исторической памяти и управления коллективной исторической сознанием для реализации задач политической системы. С помощью исторической политики могут реализовываться различные интересы: гармоничные и антагонистические, прогрессивные, консервативные и реакционные, постоянные и временные, устойчивые и неустойчивые, общие и частные⁸⁷.

Производными от целей и интересов является задача указанных практик, которые могут реализовываться как составляющая политического менеджмента, направленного на социальные (общие) приоритеты, или политического маркетинга, цель которого - завоевание власти (частные интересы).

К первой группе относятся следующие задачи: формирование национальной идентичности; унификация различных моделей памяти, сведение к непротиворечивости официального и неофициального ее уровней; преодоления конфликтных интерпретаций в трактовке прошлого; сплочения усилий членов того или иного сообщества, отстаивания и укрепление их общественных позиций; консолидация общества/нации, создание объединяющих символов; актуализация общественно-значущего опыта прошлого; демонстрация положительных примеров для подражания; мобилизация населения к осуществлению общественных преобразований; поддержка внутренней политической стабильности; приобщения индивида к историческому опыту сообщества.

Ко второй группе можно отнести задачи, прямо или косвенно к политике памяти: получение, сохранение или перераспределение власти; дезинтеграция общества; легализация политических действий; компрометация идеологического соперника; демонстрация наследственности/последовательности общественно-политического развития (при проведении агитации) формирование ценностных ориентаций и установок в рамках политической сферы.

Следует, также рассмотреть функциональные компоненты мемориальной политики, которые раскрывают способы и средства ее реализации. К ним относятся: ресурсы,

⁸⁶ Коник А., «Историческая память» и «политика памяти» в эпоху медиа культуры. Львов. 2009, с. 153

⁸⁷ Волянюк О. Я., Общественная память и политика: Искусство возможного. Киев: ДП «НВЦ «Пріоритети», 2013, с. 101

применимые в данных практиках, интенсивность и последовательность развертывания, процедуры, механизмы и этапы их осуществления.

Социолог Э. Тоффлер выделяет три основные ресурсы власти: силу, богатство и знания⁸⁸. Согласно такому подходу можно рассматривать три группы ресурсов политики памяти: силовые, экономические, информационные. К силовым (принудительным) ресурсам политики памяти можно отнести: нормативно-правовую базу, структуры люстрации, систему контроля и исполнения. Они применяются для нормализации, организации и внедрения соответствующих практик.

Экономические ресурсы обеспечивают финансирование мемориальных проектов: создание новых и упорядочение существующих мест памяти, проведение церемоний чествования, издание и распространение материалов просветительского характера, реализация исторических медиа-проектов и тому подобное. Реализация мемориальных практик невозможна без достаточного информационного обеспечения. К информационным ресурсам относятся: экспертное/научное знание, мониторинговые исследования, система прогнозирования, планирования и разработки программ внедрения исторической политики.

За «глубиной» и интенсивностью реализации политики памяти можно изучить и описать последовательные шаги ее применения:

1. Актуализация имеющихся общественных образов прошлого.

Российская история имеет длинную цепочку ряда событий, которые врезались в сознании граждан и являются частью коллективного бессознательно социума. То есть эксплуатация чувств к определённым событиям, которые с детства имеют эмоциональное сопровождение соответствующего характера. В нужный для политических элит момент, с помощью науки, средств массовой информации и общественных мероприятий, происходит возобновления актуальности таких событий.

2. Корректировка моделей коллективной памяти без кардинальных изменений.

3. Качественное преобразование старых или внедрения новых моделей памяти.

4. Формирование новых идентичностей, оценок, способов поведения.

5. Использование закрепленных идентичностей, установок, образцов поведения для реализации общественно-значимых или частных задач политической деятельности.

Для первых трех шагов восприятия прошлого является объектом управления (формирование воспоминаний и оценок), а в следующих реализуется ресурсный потенциал памяти (использование закрепленных образов).

Механизмы реализации государственной мемориальной политики таковы:

- Принятие законов и указов, регулирующих характер, особенности церемоний и формы почитания весомых исторических событий, деятелей, образов (нормативная база)⁸⁹;

Законодательное регулирование является наиболее жестким, по своим последствиям, механизмом, так как за любое отклонение от официальной буквы закона наступает санкция – аппарат принуждения, который заставляет субъекта, который позволил себе нарушить этот закон, немедленно исправить это и повиниться. В государствах, где коррупция является не побочным эффектом, а нормой, юстиция в целом, становится марионеткой или проводником идеологических предписаний власти, ибо трактовку того что есть нарушением, а что нет, берет на себя суды, которые, как было сказано, ввиду коррупции, действуют не только исходя из норм закона, но и своим вердиктом выполняет волю власти, которая является монопольной.

- Разработка образовательных программ и учебников с учетом особенностей формирования национальной памяти (образование);

⁸⁸ Тоффлер Э., *Метаморфозы власти*. Москва: АСТ, 2004, с. 669

⁸⁹ Доценко Е., *Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита*. Москва: 1997, с. 147

Государственные институты, например, Министерство образования или другие, подобные по своей роли учреждения, устанавливают стандарт, согласно которому проводится обучение в массы. Однако, когда подобные действия проводятся в отношении точных наук, таких как математика или физика, это дает позитивные результаты, так как позволяет дать необходимую информацию для того чтобы не путать учеников или студентов в структурных изменениях тематики, которые могут возникать при индивидуальной подготовки преподавателем. Но, когда речь идет о таких науках как история, которые подвержены интерпретации, которая может влиять на мировоззрение и идеологические ориентиры учеников, это становится весьма опасным занятием, так как устанавливает монополию на историческое мнение, что противоречит главному принципу истории - объективности.

- Сохранение существующих, создание новых мемориальных объектов (мест памяти) и их использование для актуализации образов прошлого (культурный ландшафт памяти);

- Формирование пантеона исторических героев/мучеников (лица);

В этом случае запускается механизм маркетинговых структур, которые всячески пытаются поднять авторитет нужного исторического героя или события, а также дискредитировать оппонента, который не соответствовал ныне действующей идеологической доктрины.

- Введение календаря исторических праздников (события)

- Внедрение соответствующих коллективных традиций/ритуалов празднования (поведение)

- Акцент на авторитетности, уникальности, достоверности, необходимости информации о прошлом, которая распространяется, её источников и средств передачи, а также действий, которые ею стимулируются.

Всё это средства и пути внедрения и установления в государстве единого взгляда на прошлые события и единая интерпретация степени их влияния на нынешние, актуальные реалии, а также проецирования прошлого опыта на будущие «успехи», оправдывая тем самым недемократические методы влияния государства на сферу где вопросы истинности или относительной истинности должны не устанавливаться, а вычисляться путём объективного исследования независимыми экспертами и профильными сообществами.

Так или иначе, весь механизм не заключается во влиянии лишь на научное сообщество, средства массовой информации или создание фондов, которые культивируют те или иные события, даты или культ личности, весь механизм являет собой целый комплекс культурных, информационных, психологических и других воздействий на общественные массы. Он функционирует в одном направлении имея чёткие цели, воздействуя одновременно на разные каналы восприятия, стимулируя необходимые реакции в обществе.

2. Роль правовых инструментов направленных на исторический ревизионизм.

2.1. Идеологическая основа политики Президента Российской Федерации Владимира Путина и её отношение к политике памяти.

Мировоззрения, определяющее индивидуальную и коллективную идентификацию, формируется под влиянием многих факторов. Одним из неотъемлемых является – собственное прошлое. Чтобы установить идеологию, как комплекс мировоззренческих принципов в общество, необходимо некоторое время и работу соответствующих шрупп восприятия, которые и смогут сформировать у личности мнение о том, что именно эта, а не другая идеологическая догма является верной, в это время, в этой стране.

С приходом к власти Владимира Путина в 2000 году, в России началась новая эра не только в общенациональном становлении страны, но и в политике памяти. В самом начале, отношение к исторической политике было крайне осторожное и основные усилия заострились на военных действиях, и экономике. Однако, начиная с 2004 года, когда в Росси отметили 60 лет победы в «Великой Отечественной Войне», политика памяти начала приобретать систематический и вполне очертаемый вид. Учитывая, что в то время ушедший в отставку Борис Ельцин, был крайне не популярен, на чём и сыграло новое руководство страны. Имея те же традиции государственного развития, они позиционировали себя как его отрицание, критически оценивая вклад предшественников.

В основе новой политики истории лежала идея сильного государства, которое утратило свою силу, ввиду демократических послаблений ельцинских реформ, по этому, началась постройка «вертикали власти», которое сопровождалось укреплением мощи государственного аппарата и силовых ведомств. Это новшество декларировалось как восстановление утраченных традиций советского периода и Российской Империи.

Также, учитывая, что Россия перешла от плановой к рыночной экономике, и начала постепенный процесс становления страны как государства с демократическими преобразованиями, с одобрения Западных экономических доноров, правительство продолжало выбранный ранее курс на неолиберальной платформе, однако в сочетании с восстановлением «собственной самобытности», имея ввиду постепенный возврат к традициям. Учитывая все это, оценивая политику истории того периода, прослеживается наличие как государственничества так и неолиберальности⁹⁰.

Необходимые либеральные преобразования в экономике, которые были столь важны для России после распада СССР, были во многом проведены еще при Ельцине и его реформаторах, однако, они не успели застать время «пожинания плодов» таких реформ и ушли в прошлое с крайне низким рейтингом доверия граждан. Но постепенное повышение уровня жизни населения, в своём конкретном виде, стало явным уже в новом тысячелетии.

Однако, такое положение вещей несло в себе негаивные последствия для общества и для страны в целом, так как позволяло иметь определённый успех в развитии не меняя в корне основу политико-социальных взаимоотношений. Другими словами, посткоммунистическая система оставалась в целом не изменена, но с учётом экспорта углеводородов, таких как нефть и газ, позволяла наполнять бюджет страны без структурных изменений, по этому многие из начатых реформ Ельцина были свёрнуты и вернулись к своим «традициям». По этому рыночная экономика, которая начала свои преобразования стала полностью зарегулирована государством, что позволило установить экономические монополии для тех, кто успел приватизировать промышленные комплексы в 1990-х и договориться с новой властью для обеспечения лояльности. Кроме этого, важно отметить, что государственный аппарат, главная общественная сила путинской России, является прямым наследником советской номенклатуры.

⁹⁰ Копосов Н., Память строгого режима. Москва: 2011, с. 112

Проявлением силы новой власти было предстать себя неким защитником национального достоинства и потребовать от коллективного Запада считаться с Россией и её национальными интересами. Ельцинская пора «раннего капитализма» в сознании граждан представлялось отдачей собственного суверенитета «американским буржуазным империалистам».

Важным фактором поднятия престижа нового правления был тот факт, что российские новые элиты, которые смогли сравняться с элитами европейских стран по уровню личного благосостояния, (а многие превзошли в этом компоненте западных коллег) хотели ощущать себя равными по влиянию и достоинству. Это могли, частично, обеспечить именно новые власти путём своей внутренней и начинающей внешней политики.

Именно начинающая внешняя политика, нашла своё отражение в реанимации, ушедшего, имперского мышления, по которому тосковали многие, кто очень болезненно переживал распад страны и считал это собственным поражением, некоторые из них смогли стать новой элитой. Возобновление подобной политики, встретилось Западом остро, так как воспринималось в духе восстановления «империи зла»⁹¹ и реваншистского настроения. Россия пыталась играть роль великой державы на международной арене, что побудило её к стремлению к интеграции в систему международного партнёрства.

С этими попытками была связана и историческая политика, которая стремилась реабилитировать советское прошлое и отбелить тёмную репутацию прошлого. Они считали, что трудно было «добиться признания», если иметь не только слабую экономику, но ещё и «темное прошлое».

Методика, с помощью которой российской руководство пыталось достичь признания на Западе лежала сквозь внутреннюю политику, в частности, политику истории. Из за этого, наблюдался демонстративный разрыв между позицией занятой предшественником в прошлом десятилетии и воссоздания образа великой, могучей державы, наследницы Российской империи и Советского Союза. На Западе, это встретили как реализацию наихудших ожиданий, так как в Росси вновь увидели непредсказуемого, соседа с ядерной мощью.

Конечно, представители России могли добиться признания Запада используя наследие русской культуры, которая во многом почиталась и уважалась в странах запада, однако такой путь предполагал использования совсем других концепций политического, экономического и общественного развития, на который, судя по всему, режим России пойти не был готов или не хотел.

Исходя из этого, необходимо сказать о тех самых странах Запада, которые счательно наблюдали за всем, что там происходит. Вообще, если оценивать в целом, то выражаются две крайние позиции. Первая это преимущественно правоцентристские страны, которые видели в России образ непредсказуемого и опасного врага, в силу исторических и политических разногласий во взглядах, а также другая, крайняя позиция – это преимущественно страны, которые воспевали достижения «страны социализма», всячески сопротивляясь капитализму и видя в нём причину упадка гуманных ценностей, при любом, удобном случае, оправдывали всё, что происходит в России. Однако на практическом взаимодействии это сказывалось более мягко, нежели на уровне политических заявлений. Не смотря на то, что в большинстве стран настроение было в сторону первой крайности, отказаться от сотрудничества с Россией не могли, по этому приходилось находить компромисы, считаясь с разными точками зрения.

Что касается общественного представления о Западе в России, то тут тоже не всё однозначно. Сначала, в 90-х годах была волна некой идеализации западного стиля жизни, это сказалось вследствие интеграции в Россию западной культуры и уровня жизни

---

⁹¹ Рейган Р., Выступление перед Национальной Ассоциацией евангелистов. 1983.

граждан. Однако, когда реформы, проводимые Егором Гайдаром⁹², не смогли оправдать сиюминутные ожидания населения, которые стремились увидеть улучшение сразу, а также массовая приватизация, которая шла вразрез представлениям граждан о государственной собственности, многие видели в этом разграбление народного богатства, всячески пытаясь сопротивляться этому, это вызвало поворот общественного мнения в сторону необходимости возмездия страны собственным путём опираясь на традиции, самодержавия и духовность, которой не хватало во время Советского Союза, но была близка по историческим традициям Царской России. По этому мнению о Западе стало более враждебным, на основании этого, было принято решение, добиваться признания страям, проверенным путём – с позиции силы.

В результате проводимой Владимиром Путиным политики, Россия оказалась «без друзей»⁹³, так как воссоздавала конфронтацию с Западом, которая порой, вызывала ответную реакцию. Такие колебания в отношениях, во многом, предопределяло динамику политики истории. Вследствии этого, в России сложилась довольно любопытная ситуация. Так как новое руководство России понимало, что она больше не сможет развиваться самостоятельно, завуалировав себя внутри, по типу идеи «чучхе»⁹⁴. По этому необходимо было выстроить спою политику, демонстрировав решительность к постройке демократии в духе нелиберальных ингредиентов, но с учётом противостояния любым попыткам учить её этому. Это нашло отражение в так называемой «суверенной демократии». Эта концепция являла собой демократию «собственного производства», которая учитывала некие стандарты классической демократии, но имела чётко выраженную государственность или центристскость. Этим самым демонстрируется несогласие с тем, что само понятие демократия, воспринимается как собственное имя Запада⁹⁵.

На Западе начали понимать, что Россия не станет Западом в классическом варианте, и всегда будет выражать свою, отличительность во всех аспектах государственного строения. России пришлось ожидать что западные партнёры смогут воспринимать её как современную страну, с демонстрацией суверенности и собственного понимания демократии и её ценностей, и при этом не демонизировать её. И многие такие ожидания сбылись. Вероятно из за этого стояло ожидать смягчения в исторической политике России.

Общепринято считать, что демократия как современная идеология основывается на универсальной модели защиты общечеловеческих ценностей и интересов. Однако, тот факт, что Россия, в построении демократии на собственный лад, в некотором смысле искажила универсальный вид и форму демократии, и это в сущности наносит ущерб самой идеологии демократии и показывает Западу, что он не имеет «прав собственности» на это.

Это всё в целом, являлось предисловием и плацдармом для вызревания собственной идеологии, пусть с демократическим фасадом, но с авторитарным правлением и государственным сильным центром. Создания новой мировоззренческой идеологии как концепции было остро необходимо, так как строить внешнюю и внутреннюю политику в целом, было довольно сложно на сооружении, которое имела в себе часть либеральной демократии, царских традиций духовности и советских амбиций.

Кроме того, в Российской политической действительности было много противоречий и подмен понятий. Например, специфический национализм сочетался с либерализмом, а реанимация, а в дальнейшем реставрация советских амбиций называлась идеей модернизации⁹⁶.

⁹² Государственный политический деятель, исполняющий обязанности министра экономики Российской Федерации 1993-1994 годов.

⁹³ Штюмер М., В. Путин и подъём России. Нью-Йорк 2009, с. 207

⁹⁴ Северо-коре́йская национал-коммунистическая идеология, суть которой сводится к развитию государства с опорой на собственные силы.

⁹⁵ Морозов В. Е., Россия и другие. Идентичность и граница политического сообщества. Москва: 2009, с. 579

⁹⁶ Журнал «Неприкосновенный запас». №50. Россия в 1998-2006 годах. 2006.

Что касается политики истории в этом аспекте, то нужно сказать, что история в целом играет ключевую роль в политической пропаганде созданного режима. Один из идеологов этого нового режима писал: «невозможность иных форм идеологии неизбежно превратит в будущем политику памяти в стандарт политики как таковой»⁹⁷. Можно сказать, что после того как все традиционные политические идеологии утратили актуальность, единственной формой политики стала именно политика памяти.

В России на смену либеральной, социалистической и коммунистической политической культуры пришёл неопределённый «демократический консенсус»⁹⁸ который пугал Запад, и вселял в себя надежды граждан России на лучшее будущее, но теперь не коллективный Запад был идеалом, а самодержавные и духовность. Начала продвигаться риторика изображающая Запад уже не как объект подражания, как в начале 90-х, а как вражеский лагерь, но с позитивными элементами, которые, частично, можно перенимать. Согласно мнению большинства россиян, Россия должна идти по пути демократии, пусть и со специфическими особенностями. Концепция истории нового российского режима характерна для отношения к прошлому в современном мире. Она возникла из попытки соединить воедино несколько распадающихся концепций, она становится еще более непонятной и размытой. Основывается она на идеи национального государства. Но как и каждое национальное мировоззрение, российское, не отвечает на ряд важнейших вопросов в практической реализации этой идее, и каждый апологет этой идеи, по разному выдвигает вектор развития государства. По этому, данную неопределённость пытаются компенсировать частым повторением невнятных лозунгов и фрагментов специфического текста, который больше похожий на пропагандистский спич.

В своих действиях, новый режим демонстрирует пример политики без конкретного исторического проекта. Этот проект существует в обозримом будущем и характеризуется ностальгическим отношением к распавшемуся на кусочки прошлому. Этот новый, пока не существующий проект не может упорядочить цельный взгляд на собственную прошлую историю, он пытается выбирать из неё отдельные фрагменты и фокусироваться на них. Таким образом, возникает, характерная для России этого времени, «избирательная амнезия»⁹⁹. Это объясняет тот факт, что в этом проекте преобладает националистическое мировоззрение, так как сама суть национализма направленная на прошлое, это делает схожесть между ним и тем российским историческим дискурсом, который начал формироваться с началом правления Путина. Но если взглянуть на традиционные национальные истории XIX века, то можно заметить, что они всегда предполагали концепцию всемирной истории, но у нового, путинского режима, такой концепции, которая имела бы структурный характер, не было.

С учётом российских традиций исторической науки, фрагменты прошлого, зачастую вырванные из общей исторического контекста, сложно поддаются пониманию, однако именно это является собой идеальный материал для манипуляции в формировании исторической оценки прошлого.

Общеизвестно, что попадая под политический механизм, прошлое всегда становится тем объектом где возникают массовые манипуляции. Важно отметить, что если идеология сводится к политике памяти, а прошлое распадается на мелкие фрагменты, такая манипуляция не имеет альтернатив¹⁰⁰.

Как было сказано, российская идеология в отношении политики истории имела националистический характер, однако сам российский национализм имел в себе разногласия в среде его адептов. Их принято делить на западников и словянофилов. Те,

⁹⁷ Павловский Г., Плохо с памятью – плохо с политикой. 2008. Эл. Доступ [Просмотрено 11-02-2017]: <http://www.russ.ru/pole/Ploho-s-pamyat-yu-ploho-s-politikoj>

⁹⁸ Берстейн С., Политические культуры Франции в зеркале событий 21 апреля 2002 года. *Коллегиум*. 2005, № 3-4, с. 100-105

⁹⁹ Хапаева Д., Готическое общество. Морфология кошмара. Москва: 2007, с. 77

¹⁰⁰ Кара-Мурза С., Манипуляция массового сознания. Москва: 2006, с. 84

кого называют словянофилами, имели свои собственные представления о том, что такое российская исключительность, хотя и среди них не было единого мнения. Некоторые говорили об исключительности в православии, самодержавии и народности, другие говорили, что исключительность Российской идеи заключается в общинном социализме. Например, в 1990-х годах, идея особого пути, взята на вооружение националистической оппозицией, причём в специфической версии, которая одновременно носила в себе ценности государства, главенствование общества над личностью, а также идеи народности и социализма.

Эта несформированная национальная идея сильно отразилась на идеях нового режима, которая также как и националисты, начала позиционировать себя как оппозиция начальной власти, хотя формально продолжала занятый курс.

Как бы того не хотели сторонники исключительности российской самобытности, отделиться полностью от Запада они не могли, так как этот самый, критикуемый Запад был стандартом и образцом хорошего уровня жизни. Русские хотели иметь и у себя такой же образ жизни и уровень личного состояния, но с другой общественно-политической основой. Как этого можно было достичь – не известно не самым русским, ни тем, кто пристально следит за её развитием в разных уголках мира. Те идеи, которые доминировали в сознании, такие как социализм и соборность, были несовместимы с либерализмом западного толка, по крайней мере, его тяжело было сформулировать и хотя бы задекларировать. Однако, всем было очевидно, что гражданам России, после дефицита элементарных вещей в конце существования Советского Союза, важнее было наличие этих самых вещей по доступным ценам, нежели социализма и соборности. И как известно, всё это способен был представить только капитализм с его рыночной моделью экономики, а не тот советский социализм, из которого они вышли.

Россия стала в любопытное положение - был Западный либерализм, который давал много индивидуальных благ, но в таком случае страдало представление нового режима о главенствовании общества над личностью и к тому же, это ставило Россию в позицию ученика запада, что само по себе звучало угрожающе для новых элит. Кроме этого, такой вариант предполагал отказ от наследия Советского прошлого, что было немыслимо, так как новый режим жил за этот счёт и мог утратить собственную популярность. Но в то же самое время, невозможно было свернуть начатую предшественниками модернизацию, так как привязывать своё благосостояние лишь на экспорт нефти и газа, было опасно из-за риска мировых экономических кризисов, которые снижали цены на эти продукты.

В 2009 году, Президент России Дмитрий Медведев заявил о необходимости модернизации¹⁰¹, это было воспринято многими как критика застоя, сформировавшегося нефтяным благополучием, который породил многие негативные элементы, с точки зрения экономики, как коррупцию, наполнение казны денежными средствами, но жесткими условиями ведения частного предпринимательства.

По этому, роль Запада всё же присутствует в новой русской идеологии, хотя она совмещается с собственной самобытностью, которая имеет в себе только государственность. Актуальным вопросом оставался вопрос о сути этой государственности, какой она должна быть? Учитывая сложившееся положение – сильной и с имперскими амбициями, так как это соответствовало российским традициям. Эта особая роль государства объясняется многими факторами: географическими размерами, историческим наследием, ну и успевшим сформироваться в сознании большинства «враждебным окружением».

В связи с этим, роль Иосифа Сталина в истории изображается как «эффективный менеджер», по этому его жесткость в методах управления, оправдывается необходимостью проведения быстрой индустриализации в условиях «осаждённой врагами

¹⁰¹ Медведев Д., Россия, вперед!, Газета.ру. Эл. Доступ [Просмотрено 13-05-2017]: https://www.gazeta.ru/comments/2009/09/10_a_3258568.shtml

крепости», что отсылает нас в современность и мотивирует необходимость «сильной руки» нынешнего руководства.

Российские идеологи в конструировании своей версии истории, руководствуются представлением о том, что Россию нужно изображать такую как и все цивилизованные идентичности, но со своей спецификой. Эта специфика выражается в таких понятиях как, например, сталинизм, однако его пытаются упрятать подальше, придумывая объяснения происходящему, то как недопустимость единоличной диктатуры, или как мудрость прозорливого вождя, который не имел другого выбора в методиках проведения своей политики. Нынешняя историческая политика России в отношении сталинизма, больше похожа на политику истории «брежневского периода», когда эпоха Сталина, отражалась как необходимые меры защиты интересов, однако, пытаются не переусердствовать, дабы не выглядеть теми, кто одобряет тиранию перед Западными странами.

«Подобно тому как национальный опыт лишается национальной специфики, из советского опыта изгоняется коммунистическое содержание. Модернизация есть модернизация, и неважно, кто ее проводил – капиталисты или коммунисты. Все строили заводы и эксплуатировали трудящихся. И это нормально. А из внешней политики СССР изгоняется коммунистическое мессианство, и остаются чистые геополитические интересы. Не хуже и не лучше, чем у других. Какая география, такая и история. А география от нас не зависит. Октябрьская революция оказывается второстепенным событием, равно как и падение коммунизма. Зато распад СССР расценивается как величайшая геополитическая катастрофа. В этом ещё оно противоречие – между реальной политикой и грёзами о сверхдержаве»¹⁰².

Так называемое семантическое опустошение советского периода¹⁰³ было частично наполнено либерализмом, который принял негативный окрас, вызывал необходимость, для нового режима, наполнить это опустошение чем то содержательным, что помогало бы продвигать занятую политику. И если конкретного «наполнителя», который бы соответствовал ожиданиям всех внутри и за рубежом, его стояло создать. Именно так был создан миф о войне. Ведь для президента РФ Путина «советский период не являлся «чёрной дырой» в истории России, а Советский Союз не был «империей зла», скорее наоборот», уже хотя бы потому что именно Союз Советский Социалистических Республик, как военная сила, избавил всю Европу и весь мир от нацизма¹⁰⁴.

В данный момент, весь исторический эпос о Второй мировой войне, которая, в России, так усердно именуется «Отечественной», имеет сакральное значения по своей сути, ибо это превознесено на уровень религиозной догмы. Для того чтобы «соорудить» из войны, зачинщиком которой, также был «прародитель» нынешней России – Советский Союз во главе со Сталиным, целый культ, были свои, вполне объяснимые мотивы.

Для современной России, а точнее для формирования её национально-государственной идентичности, значение героического описания Второй Мировой Войны трудно переоценить, так как это события прочно связывает Россию с Европой, цивилизацией. Как было сказано ранее, по большинству вопросов, Россия миру кажется своеобразной, периферийной страной, на что есть вполне обоснованные мотивы, то историю войны 1939-1945 годов, можно описать таким образом, что именно Советскому Союзу будет отведена роль борца за истинно Европейский ценности против жестокости и варварства, который, кстати, зародился в самом сердце европейской цивилизации. Сакрализация памяти о героической войне приводит к тому, что эта память становится

¹⁰² Копосов Н., Память строгого режима: история и политика в России. Москва: 2011, с. 147

¹⁰³ Копосов Н., Память строгого режима: история в пост суверенном мире: путинская реставрация как реакционная модернизация. *Неприкосновенный запас*. 2006 №50, с. 85

¹⁰⁴ Третьяков В., Суверенная демократия. О политической философии Владимира Путина. *Российская газета*. 2005.

«непримиримой»,¹⁰⁵ то есть, это позволяет выносить неприятные страницы своей истории 1930-1940-х годов, в который, вполне, справедливо проводится равнозначное сравнение, с точки зрения Европейской истории, между личностями Адольфа Гитлера и Иосифа Сталина, за рамки исторического дискурса, затмевая этот период, концентрируясь на героическом мифе. И это происходит, в сущности из за тотальной неспособности всего общества осознать негативную сторону исторических фактов целой советской эпохи, а не по преднамеренному сговору нового режима,¹⁰⁶ это скорее эксплуатация сформированных «светлых чувств» в отношении самого события войны.

Вынуждение этой «мифологизации» еще больше вынуждает себя из за негативной оценки прошлого десятилетия, которое всем членам общества видится в весьма тёмных красках. В своём Послании Федеральному Собранию Российской Федерации¹⁰⁷ в 2005 году, её лидер – Владимир Путин, описал прошлую декаду, используя весьма, красноречивые эпитеты: там и «эпидемия распада», «разрушение старых идеалов», «хасавюртовская капитуляция», массовая бедность, засилье «олигархических группировок», паралич социальной сферы, экономический спад и нарушение целостности страны.

Во время «прямой линии» с Президентом страны в 2006 году, Владимир Путин заявил: «Россия сыграла исключительно важную роль в падении Берлинской стены и в преодолении раскола в Европе. Эта заслуга принадлежит прежде всего Советскому Союзу и нашей с вами родной России, родной стране»¹⁰⁸. Это довольно важное заявление, так как оно говорит о жертве России во имя демократии и всем тем ценностям, которые декларирует весь цивилизованный мир. Но кризис «девяностых» позволил сделать новый шаг в истории страны, выбрать новый вектор развития страны, так как именно во время прошедшего кризиса в обществе «вырабатывалась не только энергия самосохранения, но и воля к новой свободной жизни». Это заявление предусматривало выражение того, что Россия прошла свою цивилизационную миссию и готова с новыми силами делать новые свершения в своей истории. Для новой идеологии России, крайне важно было определиться с новыми ориентирами и ответить себе на вопрос о том, что такое Россия и куда она стремиться, а главное – в какой форме? Ответ на эти вопросы предполагает и особое выстраивание политики памяти.

Идеология нового режима России основывается на идеи государства. Один из почитателей Владимира Путина Михаэль Штюрмер говорит об особенностях традиции и заявляет, что она является причиной стабильности самого режима:

«Социальная система России основана на традиции, согласно которой выживание государства важнее благосостояния народа»¹⁰⁹.

Как говорит сам этот немецкий журналист, это одна из основ теории особой славяно-православной цивилизации. Его заявление относится к определению понятия о государственных интересах и как общество оценивает их важность, и вообще, что имеет ввиду под этим понятием. Когда люди в России, говорят об государственных интересах, зачастую имеется ввиду интересы государственные, то есть, в сознании рядового гражданина, общество и государство имеет единение по своей природе. Предполагается, что учитывая традиции словоупотребления понятие государство является одним из названий понятия общества. И это может создать необходимую среду для целого культа государства.

¹⁰⁵ Ферретти М., Непримириная память: Россия и война. Заметки на полях спора на жгучую тему. *Неприкосновенный запас*. 2005, № 2-3, с. 76-82

¹⁰⁶ Мендельсон С., Провал Сталинского испытания. *Иностранные дела*. 2006, №1, с. 2

¹⁰⁷ Путин В., Послание Федеральному Собранию РФ. 2005. Эл. Доступ [Просмотрено 14-04-2017]: <https://rg.ru/2005/04/26/prezident.html>

¹⁰⁸ Прямая линия с Президентом России Владимиром Путиным. Эл. Доступ [Просмотрено 14-04-2017]: http://president.kremlin.ru/appears/2006/10/25/1303_type63376type63380type82634_112959.shtml.

¹⁰⁹ Штюрмер М. В., Путин и подъём России. Нью-Йорк 2009, с.16

Не менее важной частью формирования идеологии являются исторически персоналии, которые отразились в истории. И ещё более важно отношение общества к ним. По этому, уместно, в рамках исследования отразить рейтинги популярности исторических личностей для населения.

В 1990-х и в 2007 году было проведено ряд опросов для жителей России разных регионов, по поводу того, кто является наиболее популярной личностью в истории мира и изменение настроений и оценок исторических деятелей отчетливо демонстрирует нам изменение настроений. В обоих случаях лидером стал Пётр I, но если в 90-х годах после него были Рузвельт, Черчилль, Наполеон, Александр Македонский и Цезарь, то в 2007 году, на втором месте Екатерина II, следом идёт Ленин, Сталин потом Столыпин, Александр II, Николай II и Иван Грозный. Исходя из этого рейтинга, главной точкой исторической самоидентификации служит именно Российская империя, так как весь пантеон личностей, на верху рейтинга именно оттуда. В 1990 году, тенденция популярности личностей была направлена на Запад, то в 2007 году эта тенденция сменилась в сторону национальных личностей. В таких городах как Петербург и Ульяновск, появление Ивана Грозного в рейтинге демонстрирует о способности сильного государства создать симпатию к истинным и откровенным деспотам, пусть и не очень высокую на тот момент. Но учитывая, что в 2016 году, в городе Орёл, был воздвигнут большой памятник Ивану Грозному, показывает, что стремление с «сильной руке» как к инструменту проведения государственной политики очень высок. Это подтверждает, тот факт, что подобные памятники планируется воздвигнуть в городе Александрове, Москве, Коломне и даже Казани. Примечательно, что в Москве, местом расположения памятника должна стать Лубянская площадь¹¹⁰.

Российское общество оценивает роль личности в истории России, по разному, но одним из главных индикаторов величественности является не уровень жизни граждан или уровень свобод, репрессии, при избранной личности, а позиции России на международной арене, её авторитет по сравнению с другими государствами. Другими словами, если та или иная личность в истории, заставила другие нации уважать, а еще больше бояться Россию, то такому правителю можно оправдать внутренние ужасы и откровенный террор.

Но подобные социологические опросы проходили и в последние годы, их результаты ещё более показательны. Если с «восхищением», «уважением» и «симпатией» к генеральному секретарю ЦК ВКП (б) Сталину в марте 2016 года относились около 37%, то в январе 2017 года, этот показатель вырос до 46%. Симпатия к Сталину достигла своего исторического максимума за последние 16 лет, то есть за все правление Путина, говорят данные Левада-центра. Указывается также, что при снижении безразличных к советскому вождю (с 32 до 22% за год) стремительно увеличилось количество недовольных Сталиным. С «неприятностью», «страхом», «отвращением», «ненавистью» в начале 2016 года к Сталину относились 17%, а в 2017 году — уже 21%. Социологи отмечают, что негатив по отношению к Сталину постепенно уменьшался с начала 2000-х годов.

Рост положительных эмоций по отношению к Иосифу Сталину связан с тем, что в умах среднестатистического гражданина он ассоциируется с «порядком в стране», прокомментировал РБК замдиректора Левада-центра Алексей Гражданкин. «Чем острее положение дел в стране, чем жестче вызовы перед государством, тем более в массовом сознании оказываются востребованы люди с жесткой позицией, — рассуждает социолог. — В либеральные времена такие настроения падают, сейчас же — время конфликта с Западом и нового витка холодной войны, поэтому мы видим рост симпатии к таким фигурам».

Также уровня позитивного отношения к персоне Сталина связан с конформизмом граждан, так как они чувствуют, что «частичная реабилитация советского вождя входит в

¹¹⁰ Информация об открытии памятника Ивану Грозному [Просмотрено 01-05-2017]
<https://lenta.ru/news/2016/10/03/ivan/>

генеральную линию партии», заявил РБК ведущий научный сотрудник Института социологии РАН Леонтий Бызов.

«Это скорее характеризует официальную пропаганду, чем реальные настроения людей. Россиянам традиционно нравятся стабильные периоды, а Сталин, согласно мифологии, вывел страну из разрухи, сделал из нищей крестьянской страны великую державу, и цена человеческой жизни для респондентов не так важна», — рассуждает социолог.

Еще один политолог – Алексей Макаркин отмечает, что если раньше сторонники Сталина оправдывали репрессии «величием страны» при вожде и победой в Великой Отечественной войне, то в настоящее время к этому аргументу прибавился аргумент о борьбе с коррупцией: «Репрессированные были не только врагами народа, хотевшими развалить страну, но и еще воровали». По мнению эксперта, в советский период этот аргумент не работал, так как, его можно было опровергать тем, что жертвой сталинских репрессий стали «верные коммунисты и ленинцы».

К другому генсеку ЦК КПСС Брежневу, в апреле 2006 года положительно относились 39%. В январе 2017 года — этот показатель вырос до 47%. С 12 до 9% за этот самый период снизилось количество респондентов, которые относятся к советскому лидеру негативно.

Все лучше россияне относятся к нынешнему президенту России Владимиру Путину. В 2006 году положительно о Путине отзывались 76%, в 2017 году — уже 83%. Негатив к нему за этот же период снизился с 8 до 5%. С 2014 года после референдума (аннексии) в Крыму, Путин все больше ассоциируется в народе с «сильной рукой», прокомментировал Макаркин.

Единственный относительно мягкий политик из тройки любимых лидеров россиян — Брежнев, считает другой социолог - Гражданкин. «Это благодаря тому, что его эпоха была более-менее благополучной и спокойной. Люди если не надеются на лучшую жизнь, то хотя бы стремятся к стабильности. Позитивное отношение к нему также связано с тем, что в его эпоху многие социализировались и выросли», — заявил социолог.

Образ Брежнева в народе претерпел серьезные изменения, заявил Макаркин. Он считает, что если в 1990-е годы Брежнев ассоциировался с застоем, коррупцией и ослаблением страны, то в новое время образ стал положительным. Теперь в народе эпоха Брежнева ассоциируется со сверхдержавным образом СССР, тем, что «Америка нас боялась», и массовым жилищным строительством. Эти аргументы являются крайне важными как тогда, так и сейчас для рядового гражданина России.

Сталин, Брежнев и Путин ассоциируются у россиян со стабильностью, при которых «держава укреплялась», указал Бызов¹¹¹.

Кроме этого, любопытно заметить, что Топ-3 нелюбимых исторических лидеров россиян занимают, соответственно, Горбачев, Ельцин, Хрущев.

К последнему советскому генсеку Михаилу Горбачеву позитивное отношение респондентов немного выросло: с 13% в марте 2015 года до 15% в январе 2017 года. Также, с другой стороны, гораздо больше стало и критиков его роли в стране: с 36 до 46% в аналогичный период.

Выросло позитивное отношение и к первому президенту Российской Федерации Борису Ельцину. С 12% в 2006 году до 17% в 2017 году. При этом респонденты стали относиться к нему менее неприязненно (48% в этом году против 57% в прошлом году). Однако, не смотря на это, он всё так же является одним из последних людей в рейтинге.

Практически не менялось отношение граждан России к первому секретарю ЦК КПСС Никите Хрущеву. 28% позитивно относились к нему как в 2006 году, так и в 2017

¹¹¹ Статистические данные Левада-Центра. Эл. Доступ [Просмотрено 01-05-2017]: <http://www.levada.ru/indikatory/odobrenie-organov-vlasti/>

году. За этот же период с 15 до 17% выросло количество недовольных этим советским деятелем.

Негатив россиян по отношению к таким личностям как Ельцин, Хрущев и Горбачев, преимущественно связан с тем, что у респондентов их эпоха правления ассоциируется с негативными процессами «развала страны», считает Гражданкин. Бызов добавляет к этому, что по такому же принципу респонденты, несмотря на старания РПЦ, испытывают негатив и к Николаю II как к «губителю державы».

«Хрущев «отдал Украине Крым и был несерьезным политиком», Горбачев «развалил СССР», при Ельцине произошло «ослабление международных позиций страны», — вот основные претензии народа к бывшим лидерам страны заявляет социолог Макаркин.

При этом, важно отметить, что по данным соцопроса, гдарижани Российской Федерации стали хуже относиться к основателю СССР Владимиру Ленину, и к генсеку ЦК КПСС Юрию Андропову. Количество позитивно относящихся к Ленину снизилось с 47 до 44%, к Андропову — с 47 до 37% (данные с апреля 2006 года по январь 2017 года). «Образ Ленина размывается; если в 2001 году 60% относились к нему положительно, то сейчас только 44%», — замечает замдиректора Левада-центра

Одним из главных фундаментов новой идеологии, а как следствие мемориальной политики является, затронутая ранее, мифологизация Второй Мировой Войны. Полагаю, необходимо детальнее углубиться в историю формирования такого мифа и его влияние на новую идеологию.

Война как инструмент манипуляции, путинской эпохой начался возводиться довольно рано, начиная с первых месяцев правления. Однако конкретный взлёт пришелся на 2004 год, когда была подготовка к 60-летию победы¹¹².

В начале нового века было организовано ряд социологических опросов, где граждан спрашивали о том, какое события было важнейшим в прошлом веке? — респонденты в один голос говорили что именно победа Советского Союза над Гитлеровской Германией является этим событием. Кроме того, 9 мая – «День Победы» граждане назвали главным праздником в году. По этому, нужно сказать, что тем кто создавал плацдарм для новой идеологии, не нужно было долго гадать и строить, почва была готова.

Безусловно, такое единодушие граждан России в оценке войны не было случайным, каждый гражданин воспринимал это события как личный или, хотя бы как семейный опыт, который соединял воедино всю нацию и был краеугольным камнем, который позволял отвлечься от всех факторов различия. По данным социологического опроса в рамках написания книги «Память строгого режима»¹¹³ по поводу того, есть ли у респондентов погибшие на войне, с Санкт-Петербурге положительно ответили 60,2%, в Казани – 34,4%, а также в Ульяновске 45,7%. Любопытно, что в тех же регионах, те же респонденты, на вопрос о пострадавших от сталинских репрессий, ответ был – «почти в полтора раза меньше», учитывая, что по статистике от репрессий погибло примерно в два раза больше чем на войне. Героический логос о войне сохранился гораздо лучше¹¹⁴.

И, естественно, политические лидеры, не могли не использовать это дня собственного рейтинга, при каждой удобной возможности, напоминая о войне в выгодном контексте.

Этот миф пытается выразить догму в концепции нового путинского режима, утверждая о том, что главной составляющей войны есть единство народа, вождя и государства, а не насилие государственной системы над народом. Это нашло своё выражение также и в том, что большинство людей, равно как и книг по истории, приписывают первым достижением Путина на посту главы державы – построение

¹¹² Ферретти М., Непримируемая память. Россия и война. Заметки на полях спора на жгучую тему. 2005, с. 76

¹¹³ Копосов Н., Память строгого режима: история и политика в России. Москва: 2011, с. 163

¹¹⁴ Копосов Н., К оценке масштаба сталинских репрессий. 2007, с. 37

вертикали власти. Политика история выстраивает начальный период войны в события таким образом, который максимально демонстрирует миролюбивый характер Советского Союза по отношению к соседним странам, дабы защитить его репутацию от обвинений в насилии, развязыванию войны и преступлениях, которые совершались советскими солдатами на оккупированных территориях, или как их называли – «освобождённые территории».

Данная концепция, каждый раз подчёркивает определяющую роль советской армии в победе над фашизмом, и подводит читателя к обоснованию права Советского Союза на «признание»¹¹⁵ этих «освобождённых территорий». То есть вся история интерпретируется в интересах России, суть которой состоит в постоянно и непрерывной риторике демонстрации насилия, бесчеловечия и общечеловеческого горя народа как нечто, что может «заградить» собой память о существовавших репрессиях¹¹⁶. В годы войны и после неё, в публичных, международных дискуссиях существовал некий лозунг, который гласил: «кто против СССР, тот за фашизм», в этом случае это работало идентично, заменяя только СССР на современную Россию¹¹⁷.

Главная сталинская концепция памяти о войне заключалась в том, что СССР не виновна в развязывании Второй Мировой Войны. Таким образом, новая путинская политика памяти декларировала свою версию о начале войны. Например, любые исторические факты о готовности к наступательным военным действиям со стороны Советского Союза, искажались нагромождением сведений о заградительных отрядах, о бессмысленных жертвах солдат в следствии лобовых атак с наступающими немецкими войсками.

Если говорить о персоналиях которые создавали и имели непосредственное отношение к формированию данных мифов, и всей политики памяти, можно вспомнить о Наталии Нарочницкой, которая была ярая националистка. Она, в разработке государственной политики памяти стремилась соединить комплекс представлений о Второй Мировой Войне, роли в ней Советского Союза с теорией особой славяно-православной цивилизации, которая является жертвой заговора «мировой закулисы». Её методика заключается в необходимой подмене понятий, в современности – «ре-брендинг», согласно которому, представления и выражения о государстве, как о несовершенной системе управления и иерархической структуре общества, заменяется словом «Отечество», которое уже имеет под собой определённый позитивный набор мысленно-мировоззренческих представлений и чувств. Это позволяет все преступления государства или, в частности сталинского режима, оправдать и придать ему священного и сакрального характера. То есть события общеисторического порядка приобретают образ религиозных событий библейского значения:

«Христианское, в особенности, православное сознание рождает ощущение принадлежности к священному отечеству, которое не тождественно государству. (...) Для верующего – Отечество – это дар Божий. (...) Переживание Отечества – есть производное от переживания Отца небесного. (...) В таком переживании Отечество – это метафизическое понятие, а не обожествляемое конкретное государство»¹¹⁸.

«Сознание, утратившие связь с почвой и традицией, без религиозное, будь то ультра марксистское, или ультра либеральное – порождает

¹¹⁵ Нарочницкая Н., За что и с кем мы воевали. Москва: 2007, с. 67

¹¹⁶ Хапаева Д., Готическое общество. 2009, с. 83

¹¹⁷ Фюре Ф., Прошлое одной иллюзии. Москва: 1998, с. 235

¹¹⁸ Нарочницкая Н., За что и с кем мы воевали. Москва: 2007, с. 10

утилитарное, прагматическое отношение к государству. Утрачивается понятие Отечества...»¹¹⁹.

Происходит некая попытка обожествить государство и все компоненты которые ему присущи и свойственны, включая преступные деяния и персоналии государственных вождей. Они воспринимаются как и в древние времена – божьими помазанниками, которые находятся во главе государства абсолютно легитимно и справедливо, что крайне необходимо, так как за всю историю Российской Империи и СССР лидеров не избирали, а назначали. Также как и сам Путин, который вступил в должность после ухода в отставку Ельцина и он был правопреемником как премьер-министра. Вопрос о том, был ли использован административный ресурс новым Президентом в подготовке к выборам и избирательной кампании, мы оставим за рамками этого исследования, так как это не имеет существенного значения для целей данной работы.

Как мы выяснили, идеологически, в России проводится разграничение на государство и Отечество. Еще дальше, в данной формулировке продвинулся другой идеолог Александр Дугин, который называл государство «метафизическим отечеством» и «абсолютной родиной»¹²⁰. Но у этого человека, «метафизическое отечество» имеет географические очертания, которые, кстати, выходят далеко за рамки административных границ Российской Федерации. Его «истинными» границами есть те, которые учреждены Потсдамским соглашением¹²¹. Эти границы, для идеолога есть священными и не рушимыми, однако не потому, что их установил Сталин, а потому что их «установили» Петр I и Екатерина II. То же пишет и упомянутая ранее Нарочницкая, что Сталин, всего навсего, добился «фактического признания преемственности СССР по отношению к геополитическому ареалу Российской империи»¹²².

Конечно есть большая разница между административными границами Советского Союза, и «социалистического лагеря», но если учитывать, высоту «метафизического» свойства этой территории, то различие не так сильно заметно. Исходя из этого, границам «метафизического отечества» грозит явная опасность:

«Идея, что СССР в его битве с гитлеровским рейхом был таким же преступным государством, служит изменению смысла войны и праву пересмотреть итоги Ялты (Ялтинской конференции) и Потсдама (Потсдамской конференции)»¹²³.

Необходимо сказать, что в мифе о войне везде присутствует легитимация и одобрения послевоенного устройства мира. На фоне этого разгорается война политики памяти на международном уровне. Между Россией и теми странами, которые не согласны с их оккупацией в результате передела Европы между СССР и Германией в 1939 году, например странами Балтии, Украины и других стран. В этом компоненте главным оружием в России является средства массовой информации и медиа. Так, российские медиа всегда негативно освещают любые события или высказывания в соседних странах в отношении сопротивления советской оккупации, и пытаются окрасить этот аспект в нацистский цвет. Под яркие прожектора СМИ в России и под соответствующие текстовое сопровождение, попадают все события в этих странах, которые так или иначе имеют отношение к войне или нацизму. Например, такое событие как парады бывших представителей СС в Балтийских странах или на западе Украины. В 2005 году, в России был выпущен документальный фильм о латвийском фашизме. Еще большего внимания придается участию представителей этих стран, в годы немецкой оккупации, в еврейских

¹¹⁹ Нарочницкая Н., За что и с кем мы воевали. Москва: 2007, с. 8

¹²⁰ Дугин А., Четвертая политическая теория. Санкт-Петербург. 2009, с. 238

¹²¹ Потсдамская конференция. 1945. Ел. Доступ [Просмотрено 16-05-11]: <http://files.school-collection.edu.ru/dlrstore/5e1888a2-6301-3c8d-b9cd-a1fc882a42fc/1009551A.htm>

¹²² Нарочницкая Н., За что и с кем мы воевали. Москва: 2007, с. 29

¹²³ Нарочницкая Н., За что и с кем мы воевали. Москва: 2007, с. 17

погромах, в этом случае важно отметить, что с точки зрения сталинской концепции войны, нацисты истребляли не евреев, а гражданское население, то есть преступление приобретает не этнический, а общечеловеческий характер.

Подводя итог, мы можем констатировать, что идеологемы российской власти, культивируются на всех уровнях и подаются для многих каналов восприятия. Это, в свою очередь, формирует ментальные основы гражданского населения для продвижения своих идей и создавая почву для их одобрения и поддержки со стороны всего общества или той части, которая поддается влиянию. В целом новая идеология, которая существует неофициально является симбиозом с царских традиций, советских амбиций и величия и русского православия. Создавая и продвигая своеобразные культы исторических событий и личностей, украшая их регалиями величия, героизма и преданности Отечеству, она становятся архетипами коллективного восприятия на сознательном и бессознательном уровне. Эти исторические события трансформируются с уровня материальной физики на метафизический уровень сакрализации и, в результате, становится безусловной, священной, истинной. И эта «истина», в последствии, становится инструментом осуществления политики.

2.2. Создание и функционирование общественных и государственных организаций как инструмента политики истории.

В этом разделе мы будем применять понятие «политика памяти» для обозначения всей сферы публичных стратегий в России по отношению к прошлому, практик коммеморации и преподавания истории. «Историческая политика» есть просто частным случаем общей политики памяти. Как нам известно из прошлых глав, для нее характерно участие властных структур, и политической элиты в целом, также ей присущий характер конфронтаций и попытки продвигать политические интересы политического режима.

Этот раздел посвящен выявлению и деятельности организаций, являющийся проводниками политики памяти и законодательной базы, которая обслуживает их деятельность и закрепляет мемориальную политику в правовом поле, делая её монопольной и «ручной». Особая и не простая задача при анализе политики памяти — это выявление агентов, то есть структур, которые в ней участвуют, а также их классификация. Это, прежде всего, касается негосударственных служб, в том числе экспертных сообществ и тех, кто себя так называет. Надо сказать, что до недавнего времени в России почти не было таких институтов или неформальных групп, для которых политика памяти была бы приоритетным направлением, это ещё раз подтверждает целенаправленную активность в этом вопросе нового режима. При нашем анализе, нам придётся исключить из внимания академические и университетские структуры, которые занимаются именно наукой, другими словами - профессиональным изучением и преподаванием истории. Однако мы не можем упустить из внимания тех персоналий, людей, которые работают в этих структурах. Они попадают в поле наших интересов, если они имеют отношения к общественным инициативам, которые связанные с политикой памяти, или, например, те, которые сотрудничают с неакадемическими организациями, которые имеют непосредственное отношение к вопросам политики истории.

Перед началом раскрытия темы политики памяти с 2000 года, необходимо ввести небольшой исторический дискурс в недавнее прошлое, касающийся зарождения этого вопроса. Общественный интерес к своему прошлому был наиболее интенсивен в годы Советского Союза, в период перестройки, это происходило, отчасти потому, что с помощью обсуждения истории происходила артикуляция политической позиции, которая еще не могла быть заявлена открыто. Идиоматический язык перестройки — «выбор исторического пути», «историческая альтернатива» и т.д. — в основном был заимствован из актива историков¹²⁴.

Обсуждение запретных моментов прошлой истории, связанных, преимущественно с преступлениями коммунистического режима и прежде всего сталинизма, публичные дискуссии и само произношение, применительно к СССР, таких слов как «империя» и «тоталитаризм» — очевидно это всё имело значение в политическом аспекте. В 1990-е годы, на фоне новых либерально-демократических реформ и болезненных для общества и страны трансформаций, интерес общества к истории явно уменьшился. После 1993 года, когда очевидной стала неудача судебного процесса над КПСС, правительственные структуры на длительный период перестают активно действовать и вмешиваться как в науку историю, так и во всё элементы, которые влияют на политику памяти.

Единственной известной структурой, которая являла собой, в 1990-е годы, экспертное сообщество, которое сделало для себя приоритетом участие в политике

¹²⁴ Атнашев Т., Преобразование политической речи в условиях перестройки. Свободное агентство, ответственность и историческая необходимость в возникающих интеллектуальных дебатах (1985-1991). Кандидатская диссертация. Флоренция., 2010.

памяти, была основанная в 1991 году Ассоциация исследователей российского общества (АИРО-XX, после 2000 года АИРО-XXI)¹²⁵.

Данная ассоциация активно работала с иностранными, прежде всего немецкими, спонсорами, кроме этого имела представительный международный научный совет. Кроме публикаций профессиональных монографий, которые были посвящены фрагментам истории XX века, АИРО уделяла довольно много внимания аналитике в вопросе перемен, которые происходили в сфере написания истории в России и в постсоветских странах. В 1998 году Московское бюро Фонда Фридриха Науманна совместно с АИРО начало новый проект по изучению «национальных историй» в постсоветском пространстве.¹²⁶

Данный проект в достаточной мере соответствовал ядру общественного внимания того периода, когда происходила, так называемая «национализация истории» в странах бывшего СССР. В начале 2000-х Ассоциация исследователей российского общества заявила о начале работы над новым проектом - «Реформа образования: итоги и уроки», однако, данный проект не получил необходимого развития. Деятельность АИРО в 2000-х сыграла важную роль в налаживании профессиональных контактов между российскими и зарубежными историками, а также в формировании общественной повестки дня в профессиональной среде, несмотря на это, за пределами профессиональных кругов влияние Ассоциации было не большим. Ассоциация мало рекламировала результаты своей деятельности и мало выступала в СМИ, что привело к постепенному уменьшению внимания к себе в обществе.

Другой, более важным и намного заметней для публичного пространства была деятельность организации «Мемориал». Эта организация являла собой международное историко-просветительское, правозащитное и благотворительное общество, называющейся «Мемориал», имела более широкий круг интересов, нежели просто политика памяти, — деятельность в сфере защиты права часто выходила на передний план. Но если говорить о политике памяти, то трудно переоценить роль «Мемориала» в этом вопросе, и прежде всего в памяти о политических репрессиях именно сталинского периода. «Мемориал» имеет сеть организаций: в нее входит более 60 организаций в более чем 40 регионах России, кроме этого имеет международное представительство, которое помимо России имеет организации в шести других странах. По инициативе «Мемориала», в том числе и его местных организаций, в 1990-х годах были открыты сотни памятников и памятных досок, которые были посвященные жертвам политического террора времён Сталина. С 1999 года, каждый год, организация проводила по всей России конкурсы исторических исследовательских работ среди школьников-старшеклассников «Человек в истории. Россия — XX век».

«Мемориал» активно представлен в сети Интернет, создает на сайте организации специальные страницы по ключевым направлениям своей деятельности, это касается места захоронений, истории органов госбезопасности, истории Большого террора, принудительных депортациях системе работы ГУЛАГа, а также формировала базы данных о жертвах репрессий. Отдельные страницы были посвящены репрессиям против российских немцев, поляков, а также таким репрессуемым слоям населения как жертвы социалистического сопротивления и репрессиям за веру, кроме этого, инакомыслию и диссидентскому движению, которое существовало в период после Сталина. Неслучайно в этом списке отсутствует раздел посвященный коллективизации и репрессиям 1920-х годов. Это имеет несколько причин: фокус внимания на сталинских репрессиях отражает генеалогию многих основателей общества, которые происходили из семей советских деятелей, которые были подвержены репрессиям в 30-е годы прошлого века.

¹²⁵ Ассоциация исследователей российского общества. URL [Просмотрено 22-05-2017]: <http://www.airo-xxi.ru/>

¹²⁶ Аймермахер К., Бордюгова Г., Национальные истории в советском и постсоветских государствах. Москва: АИРО-XX, 1999.

Председатель «Мемориала» А.Б. Рогинский в 2012 году рассказал, как в начале 1990-х годов в результате исследований документов госбезопасности получил точные цифры относительно количества арестованных, начиная с 1921 года, и не публиковал их многие годы, так как они были меньше тех, о которых привыкли говорить в кругу так называемых шестидесятников¹²⁷. В целом, эти две организации АИРО и «Мемориал» имели разные подходы к влиянию на общественную повестку дня. Например, если «Мемориал» стремился ее формировать, не позволяя вытолкнуть из актуального поля тему репрессий и добавлял новые сюжеты в ее обсуждение, то АИРО реагировал на общественный интерес к такой теме как национализация истории внутри России и за рубежом, а также переносил обсуждение в более спокойное и профессиональное русло.

В целом, эти две организации АИРО и «Мемориал» имели разные подходы к влиянию на общественную повестку дня. Например, если «Мемориал» стремился ее формировать, не позволяя вытолкнуть из актуального поля тему репрессий и добавлял новые сюжеты в ее обсуждение, то АИРО реагировал на общественный интерес к такой теме как национализация истории внутри России и за рубежом, а также переносил обсуждение в более спокойное и профессиональное русло.

Теперь перейдём непосредственно к интересующему нас периоду – начало 2000-х. В Москве вызвала большую обеспокоенность активизация исторической политики в странах Восточной Европы в начале XXI века, главной мишенью которой на международной арене была именно Россия. Новая власть стала искать различные способы реакции на это. В 2003 году пошли разговоры на тему того, что в России необходимо создать свой собственный Институт национальной памяти, по примеру подобных структур в соседних странах¹²⁸.

В общем, необходимо сказать, что в первой половине 2000-х годов, представители нового режима начинают активно заниматься политикой памяти и доминируют в формировании повестки дня в этом вопросе. От власти исходят практически все инициативы в этой сфере, в том числе инициативы создания организаций, которые были похожи на экспертные сообщества.

В период, начиная с 2006 по 2009 годы, власти еще более интенсивно начали действовать в сфере политики памяти. Политика партии в этом периоде полностью соответствует самому понятию «историческая политика», которая была полностью партийной и конфронтационной как на внешнеполитическом, так и на внутривнутриполитическом уровне.

В 2006 году была создана группа под руководством Александра Филиппова и Александра Данилова, которая получила задание написать новый учебник истории России XX века. Планировалось, что он должен был стать если не единственным, то основным школьным учебником по истории. Исходя из внутренне и внешней конъюнктуры политики того времени, можно предположить, что заказ на учебники исходил из президентской администрации. Позже, в 2007 году в свет вышел первый продукт этой группы — пособие для учителей по новейшей истории России. Вскоре после этого появился учебник «История России. 1945–2007», а к нему методическое пособие по периоду 1900–1945 годов¹²⁹.

¹²⁷ Рогинский А., О молчании историка. *Международный Мемориал*. 2012. URL [Просмотрено 12-04-2017]: <http://www.memo.ru/d/124360.html>

¹²⁸ Швед В., Институт исторической памяти. *Хронос*. 2008. URL [Просмотрено 12-04-2017]: http://www.hrono.ru/statii/2008/shwed_pam.php

¹²⁹ Филиппов А. В., Новейшая история России: 1945–2006: Книга для учителя. Москва: *Просвещение*, 2007; Данилов А. А., Уткин А. В., Филиппов А. В., История России. 1945–2007 гг.: Учебник для 11 класса. Москва: *Просвещение*, 2007. Второе издание: История России. 1945–2008. Москва: *Просвещение*, 2008; Данилов А.А. История России. 1900–1945. Методическое пособие. 11 класс. Москва: *Просвещение*, 2008.

Необходимо сказать, что Филиппов был известен как эксперт в области мемориальной политики, по этому, можно сделать вывод, что власти задействовали близкие им экспертные структуры в проведении своей программы. Кроме своих познания в области политики памяти, еще более важный факт состоит в том, что Филиппов являлся заместителем директора Национальной лаборатории внешней политики, на тот момент, которая была создана ещё в 2002 году. На ее сайте лаборатории сказано, что организация являет собой «некоммерческую структуру, специализирующаяся на экспертизе и разработке стратегий в области внешней политики, содействующая органам государственной власти в подготовке и осуществлении внешнеполитических решений»¹³⁰.

Учитывая, что на протяжении 10 лет своей работы, довольно мало активности она проявляла на своем поприще, исходя из этого, можно сделать закономерный вывод, что она имела сугубо служебный характер. Эта практика была задействована таким образом, чтобы создать специальный проект, который ещё называли «квазиэкспертное сообщество», его функция сводилась к тому, чтобы помогать «реанимировать» и, по возможности, продвигать, отдельные подготовленные заранее проекты.

Если говорить о сути содержания учебника, то необходимо сказать, что многие тезисы (по 1939 году, Катюны, голоду 1932–1933 годов) были сформулированы в агрессивно-пропагандистском духе, характерном для этой разновидности политики памяти и прямо связаны с исторической политикой соседних стран. Однако учебник помогал решать задачи внутри страны. Основой методологической концепции подхода, авторы провозглашали отказ от тоталитаризма как ненаучного инструмента Холодной войны и начали анализировать советский период с точки зрения теории модернизации. В действительности, основным идеологическим посылом концепции была задача нормализации сталинизма как авторитарной модели ускоренной модернизации в условиях окружения врагами, а также обоснования ведущей роли современного авторитарного лидера для решения подобных задач на нынешнем этапе¹³¹.

Это было довольно опасной практикой для становления государства с задекларированными демократическими ценностями, однако положительно сказывалось на идеологии и позициях нового режима.

В продолжение занятого курса, 2009 году, в мае, тогдашний президент Дмитрий Медведев издал указ о создании при Президенте Российской Федерации «Комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России»¹³².

Если рассматривать это событие из современности, становится очевидным, что создание комиссии было крайним выражением той версии политики памяти, которая набирала обороты в России начиная с 2003 года. Данная комиссия включала в свой состав всего двух профессиональных историков (директора Института российской истории и Института всеобщей истории РАН) и по этому, явно было что она не могла сыграть роль экспертного совета по занятым вопросам политики памяти. Кроме того, появление учебника, и создание комиссии вызвали волну негативных комментариев со стороны профессиональных историков, а также, что не менее важно, со стороны общественности. В этом контексте любопытно продемонстрировать стратегию защитников данных проектов. Один из них был Павел Данилин, в тот момент был сотрудником Фонда эффективной политики, а также был членом политического совета так называемой «Молодой гвардии “Единой России”». Вероятно это позволило ему в 2010 году стать сотрудником администрации президента Российской Федерации. Он всячески обвинял

¹³⁰ Национальная лаборатория внешней политики. URL [Просмотрено 30-01-2017]: <http://www.nlvp.ru/laboratory>

¹³¹ Миллер А., Историческая политика в России: новый поворот? Историческая политика в XXI в. Москва: ИЛО, 2011, с. 328–367

¹³² Указ Президента Российской Федерации от 15 мая 2009 г. № 549 «О Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России» // *Российская газета*. 2009. URL [Просмотрено 30-01-2017]: <http://www.rg.ru/2009/05/20/komissia-dok.htm/>

академических историков в нежелании «бороться с фальсификациями» и противопоставлял этому эффективность деятельности некоторых любителей и успешных энтузиастов, которые были более лояльны к власти¹³³. Под успешными энтузиастами он имел в виду, кроме всего прочего, созданный в 2008 году фонд «Историческая память», директором которого был А.Р. Дюков¹³⁴.

Деятельность этого Фонда действительно весьма эффективна с точки зрения задач исторической политики. К настоящему моменту Фонд осуществил много публикаций, посвященных неприглядным страницам истории соседних стран, таких как Молдовы, Украины и прибалтийских республик в период 1930–1940-х годов, прежде всего в центре внимания были истории коллаборационизма с нацистами и участия националистов этих групп в Холокосте. Судя по всему, они должны были служить ответом на историческую политику этих стран. С учетом необычайно высокой активности по количеству публикаций, а это около 50 книг за пять лет, важно отметить механизм деятельности этой организации. Суть заключалась в том, что Фонд получает отдельные подборки архивных материалов по заданным темам и на основании полученных материалов разрабатывает публикации, оформленные в риторическом плане в соответствии с духом «войн памяти» или исторической политики.

В Украине был создан Институт национальной памяти, в его сфере деятельности попадали фрагменты советского периода и осуждение репрессий со стороны советской власти, однако в России, вместо создания аналогичного института, по украинскому образцу в России было выбрано технологически более эффективное решение использовать для реализации исторической политики ряд формально независимых общественных организаций, которым можно выдавать соответствующее задание и снабжать их теми архивными материалами, которые удобны были политическим элитам. По сути, можно констатировать, что это была модификация хорошо известной полит технологии так называемого «слива» через прессу, когда информация которую необходим «слить» необязательно является неправдой, но всегда становится предметом манипуляции.

Критики и оппоненты подобной исторической политики вырабатывали свои формы организованного влияния на мнение общества. Им не удалось создать формализованные экспертные сообщества, а также неправительственные организации. Всё внимание было сконцентрировано на организации площадок для встреч отдельных экспертов и трансляции их мнения на большие аудитории. Основную роль в распространении информации о результатах их деятельности сыграли интернет-сайты. Успешным примером такой активности стал портал Полит.ру, который организовал целый ряд дискуссий, посвященных проблемам политики памяти¹³⁵. На портал было создано отдельный раздел, посвященный политике памяти, он постоянно пополнялся новыми материалами¹³⁶. Помимо непосредственно дискуссий, связанный с Полит.ру, другой клуб - «Билингва» организовал в 2008 и 2009 годах публичные лекции на тему исторической политики, об её основных авторах, идеологических основ, механизмах и опасностях,

¹³³ Данилин П., Как реагировать на комиссию по борьбе с фальсификациями: Без знака вопроса. *Русский журнал*. 2009. URL [Просмотрено 30-01-2017]: <http://www.russ.ru/pole/Kak-reagirovat-na-komissiyu-po-bor-be-s-fal-sifikacijami>

¹³⁴ Историческая память. Фонд содействия актуальным историческим исследованиям. URL [Просмотрено 30-01-2017]: <http://www.historyfoundation.ru>

¹³⁵ Часть стенограмм была опубликована на сайте «Полит.ру». Какой должна быть история Россия, *Полит.ру*. 2005. URL [Просмотрено 30-01-2017]: <http://www.polit.ru/article/2005/12/22/krugliystol/>; Как завершить историю СССР, *Полит.ру*. 2008. URL: <http://www.polit.ru/article/2008/04/24/istpamat/>

¹³⁶ Историческая политика. *Полит.ру*. URL [Просмотрено 30-01-2017]: http://www.polit.ru/topic/memory_politics/

которые сопровождалось активным обсуждением¹³⁷. В данных лекциях само понятие «историческая политика» было введено в российскую публичную дискуссию, и в нем проявлялся тот негативный смысл, которым оно изначально обладало в немецком дискурсе о политике памяти, где понятие *Geschichtspolitik* было изобретено в 1980-е годы¹³⁸.

В 2009 году, московский журнал «Pro et contra», издателем которого был Центр Карнеги, посвятил отдельный выпуск анализу исторической политики в России и других странах¹³⁹. Необходимо сказать, что в последствии журнал ещё возвращался к этой проблематике, а вышеупомянутый Центр Карнеги осуществил ряд исследовательских проектов, посвященных мемориальной политике. В 2011 году при содействии Центра, был опубликован подготовленный том касательно исторической политики в России, Восточной Европе и других странах¹⁴⁰. Важными опорными точками в публичной дискуссии по проблемам политики памяти стали статьи об «исторической политике» в российской «Википедии», а также те интерпретации, которые были представлены в Полит.ру и «Pro et contra»¹⁴¹.

Важно сказать, что в 2006–2009 годах историческая политика встречала достойное сопротивление и в структурах, созданных самой властью. Тут, прежде всего, следует отметить российско-польскую группу по трудным вопросам, которым руководил бывший министр иностранных дел Польши А. Ротфельд и ректор МГИМО академик А.В. Торкунова. Эта группа добилась существенной разрядки напряженности в этой сфере между Варшавой и Москвой¹⁴².

В 2008 году Торкунов выступил в газете под названием «Независимая газета» со статьей «О парадоксах и опасностях “исторической политики”» в качестве сопредседателя этой группы. В статье легко просматривалась оппозиция той линии, воплощением которой был ранее изданный учебник Данилова – Филиппова. Торкунов писал о периоде перестройки как о времени, когда о «преступлениях режима» говорились верные вещи, и заявил:

«В нашей дискуссии с переписывателями истории и перестановщиками памятников мы зачастую используем излишне спрямленные, примитивные аргументы, которые внутри страны воспринимаются массовым сознанием в качестве ложных идейных ориентиров. Это не тот случай, когда врага нужно бить его оружием! Ответ должен быть асимметричным, как банально это ни прозвучит. Именно поэтому стремление к абсолютному, не допускающему интерпретаций собственной истории единомыслию может стать камешком в фундамент новой тоталитарной идеологии. Даже если это единомыслие и его намеренную прямолинейность мы будем создавать из благих побуждений — “дать отпор клеветникам и очернителям”»¹⁴³.

¹³⁷ Историческая политика в Восточной Европе: плоды вовлеченного наблюдения. *Полит.ру*. 2008. URL [Просмотрено 30-01-2017]: <http://polit.ru/article/2008/05/07/miller/>; Историческая политика: update. *Полит.ру*. 2009, URL [Просмотрено 30-01-2017]: <http://polit.ru/article/2009/11/05/istpolit/>

¹³⁸ Бергер Ш., Историческая политика и национал-социалистическое прошлое Германии, Историческая политика. 2011, с. 33–62

¹³⁹ Историческая политика. *Pro et Contra*. 2009, № 3–4

¹⁴⁰ Миллер А., Липман М., Историческая политика в XXI в. Москва: *НЛО*, 2011.

¹⁴¹ Историческая политика. *Wikipedia*. URL [Просмотрено 30-01-2017]:

http://ru.wikipedia.org/wiki/Историческая_политика

¹⁴² Торкунов А. В., Ротфельд А. Д., О работе Группы и ее результатах см.: Белые пятна — черные пятна. Сложные вопросы в российско-польских отношениях. Москва: *Аспект Пресс*, 2010.

¹⁴³ Горкунов А., О парадоксах и опасностях «исторической политики». *Независимая газета*. 2008, URL [Просмотрено 30-01-2017]: http://www.ng.ru/ideas/2008-07-18/7_istpolitika.html

Можно сказать, что к концу 2009 года прежние инициативы нового режима, в сфере политики памяти, такие как единый учебник и комиссия по борьбе с фальсификациями, оказались дискредитированы, преимущественно усилиями средств массовой информации. Роль этих экспертов состояла в формулировании ключевых аргументов критики, которые затем тиражировались средствами массовой информации. То есть были частью политтехнологии. В то же самое время, сами власти постепенно отошли от примитивно-агрессивной версии политики памяти. Скорее всего, это было связано с нормализацией отношений с соседними странами.

Кроме этого, важно отметить, что во второй половине 2000-х ориентация власти на реабилитацию сталинизма была лишь одним из наиболее зримых идеологических экспериментов. В то же самое время, когда Данилов и Филиппов по заказу администрации президента работали над своим единым учебником, та же самая администрация президента предоставляла финансирование работе над откровенно антикоммунистическим учебником, которого продвигал А.И. Солженицын. Учебник не получился, и плодом этого проекта стала коллективная монография под редакцией А. Зубова, которая стала иметь большую популярность как среди профессионалов, так и общественности¹⁴⁴.

Начиная с 2010 года становится вполне очевидным снижение активности на фронтах тех «войн о прошлом», которые Россия вела с такими соседями как Польша, Украина, Молдова и прибалтийские республики ранее в 2004–2009 годах. На первый план этого периода в политике памяти вышла внутрироссийская проблематика. Также в 2010–2012 годах, наблюдалась неопределенность в основных политических вопросах. Важно напомнить, что в то время президентом России был Дмитрий Медведев, и в 2010–2011 годах было не совсем ясно, кто именно будет представлять власть на президентских выборах 2012 года. Президент Медведев искал способы поднять рейтинг, в том числе, и в политике памяти, и занял конкретную позицию против «нормализации» сталинизма и откровенных попыток оправдать преступления коммунистического режима¹⁴⁵.

Во второй половине 2011 года, резко возрастает количество протестов, и власть концентрировала свой внимание на то как реагировать именно на вызовы общественности. По этому интерес к политике памяти убавился.

Но этот интерес не ушёл бесследно, он интегрировался в некоторые экспертные сообщества, которые до этого, почти перестали заниматься этими вопросами. Так, например, Ассоциация историков российского общества начала выпускать серию «Историческая политика и политика памяти в СССР, РФ и СНГ» и опубликовала целый ряд книг, посвященных этому вопросу¹⁴⁶. Ранее упоминавшийся «Мемориал» в 2009 году, организовал новый портал под названием «Уроки истории», в котором отдельным разделом уделялось внимание мониторинговому проекту «Международного Мемориала», который функционировал с января 2010-го по октябрь 2012 года¹⁴⁷.

В этом разделе публиковались как данные мониторинга, так и критически ориентированные аналитические обзоры, посвященные исторической политике властей.

Кроме этих организаций возникали и совершенно новые структуры, которые специализировались именно на вопросах касающихся исторической политики. Так, в 2011 году Г.О. Павловский, после того как он прекратил сотрудничество с властью и после

¹⁴⁴ Зубов А. Б., История России. XX век. Москва: АСТ, 2009, с. 63

¹⁴⁵ Медведев Д. А., Нам не надо стесняться рассказывать правду о войне — ту правду, которую мы выстрадали. *Известия*. 2010, URL [Просмотрено 03-04-2017]: <http://izvestia.ru/news/361448>

¹⁴⁶ Бомсдорф Ф., Национальные истории на постсоветском пространстве. Москва: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XXI, 2009; Бордюгов Г. А., Войны памяти на постсоветском пространстве. Москва: АИРО-XXI, 2011; Бухараев В. М., Вчерашнее завтра: как «национальные истории» писались в СССР и как пишутся теперь. Москва: АИРО-XXI, 2011, с. 29

¹⁴⁷ Материалы мониторинга Международного Мемориала. *Уроки истории. XX век*. URL [Просмотрено 03-04-2017]: <http://urokiistorii.ru/monitoring>

закрытия собственного Фонда эффективной политики, создает центр и интернет-сайт, посвященный М. Гефтеру¹⁴⁸. Как ключевые были заявлены темы истории, десталинизации, исторической политики, политики памяти.

Большую роль в формировании общественной повестки дня в сфере политики памяти в этот период стали играть, создаваемые Советом по внешней и оборонной политике или его дочерними структурами экспертные группы. В роли инициатора и координатора многих таких инициатив выступал президент Совета по внешней и оборонительной политике С.А. Караганов. В начале 2011 года группа членов Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека, которую возглавлял Михаил Федотов и Сергей Караганов, вместе с обществом «Мемориал» разработали «Предложения об учреждении общенациональной государственно-общественной программы “Об увековечении памяти жертв тоталитарного режима и о национальном примирении”». После этого, на заседании Совета в Екатеринбурге, этот документ был предоставлен президенту РФ Медведеву¹⁴⁹.

Вместе с предложениями касательно увековечивания памяти жертв репрессий и другими формами коммеморации, такими как исследовательские центры, музеи, памятники, государственные памятные даты, также проект предусматривал конкурс на разработку нового учебника истории, а кроме этого там предоставлялась государственная поддержка академических исследований. Данный проект предлагал также важные политические и правовые шаги, например, давал юридическую оценку преступлений коммунистического режима, а также выражал их политическое осуждение. Важно сказать, что в рамках этой инициативы, такие экспертные ресурсы как «Мемориала» были вовлечены в деятельность Постоянной комиссии по исторической памяти Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека.

Однако данный проект был подвержен резкой критике со стороны его, заведомо имеющих, противников, таких как информационное агентство «Регнум», которое создало отдельную тему касательно политики памяти на своём веб-сайте¹⁵⁰. В то время, когда проект подвергся агрессивной и скоординированной критике, в его поддержку выступили представители одного из основных идеологических столбов нового режима – Русская Православная церковь. Впоследствии, представители РПЦ, прежде всего люди, которые связаны с деятельностью созданного в далеком 2002 году, Бутовского мемориала¹⁵¹ включились в состав постоянной комиссии, а также приняли участие в разработке программы увековечивания памяти жертв репрессий, которая уже была принята правительством в 2013 году.

Одна из базовых особенностей деятельности Совета по внешней и оборонной политике состояло в стремлении создавать коалиции поверх существующих идеологических барьеров, что позволяло, на тот момент, объединять в рабочих группах, представителей Церкви, «Мемориала» и академического сообщества, которые прежде не сотрудничали между собой. Под эгидой СВОП и при финансовой поддержке М. Прохорова в 2013 году был организован специальный Интернет-ресурс, который назывался «Историческая память — XX век». Основной идеей данного ресурса была, так называемая навигация в сфере интернет-пространства, которое было посвященное памяти о репрессиях советского периода¹⁵².

¹⁴⁸ Гефтер М., История и политика. URL [Просмотрено 03-04-2017]: <http://gefter.ru>

¹⁴⁹ Стенографический отчет о заседании Совета по развитию гражданского общества и правам человека // Официальный сайт Президента России. 2011, URL [Просмотрено 03-04-2017]: <http://news.kremlin.ru/transcripts/10194>

¹⁵⁰ Сюжет Дело историков. *ИА REGNUM*. URL [Просмотрено 03-04-2017]: <http://www.regnum.ru/dossier/1747.html>

¹⁵¹ Бутово — место памяти и покаяния. URL [Просмотрено 03-04-2017]: <http://butovo37.ru/>

¹⁵² Историческая память: XX век. URL [Просмотрено 03-04-2017]: <http://istpamyat.ru/>

В этот период, занятая ранее, стратегия нормализации сталинизма как оправдания репрессий, была окончательно проиграна, в первую очередь в общественном мнении. Вместе с этим, постепенно увеличивалось представление о жертвах репрессий, только к ней добавляется ещё одна «тяжеловесная» тема для российских архетипов - тема репрессий против духовенства и крестьянства, которая сравнивается с репрессиями 1937–1938 годов. Мысль о необходимости увековечить память жертвам политических репрессий на государственном уровне была постепенно принята властями. Значительную роль в этом сыграли экспертные сообщества. Для дискурса о репрессиях характерна была концентрация внимания на жертвах, но не на тех, кто был к этим репрессиям причастен. В отличие от соседних стран, бывших республик СССР, тема ответственности за репрессии не выносятся наружу, но и интенсивно не обсуждается.

Также важная тема в политике памяти на данном временном периоде это обсуждение опыта 1990-х годов и особенно роли и ответственности «молодых реформаторов». В 2012 году Фонд Е.Т. Гайдара, а также созданный в 2009 году, но в то время практически неактивный фонд «Уроки девяностых» организовали конкурс библиотекарей, который формулировал свои задачи как «формирование интереса к российскому историческому процессу конца XX столетия в среде российских подростков и в широких слоях нашего общества; продвижение книг Е. Гайдара и его единомышленников в школы России, а также к учителям обществоведения и истории»¹⁵³.

Другая общественная организация — близкий к властям Фонд современной истории под руководством С.М. Шахрая, которая поставила своей задачей формирование памяти о постсоветском периоде, начиная с 2009 года издает серию монографий «История современной России»¹⁵⁴. В 2013 году власть во главе с президентом Владимиром Путиным, в очередной раз продемонстрировала, свое влияние на формирование повестки дня в вопросах политики памяти. Как было проанализировано ранее, в предыдущие годы, власти уступили в борьбе за общественное мнение, по этому в 2010–2012 годах, начали последовательно создавать контролируемые общественные структуры, которые, по сути своей, можно охарактеризовать как квазиэкспертные сообщества. Задача этих сообществ состояла в легитимации, через профессиональные сообщества историков и учителей истории, «голоса власти» в вопросах политики памяти.

Ранее, в 2010 году, по инициативе зам. министра образования И.И. Калины создается Ассоциация школьных учителей истории и обществознания, во главе ассоциации становятся академик А.О. Чубарьян и ректор РГГУ Е.И. Пивовар. В мае месяце 2012 года создаётся Российское историческое общество, руководителем был назначен сам Председатель Государственной Думы С.Е. Нарышкина, вместе с С. Шахраем как председателем правления,¹⁵⁵ а в декабре того же года, был выдан указ президента Путина согласно которому было создано Российское военно-историческое общество, председателем которого стал министр культуры В.Р. Мединский. Важность этих действий со стороны власти стала отчётливо понятна в следующем, 2013 году.

В 2013 году президент Путин на заседании Совета по межнациональным отношениям вновь вернул дискурс в русло о необходимости разработки единого учебника истории. С этого момента тема единого учебника становится в центре общественной дискуссии о политике памяти. Российское историческое общество на очередном собрании, состоявшемся 27 февраля 2013 года в Кремле, поддержало и одобрило идею создания единого учебника. Все дальнейшие организационные шаги с этого момента осуществлялись не только через министерство образования и науки, которое на то время было занято подготовкой к «реформе» Российской Академии наук, но и под эгидой РИО.

¹⁵³ Положение о конкурсе библиотекарей «Время Гайдара» в 2012–2013. URL [Просмотрено 06-03-2017]: <http://rud.exdat.com/docs/index-691774.html>

¹⁵⁴ Российское историческое общество. URL [Просмотрено 06-03-2017]:: <http://rushi.org/>

¹⁵⁵ Российское историческое общество. URL [Просмотрено 06-03-2017]:: <http://rushi.org/>

Ученые Российской академии наук на базе Института российской истории разработали основную часть учебника, а также добавили перечень «трудных вопросов».

Для полного понимания сути содержания учебника, считается уместным указать перечень этих самых «трудных вопросов»:

- 1) образование Древнерусского государства и роль варягов в этом процессе;
- 2) существование древнерусской народности и восприятие наследия Древней Руси как общего фундамента истории России, Украины и Беларуси;
- 3) исторический выбор Александра Невского в пользу подчинения русских земель Золотой Орде;
- 4) причины возвышения Москвы, политика первых московских князей по отношению к ордынским ханам и правителям других русских земель;
- 5) роль Ивана IV Грозного в российской истории;
- 6) попытки ограничения власти главы государства в период Смуты и в эпоху дворцовых переворотов, возможные причины неудач этих попыток;
- 7) присоединение Украины к России (причины и последствия);
- 8) фундаментальные особенности социального и политического строя России (крепостное право, самодержавие) в сравнении с государствами Западной Европы;
- 9) причины, особенности, последствия и цена петровских преобразований;
- 10) сущность политики просвещенного абсолютизма и ее последствия;
- 11) оценка внутренней политики Александра I, Николая I, Александра II, Александра III;
- 12) характер общественного движения XIX – начала XX вв. и оценка его роли в истории России;
- 13) оценка роли России в системе международных отношений в XIX – начале XX вв.;
- 14) характер национальной политики самодержавия и ее оценка;
- 15) оценка уровня развития Российской империи в начале XX в.;
- 16) причины, последствия и оценка падения монархии в России, прихода к власти большевиков и их победы в Гражданской войне;
- 17) русская культура и первые волны эмиграции: «Философский пароход» и Русское зарубежье;
- 18) причины свертывания нэпа, оценка результатов индустриализации, коллективизации и преобразований в сфере культуры;
- 19) характер национальной политики большевиков и ее оценка;
- 20) причины, последствия и оценка установления однопартийной диктатуры и единовластия И.В. Сталина;
- 21) оценка внешней политики СССР накануне и в начале Второй мировой войны;
- 22) цена победы СССР в Великой Отечественной войне;
- 23) оценка роли СССР в развязывании «холодной войны»;
- 24) советская национальная политика;
- 25) причины, последствия и оценка реформ Н.С. Хрущева;
- 26) оценка периода правления Л.И. Брежнева и роли диссидентского движения;
- 27) причины, последствия и оценка «перестройки» и распада СССР;
- 28) оценка причин, характера и последствий экономических реформ начала 1990-х гг. («шоковая терапия»);
- 29) роль Б.Н. Ельцина в истории России;
- 30) оценка внешней политики России в 1990-е гг.;
- 31) причины, последствия и оценка стабилизации экономики и политической системы России в 2000-е гг.¹⁵⁶.

¹⁵⁶ Газета «Независимая». Ел. Доступ [Просмотрено 30-01-2017]: http://www.ng.ru/politics/2013-06-11/1_history.html

Кроме РАН и РИО выразились и иные кандидаты на то, чтобы предложить свою собственную версию нового учебника, которые весьма недвусмысленно показывали что понимают политический аспект вопроса и готовы ему следовать. Центр научной политической мысли и идеологии Степана Сулашкина, который по факту является подразделением Центра проблемного анализа и государственного проектирования предложил свой проект. В его основе заключалась идея противостояния между Россией и Западом как иными цивилизациями. Важно отметить, что упомянутый Центр проблемного анализа и государственного проектирования находился под патронатом председателя Попечительского совета Фонда Андрея Первозванного, а также фонда «Центр национальной славы» Владимиром Якуниным¹⁵⁷.

Если сравнивать этот проект учебника с учебником Данилова-Филиппова, то эксперты утверждали, что он в гораздо большей степени выше по одиозности и политизированности.

Эти действия вызвали большой ажиотаж в профессиональных кругах, что усиливало внимание всего общества. Уровень резонанса поднятой темы дошёл до того, что ставился под вопрос необходимость существования подобного рода учебника. Например, сайт Полит.ру, отвел отдельную рубрику для публичных дискуссий на эту тему и опубликовал много статей и материалов от экспертов¹⁵⁸. Также было организовано два, так называемых круглых столов для экспертов которые обсуждали «стандарт». Эти мероприятия были организованы вместе с Комитетом гражданских инициатив А.Л. Кудрина¹⁵⁹.

В связи с настолько высоким ажиотажом вокруг темы, было принято решение пересмотреть и скорректировать весь план проекта об едином учебнике. В результате, начали говорить не о единственном учебнике, а о едином стандарте, который бы соответствовал всем идеологическим канонам, который мог бы служить концепцией, на основании которой авторы могли бы писать учебники, лучшие из которых, по мнению компетентных экспертных кругов, будут предоставлены к изучению в школах к 2015 году.

Первый предложенный вариант «стандарта» был подвержен критике в сентябре 2013 года, на круглом столе, который и был посвящен обсуждению этого вопроса. На данном круглом столе были представители разных научных и экспертных полюсов. Начиная с авторов, которые подготовили «стандарт», а также те, кто яро его критиковал. Рекомендации, замечания и идейные высказывания сделанные участниками круглого стола были учтены и включены в новую, усовершенствованную версию стандарта, который появился на свет в октябре 2013 года¹⁶⁰.

О сути данной концепции и её детальном рассмотрении мы будем говорить в разделе 3.1, однако забегаая наперёд нужно сказать, что реальная методологическая задача не декларируется в самой концепции. Однако, важно учитывать многогранность России как государства, как известно, это федерация, которая в своем составе имеет несколько этнических, национальных и религиозных представителей как федеративных округов. Кроме этого, исторически, многие регионы конфликтовали между собой и имели разные интересы в глобальном масштабе. Другими словами, в имеющихся тогда учебниках по истории России не было особых различий в трактовке и нарративе в особо принципиальных вопросах¹⁶¹.

¹⁵⁷ Школьный учебник истории и государственная политика. URL [Просмотрено 30-01-2017]: <http://rusrand.ru/library/monographs/shkolnyj-uchebnik-istorii-i-gosudarstvennaja-politika>

¹⁵⁸ Полит.ру. URL [Просмотрено 30-01-2017]: http://polit.ru/rubric/history_human/

¹⁵⁹ Образ истории: запрос власти и интересы общества. *Полит.ру*. 2013, URL [Просмотрено 30-01-2017]: <http://www.polit.ru/article/2013/06/21/history/>; Преподавание истории: от принципов к реализации. *Полит.ру*. 2013, URL [Просмотрено 30-01-2017]: <http://polit.ru/article/2013/07/19/history/>

¹⁶⁰ Концепция нового учебно-методического комплекса по отечественной истории. URL [Просмотрено 30-01-2017]: <http://www.kommersant.ru/docs/2013/standart.pdf>

¹⁶¹ Кацва Л., Советский Союз в школьных учебниках истории XXI века. Прошлый век. Альманах. Москва: ИНИОН РАН, 2013, с. 87

Настоящая политическая проблема исторической науки того времени состояла в том, что многие регионы имели отдельный концепт учебников и сами учебники были во многом с явной этнической идентичности, которая иногда противопоставлялась российской, что создавало трудности в формировании мировоззрения учеников как принадлежность к России не как к этической или религиозной совместимости, а как к политической. И это, давно не было предметом публичных обсуждений и дискуссий. В доказательство этой мысли служит и тот факт, что место где Путин впервые выразил идею создания единого учебника для школ было именно Совет по национальным отношениям.

Кроме, непосредственно, попыток власти напрямую влиять на ход написания или переписи истории, другой частью политики памяти, на которую вмешиваются власти есть мемориальные артефакты, которые являются символами исторических событий и личностей.

Примером этого может послужить увековечивание памяти жертв политических репрессий. В этой сфере было сотрудничество между Советом по внешней и оборонной политике и Совета по правам человека при Президенте РФ в разработке совместных проектов. Участниками такого сотрудничества также были и представители либеральной части политических и культурных элит, Российской православной церкви, «Мемориала», другими словами традиционное разделение общества на основании идеологических взглядов не отразилось на сотрудничестве в данной области.

В 2013 году РИА Новости представило проект федеральной программы под названием «Об увековечивании памяти жертв политических репрессий». Курировал этой программой советник министра культуры Александр Протасевич, который имел прежде опыт подобной работы в качестве регионального министра культуры, молодёжной политики и массовых коммуникаций¹⁶².

В начале следующего 2014 года в социальной сети Facebook была создана группа под названием «Историки России — проблемы самоорганизации». В ней было организовано обсуждение на темы способов организации профильных сообществ. Один из дискутировавших историков - Миллер предлагал тезис о том, что одной из ключевых целей такой работы необходимо поставить такую, чтобы использовать Интернет-ресурсы, в частности социальные сети как площадки и создания ассоциаций, которые предоставляли бы профессиональным историкам голосовать и влиять на принятие решений которые бы отличались от позиции власти, в научных вопросах, однако поддержки такое предложение не имело.

Кроме этого проводилась работа по созданию другой подобной организации – Вольного исторического общества. Участники концентрировали свои усилия на том, что предлагалось в сети интернет историком Миллером, то есть создании ассоциации, которая могла бы создавать противовес властной структуре Российское историческое общество. Участниками предполагалось что именно им, то есть Вольному историческому обществу предстоит такая миссия, однако мнение разделялись и большинство высказалось о том, что организации нужно быть сдержанной и не вступать в публичные полемики с организациями которые находятся под протекторатом власти¹⁶³.

Однако такие попытки сотрудничества и корректировки работы власти в политике памяти сначала казались довольно перспективными и плодотворными, но ближе к 2014 году, в связи с революционными действиями в Украине на Майдане, всё информационное пространство России, в том числе и исторические организации, на которые власть могла иметь влияние, были сосредоточены на том, чтобы создать полное представление у

¹⁶² Историческая память — основа национальной идентичности. *Slon.ru*. URL [Просмотрено 11-02-2017]: <http://slon.ru/calendar/event/958165/>

¹⁶³ В России создано Вольное историческое общество. *Полит.ру*. 2014, URL [Просмотрено 11-02-2017]: <http://polit.ru/news/2014/02/28/vio/>

общества касательно единства соседних стран с Россией, подводя под это необходимую историческую базу.

Резкое ужесточение контроля над публичной сферой было представлено как ответ на необходимость консолидации перед лицом внешнего вызова, который имел явные очертания в СМИ, а также из-за санкций в результате аннексии Крымского полуострова. Слова о «пятой колонне» в, казалось бы, триумфальной речи Путина перед Федеральным Собранием о принятии Крыма в состав РФ¹⁶⁴, стали определяющими в развитии общественной атмосферы современной России.

Однако профессиональное сообщество видело в словах президента не просто временные, кризисные реакции, а вполне долгосрочные перспективы по реформативному обществу сознания. Образы «пятой колонны» превращал инакомыслие в акт национального предательства. Это не могла не повлиять на политику памяти. Это повлияло и на цензуру в тех СМИ, которые не поддерживали политику Кремля.

Например это привело к тому, что оппозиционный телеканал «Дождь» был исключён из кабельного вещания, доступ к нему значительно сужался для граждан.

1 марта 2014 года в газете «Ведомости» была опубликована статья авторством профессора Андрея Зубова. Статья называлась «Это уже было» суть её сводилась к тому, что в ней были выражены исторические параллели между событиями 1938 году в котором Германия аннексировала Австрию и аналогичными событиями России в Крыму. За это профессора было уволено с работы в МГИМО.

Важно отметить фон, на котором происходило увольнение. В первую очередь нужно сказать, что руководство столичного института явно не хотело показательно демонстрировать факт увольнения, так как понимали что это вызовет скандал, и с другой стороны, этот шаг показывал другим желающим покритиковать власть в его действиях. Также на фоне этого было масса публичных высказываний касательно одобрения необходимости увольнения Зубова, так как профессор государственного ВУЗа не должен высказывать негативно о руководстве страны.

Очевидно, что в этом случае наказывалась именно оппозиционность высказывания, а не легковесность тех или иных суждений по поводу исторических событий. Оппонент Зубова в газете «Известия» Андраник Мигранян вполне открыто писал в своей статье совершенно чудовищные вещи, утверждая, в частности, что, если бы Гитлер остановился в 1938 году, он вошел бы в историю как великий немецкий политик¹⁶⁵. Но он не учитывал, что в активе у Адольфа Гитлера к 1938 году уже были и «Майн Кампф», и Нюрнбергские законы.

В апреле 2014 года Центром политической информации был опубликован доклад под названием «О проблемах преподавания истории в российских учебных заведениях»¹⁶⁶, который предоставлял образец дискурсивной стратегии, а также набор понятий и терминов, которыми считалось возможным пользоваться в исторической политике. Учитывая стилистику, этот текст был близок к так называемым «разоблачительным» текстам конца 1940-х — начала 1950-х годов. История в нем представлялась только как поле битвы и идеологических диверсий, главным образом со стороны Запада против России.

Чтобы лучше понять глубину сути авторского замысла считаем важным процитировать один показательный эпизод из доклада:

¹⁶⁴ Обращение Президента Российской Федерации. *Официальный сайт Президента России*. 2014, URL [Просмотрено 30-01-2017]: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/20603>

¹⁶⁵ Мигранян А., Наши Передоновы. *Известия*. 2014, URL [Просмотрено 30-01-2017]: <http://izvestia.ru/news/568603>

¹⁶⁶ О проблемах преподавания истории в российских учебных заведениях. Москва: *Центр политической информации*, 2014, URL [Просмотрено 30-01-2017]: http://polit-info.ru/images/data/gallery/0_9440_istorii_03-2014.pdf

«Результаты анализа учебной литературы, использующейся в процессе преподавания отечественной истории, позволяют сделать вывод о том, что наиболее распространенные интерпретации исторических событий подспудно убеждают учащихся в закономерном распаде нашей страны в будущем, что якобы позволит “угнетаемым народам” обрести независимость. Таким образом, история как учебная дисциплина утратила воспитательную функцию. Отказ от научных положений об объективном характере развития российского государства-цивилизации, искусственное разделение многонационального народа России на славян -“угнетателей” и “порабощенные” ими народы, а также изъятие позитивных примеров из общего исторического наследия с одновременной героизацией сомнительных личностей не позволяют обеспечить воспроизводство традиционных для российского общества ценностей»¹⁶⁷. Суть и цель доклада не скрывалась – ней ясно указывалось на необходимость сотрудничества патриотически ориентированной научной общественности и органов государственной власти с целью консолидации нации.

Историческое пространство стало полем идеологической битвы. Особенно это касалось XX века, так как всё что происходило в Украине и западные санкции, воспринималось именно как фашистская атака на Россию. Вновь произошла попытка эксплуатировать память о войне, как орудия идеологического фронта. По этому, для историков не было никаких возможностей критически осмыслить события, которые происходили в Советском Союзе, так как его роль в становлении современной России, была очень растиражирована как героический век.

Всё эти, стремительно развивающиеся, события обозначали новый виток исторической политики государства — с фокусом на «цивилизационной самодостаточности», на сугубо положительных героях и страницах истории. Функция истории в этом виделась как сугубо инструмент воспитания патриотических граждан, по формуле Александра Бенкендорфа: «Прошлое России было блестяще, ее настоящее более чем великолепно, а что касается ее будущего, оно превосходит все, что может представить человеческое воображение»¹⁶⁸.

К пространству которое поддерживает все инициативы Кремля выступила и самая важная религиозная организация – Российская православная церковь во главе с Владимиром Гундяевым, более известным как Патриарх Кирилл. Глава РПЦ выразил смелое заявление касательно политики памяти - «единая концепция школьного учебника истории поможет молодежи победить “синдром исторического мазохизма”, который воспитывали в школах в 90-е годы»¹⁶⁹.

Важно сказать, что, например, его предшественник Алексей II отличался взглядами на память и считал беды, обрушившиеся на Россию в прошлом столетии, карой за царубийство и полагал, что грех этот еще не отмолен, то есть что русский опыт XX века должен остаться предметом осмысления и покаяния. Кирилл же убежден, что Россия свой грех уже искупила¹⁷⁰. Отсюда и рассуждения о «синдроме исторического мазохизма».

В мае 2014 года министр культуры Владимир Мединский решил, что принятие программы по увековечиванию памяти жертв политических репрессий нецелесообразно, о чем официально и объявил¹⁷¹. Организатор одного из общественных движений

¹⁶⁷ О проблемах преподавания истории в российских учебных заведениях. с. 3

¹⁶⁸ Жихарев М. И., Докладная записка потомству о Петре Яковлевиче Чаадаеве. Русское общество 1830-х годов: Люди и идеи. Москва, 1989, с. 105

¹⁶⁹ Патриарх Кирилл: единый учебник истории поможет преодолеть «исторический мазохизм». ТАСС. 2014. URL [Просмотрено 12-04-2017]: <http://itar-tass.com/obschestvo/1410442>

¹⁷⁰ Суслов М. Д., Прошлое и будущее в историческом воображении современной Русской православной церкви. Прошлый век. Москва: ИНИОН, 2013, с. 233

¹⁷¹ Сохранение памяти о жертвах ГУЛАГа могут признать формальностью, ведущей к неоправданным бюджетным тратам. NEWSru.com. 2014. URL [Просмотрено 12-04-2017]: <http://www.newsru.com/russia/27jun2014/gulag.html>

«Последний адрес» Сергей Пархоменко отреагировал на это так: «И на самом деле, это очень правильное развитие событий: нечего нам рассчитывать на эту прачечную и на все это лживое и подлое государство — со всеми его программами, со всеми его лицемерными президентскими намерениями, со всеми его надменными министерскими решениями, со всеми его тухлыми обещаниями и с вечным его трусливым кидаловом. Самим нужно это дело делать. Своими силами: потому что силы только у нас и есть. Вот поэтому никто и ничто не заменит такие замыслы и проекты, как “Последний адрес”. И эту идею нам обязательно нужно развивать дальше»¹⁷².

За весенние месяцы 2014 года власти нарушили конкретно и решительно «закручивать гайки» в деятельности в сфере политики памяти. А именно: начались увольнения с работы за «неправильные» высказывания, был легитимирован дискурс о «пятой колонне» и национал-предателях и утверждён уголовный закон, касательно высказывания о прошлом. В мае группа историков выступила к коллегам с призывом бойкотировать конкурс на написание школьных учебников истории¹⁷³.

Начиная с сентября 2016 года, в школах России перешли на единый учебник истории для каждого класса. Это окончательно завуалировало научное пространство в рамки политической идеологии и внедрилась монополия власти на историческое мнение.

Итогом проводимой политики можно назвать доклад Вольного исторического общества «Какое прошлое нужно будущему России» опубликованного в 2017 году. Эксперты ВИО, опираясь на собранные данные, ставят диагноз исторической политике России:

«Потенциал государства используется в интересах откровенно ангажированной политики памяти. Учащаются попытки приватизировать прошлое и саму память в качестве средства управления сознанием... Под лозунгом борьбы с ревизией выстраивается новая мифология, культивирующая худшее в нашем прошлом: властный беспредел и подавление личности, отношение к народу как к расходному материалу, разгул внутренних репрессий, изоляционизм и агрессию»¹⁷⁴.

Таким образом, исследуя создания, функционирования и статус большинства организаций и фондов, которые касались политики истории, можем сделать вывод, что они становятся субъектами которых используют в качестве инструментов культивирования исторических событий дат и личностей. Они пытаются легитимировать историческое наследие России, присваивая себе всевозможные достижения прошлых эпох. Также они становятся инструментом дискредитации неудобных личностей, которые не соответствуют идеологической повестке дня. Также мы видим, что власть пытается всячески подчинить своему влиянию авторитетные организации и фонды и контролировать их деятельность.

¹⁷² Пархоменко С., Facebook-аккаунт. URL [Просмотрено 30-01-2017]: <https://www.facebook.com/serguei.parkhomenko/posts/10204005487726969>

¹⁷³ Обращение к историкам — авторам школьных учебников. *Полит.ру*. 2014. URL [Просмотрено 30-01-2017]: <http://polit.ru/article/2014/05/22/history/>

¹⁷⁴ Комитет гражданский инициатив. Сайт [Просмотрено 30-01-2017]: <https://komitetgi.ru/analytics/3076/>

2.3 Трансформация нормативно-правовой базы Российской Федерации в части регулирования написания истории.

Мемориальное законодательство являет собой установление определённых ограничений в историческом дискурсе с определёнными целями. В России законодательная база, которая регулирует написание обсуждения или суждение на определённую тематику имеет специфический характер. Но перед тем как раскрыть его специфику, хронологию принятия и юридическую сущность, полагаем, важно сделать компаративный анализ, то есть привести некоторые аналогии с другими странами, которые также имеют мемориальные законы.

Большинство из существующих мемориальных законов носят декларативный характер. Например, в таких странах как Румыния, Чехия, Германия, Австрия, Бельгия уголовное законодательство предусматривает санкцию за отрицание Холокоста. За отрицание геноцида армян в Турецкой империи в 1915-1923 гг, в Бельгии и в Швейцарии предусмотрено также уголовное наказание.

Термин «мемориальное законодательство» имеет французское происхождение. Именно во Франции были первые массовые движение интеллектуальных кругов против подобного рода законов. Во Франции существуют 4 таких закона: «Закон Гэссо» принятый в 1990 году. Суть его заключается в том, что отрицание Холокоста предусматривает уголовное наказание; Закон, принят 2001 году который признает истребление армян в Турции 1915 году геноцидом; «Закон Тобира» принят в 2001 году и объявил работорговлю преступлением против человечности; а также Закон 2005 года о французском «присутствии» в бывших колониях¹⁷⁵.

Исходя из того, что во Франции были активные протесты профессиональных сообществ, в Парламенте было создано отдельную комиссию по мемориальным законам. Данная комиссия, в результате внутренних обсуждений, дала рекомендацию воздержаться от принятия подобных законов впредь, мотивируя данное решение тем что «принимать законы, дающие характеристику или выражающие оценку исторических фактов, не входит в функциональные обязанности Парламента»¹⁷⁶.

В 2012 году, второй мемориальный закон Франции был отменен так как его признали противоречащий Конституции страны.

Пример Испании является наглядно демонстрирующим, что противоречивая политика в прошлом отражается на политике в будущем. Так, во время радения режима генерала Франциско Франко, официальным признавалось наложение табу на спорные или неудобные темы гражданской войны и франкизма с точки зрения национального согласия.

Однако, с приходом во власть в 2004 году политиков социального толка, начали использовать некоторые исторические факты против прежнего режима как компромат. Позднее, 2006 год был признан «годом исторической памяти» в Испании, а в следующем году был принят новый мемориальный закон, который осуждал режим генерала Франциско Франко и признавал его фашистским, также согласно этому закону происходила реабилитация жертв диктатуры и гражданской войны. Также вместе со всем запрещалась символика бывшего режима, ликвидировали памятники, мемориальные памятники, открывался доступ к архивным документам прошлого периода¹⁷⁷.

Как уже было сказано ранее, у власти в Испании к тому моменту пришли социалисты, которые являлись оппонентами прежнего режима, представители которого были в противоборствующей политической силе – Народной партии. Мемориальный

¹⁷⁵ Копосов Н., Политика памяти и мемориальные законы. 2011. Эл. Доступ [Просмотрено 30-01-2017]: <http://www.russ.ru/pole/Politika-pamyati-i-memorial-nye-zakony>

¹⁷⁶ Интернет-журнал ГЕФТЕР 2012. Эл. доступ [Дата доступа: 18.01.2014]: <http://gefter.ru/archive/3302..>

¹⁷⁷ Руис Н., Испания: исторический закон. Газета «Newspain.ru». 2007.

закон в данном случае использовался как инструмент политической борьбы против оппонентов.

Можно вспомнить опыт Польши и того, как политики с 1990-х годов, которые находились в партии «Солидарность», ставали субъектом новых законов, которые предусматривали очищение власти от сил, имеющих отношение к преступному советскому режиму и являлись, по крайней мере, молчаливыми соучастниками. Что касается законодательства Польши, то закон об Институте национальной памяти была создана комиссия преследования преступлений против польского народа. Этот закон уравнивал преступления нацизма с коммунистическим режимом против граждан Польши.

В 2007 году, Германия выдала законодательную инициативу в Европарламент согласно которой предполагалось запрещать отрицание Холокоста, однако она не была поддержана. С подобными инициативами выступали такие страны как Литва и Латвия, которые предлагали запрещать отрицание преступлений Советского Союза времен Сталина, а точнее оккупации их территорий и всех преступлений, которые были совершены на их территории оккупационным режимом. Это предложение также было отвергнуто большинством. Такие законы нашли отражение во внутреннем законодательном поле этих стран, а также Польши, и например, страны, которая не является частью Европейского Союза – Украины.

В Литовской Республике, для лиц которые «пропагандировали, отрицали, грубо умоляли или оправдывали геноцид или другие преступления, совершенные коммунизмом или фашизмом»¹⁷⁸ в 2009 году была принята поправка в Уголовный кодекс.

Верховная Рада Украины в 2006 году приняла закон согласно которому объявила голодомор 1932-1933 гг. «геноцидом Украинского народа». В 2012 году законом была установлена ответственность за отрицание или оправдание нацизма, а в 2014 было официально уравнено коммунизм с нацизмом, также этот закон запрещал деятельность Коммунистической партии, которая до 2014 года была в парламенте, а также запрещалась всякого рода символика и пропаганда коммунистической и нацистской идеологии наказывалась уголовным наказанием¹⁷⁹.

Подобного рода законов нет в ряде стран, таких как Соединённые Штаты Америки, Великобритания, Япония, Венгрия, Финляндия и даже Италия¹⁸⁰. По мнению некоторых из этих стран, принятие данных законов противоречит ряду принципов демократического общества, в частности, свободе слова. Юристы отмечают что подобное законодательство может наносить вред историческим исследованиям, их чистоте, прозрачности и объективности. Использование образов прошлого, как инструмента для получения политической или экономической выгоды превращаем историю как науку в ресурс, что позволяет правовым механизмам регулировать сферу исторической политики, которая в свою очередь формирует представление общества о собственном прошлом и о собственной идентификации. О том тезисе, что история как события прошлого стали ресурсом, свидетельствует возрастающая сторона коммерции истории как отдельных проектов, таких как компьютерные игры и кинематограф, антикварные рынки, туризм и другие, успешно используют образы прошлого и конвертируют их в денежный эквивалент¹⁸¹.

Необходимо сказать, что в странах бывшего Советского Союза, как было показано, часто и активно в публичном дискурсе обсуждается тема мемориальных законов. В них присуща острая полемика, есть противники и те, кто защищает такую позицию, однако

¹⁷⁸ Копосов Н., Политика памяти и мемориальные законы. 2012, с. 294

¹⁷⁹ Закон Украины «Об осуждение коммунистического и социал-националистического тоталитарных режимов в Украине и запрещение пропаганды их символики». № 26 С поправками на 2015. Эл. Доступ [Просмотрено 12-05-2017]: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/317-19>

¹⁸⁰ Матусевич О., Мемориальное законодательство: генезис и противоречия. 2014.

¹⁸¹ Полян П., Попытка оправдания дьявола. Наказание отрицателей и исторический арбитраж, *Еврейская газета*. №12, 2008.

нужно уточнить важную деталь – мемориальные законы являют собой реакцию на восстановление имперских атрибутов отдельными странами, которые называют себя правопреемниками бывших империй, например, Советского Союза, вместе с многими присущими им имперскими амбициями, что не может не вызывать обеспокоенность и стремление защитить себя от ошибок прошлых периодов.

Теперь, необходимо сконцентрироваться на мемориальных законах в Российской Федерации, их сути, целевой направленности, а также хронологии принятия и событиями, под которые сопровождалась инициативы законов и проектов.

Необходимость установления мемориального дискурса в рамки законных рамок, российские политические деятели и их идеологические сторонники, мотивируют ответом на подобного рода законов в соседних странах. Один из них, Глеб Павловский, в 2008 году так пишет на этот счёт:

«Общество потеряло суверенитет в проработке своего прошлого. Но притом мы является частью мира, где политической идеологией соседей становится именно «официальная память». (...) Лишь до поры до времени можно не обращать внимание на накопление «судами историй» разных стран обвинительного потенциала. (...) Россия, не имея собственной политики памяти, стала беззащитным и безопасным экраном диффамационных проекций и агрессивных фобий. Не ставшее субъектом своей памяти, русское общество стоит перед угрозой стать объектом чужих проекций и разыгрываемых небезобидных постановок»¹⁸².

Главными зачинщиками подобных баталий на историческом фронте, в России видят такие страны как Польшу и Украину, мемориальные законы которых, были описаны выше. Российский историк и специалист по политике памяти Андрей Миллер призывал не ставить России на «этот порочный путь»¹⁸³.

Объектом исследования данной главы будет вопрос о том, является ли мемориальное законодательство России оборонительным или наступательным?

Начиная с 1990-х годов, когда Советский Союз прекратил своё существование и страны, которые были им оккупированы, стали свободными и начали проводить собственную политику, основанную на демократических ценностях и заявляя о себе как о представителях западной цивилизации. Путь государственного строения и идеологических приоритетов и принципов новой власти, особенно начиная с 2000-го года, был описан выше, в главе 2.1. где было изображено и опасно тот факт, что Россия, начав при Ельцине либеральные реформы, резко их свернула при Путине и начали строить «суверенную демократию» всячески демонстрируя отличительность такой системы от европейской, а также возобновлять имперские амбиции. Такие шаги, всячески вызвали недоверия соседних стран, которые, впрочем и начали защищать своё информационное и историческое поле от негативных воздействий. Возникло даже понятие «войн памяти», которые якобы затевали соседние страны против России.

В 2007 году в Эстонской столице, городе Таллинн была перенесена бронзовая статуя советскому солдату¹⁸⁴. Этот факт, на фоне парламентский выборов в России, спровоцировал повышение градуса жестокости внутренней политики новых властей. На этом фоне, в российском информационном и политическом пространстве начали громко звучать призывы «защитить память», разорвать дипломатические отношения и сопровождалось частыми пикетами Посольства Эстонии в России. Никто из недовольных,

¹⁸² Павловский Г., Плохо с памятью – плохо с политикой. 2008, Эл. Доступ [Просмотрено 16-10-2017]: <http://www.russ.ru/pole/Ploho-s-pamyat-yu-ploho-s-politikoj>

¹⁸³ Миллер А., Россия: власть и история. *Pro et contra*. 2009, с. 20

¹⁸⁴ Торсти П., Почему политика истории так важна? Случай с эстонским бронзовым солдатом. Холодная война и политика истории. Хельсинки. 2008, с. 19-36.

не хотел слушать о том, что этот солдат воспринимался как символ советской оккупации. Тогда, одна из упомянутых ранее идеологов России, Наталия Нарочницкая и начала говорить о необходимости принять закон, который отрицал бы роль Советского Союза в победе над фашизмом. В 2008 году была создана рабочая группа¹⁸⁵ под руководством заместителя председателя комитета Государственной Думы по делам Содружества Независимых Государств Константина Затулина¹⁸⁶.

В том же году, случилось ещё одно событие, которое ещё больше подняло градус напряжения к вопросам политики памяти. В Санкт-Петербурге, на международной конференции, которая была посвящена истории сталинизма, которая была организована Академией науки и обществом «Мемориал». Был осуществлён обыск, который проходил с многочисленными нарушениями законодательства, (позже, суд признал его незаконным) во время него были изъяты жесткие диски на компьютере¹⁸⁷.

Этому действию нашли объяснение через несколько дней. В «Русском журнале» была опубликована подборка материалов касательно исторической памяти, на вступительной странице которых было указано:

«Мемориал пропагандирует только одну точку зрения – точку зрения жертв – и по этому повинен в неполадках с исторической памятью, которая, в данном случае, не объединяет, а разъединяет общество»¹⁸⁸.

В связи с тем, что в 2009 году начались подготовки к юбилею победы во Второй Мировой Войне, которая в России называется Великая отечественная Война, началась мемориальная кампания. Это отразилось на том, что один из лидеров правительственной партии «Единая Россия», в то время он был министром по чрезвычайным ситуациям Сергей Шойгу, на встрече с ветеранами высказался о необходимости принятия мемориального закона. Не взирая на то, что позже, эта инициатива встретила сопротивление со стороны некоторых однопартийцев, 20 апреля 2009 года, закон был подготовлен и опубликован¹⁸⁹ к обсуждению на заседании Государственной Думы России.

Этот закон был довольно комплексным с точки зрения проведения политики памяти и предусматривал два нововведения: первое – создание Общественного трибунала для руководства исторической политикой, второе – внесение поправок и дополнений в Уголовный кодекс РФ, которые предусматривали уголовную ответственность «за посягательство на историческую память в отношении событий, имевших место в период Второй мировой Войны».

Функции ново созданного трибунала были довольно объемные: осуществление мониторинга антироссийской исторической политики соседних стран и разработка российской исторической политики. Кроме этого, к работе трибунала было обеспечено поддержка со стороны государственных органов. Влияние политических элит на его деятельность была довольно широка и предусматривала назначение состава тремя учениками по равномерным пропорциям – треть назначалась президентом страны, треть – думой и остальная часть Общественной палатой. В обязанности комиссии входило давать рекомендации правительству относительно тех стран, которые проводят антироссийскую политику, вплоть до разрыва дипломатических отношений.

Однако данный проект не был принят. Основным фактором, который не дал закону вступить в силу, а позже и был забыт, это тот аспект закона, что там находились две противоречивые статьи, одна говорила о том, что всех, кто сотрудничал с нацистами необходимо осудить, а вторая предусматривала территориальный охват на территории

¹⁸⁵ Кегель И., На пути к «предсказуемому прошлому»? Комментарий к созданию Комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории в России. №3. 2009, с. 365

¹⁸⁶ Полян П., По ком пробил царь-колокол? №3, 2009, с. 388

¹⁸⁷ Брент Ж., Постмодернизм сталинизма. Хроники высшего образования. 2009, с. 98

¹⁸⁸ Павловский Г., Плохо с памятью – плохо с политикой. 2009, с. 104

¹⁸⁹ Публикация закона на сайте «Регнум». 2009. Эл. досуп [Просмотрено 16-10-2017]: www.regnum.ru

бывшего СССР в рамках 22 июня 1941 года, мотивируя это тем, что Россия является правопреемницей Советского Союза. Не тяжело было заметить, что эти границы были установлены в результате договора с нацистской Германией, и по критериям этого же закона, Россия сама является страной, которую нужно осудить. Именно поэтому этот закон исчез из публичного пространства.

Но он не исчез навсегда, те кто его писал, учли все позиции критиков и уже 6 мая, за три дня до празднования Дня победы уточнённый закон был представлен в Государственную Думу, где были поправки к уголовному Кодексу. Любопытно отметить сопроводительный текст к поправке:

«Оценка действий антигитлеровской коалиции в период Второй Мировой войны не может подвергаться оспариванию в какой-либо форме.

Страны, признающие вражескими действия стран антигитлеровской коалиции во Второй мировой войне по отношению к себе, фактически ставят себя в положение союзников нацизма»¹⁹⁰.

Через день, на сайте Президента России появилось обращение в связи с Днём победы, где, в очередной раз, было резко заявлено о необходимости борьбы с «фальсификаторами» истории.

Вместо ранее предлагаемого Общественного трибунала, 15 мая указом президента была создана комиссия «по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России»¹⁹¹. Интересно, что в состав комиссии вошли Затулин, Нарочницкая и представители комитетов Думы, министерств и даже спецслужб. Председателем комиссии стал глава администрации президента РФ Сергей Нарышкин. Члены комиссии, также назначались президентом страны, а функциональная деятельность сводилась к предоставлению президенту собственных рекомендаций.

Весьма любопытно, что формулировка «фальсификаторы истории» выглядит как цитата из знаменитой «исторической справки», которая называлась «Фальсификаторы истории», которая была опубликована в 1948 году, которая имела своей целью опровергнуть подобные обвинения против действий СССР перед началом войны¹⁹².

В ответ на это, организация «Мемориал» опубликовала заявление, в котором указала, что приблизится к пониманию прошлого лучше не с помощью государственного регулирования, а с помощью открытия архивов¹⁹³. Международное историческое общество поддержало такую инициативу. Глава ассоциации «За свободу истории» Пьер Нора выразил солидарность с протестом. Американская историческая ассоциация направила открытое письмо к президенту Дмитрию Медведеву, в этом письме, отчасти, говорилось:

«Мы считаем неприемлемой любую попытку объявить преступлением историческую мысль, сколь бы досадными и нелицеприятными ни были её открытия, поскольку это было бы вмешательством в ход исторического исследования. Результатом неизбежно будет запугивание учёных и искажение их находок»¹⁹⁴.

Под влиянием столь сильной общественной волны возмущения, данный закон не был принят. 3 июля 2009 года, была принята вильнюсская резолюция Парламентской

¹⁹⁰ Пояснительная записка к проекту закона. Эл. доступ [Просмотрено 16-10-2017]: <http://www.gryzlov.ru/index.php?page=zakon&type=p&cat=init&id=104>

¹⁹¹ Камышев Д., На борьбу с народными искажителями! *Власть*. №20, 2009.

¹⁹² Фальсификаторы истории. Историческая справка. Москва: 1948.

¹⁹³ К гражданам России, президенту и Государственной Думе. Эл. Доступ [Просмотрено 16-10-2017]:: <http://www.polit.ru/institutes/2009/06/01/let.html>

¹⁹⁴ Письмо Медведеву. Электронная версия письма [Просмотрено 16-10-2017]:: http://www.historians.org/press/Medvedev_Letter_June_17_2009.pdf

ассамблеи ОБСЕ «Поощрение прав человека и гражданских свобод в регионе ОБСЕ в XXI веке, на которой было призвано «продолжать изучение тоталитарного наследия и повышать осведомлённость общественности (...) о тоталитарной истории» и обратилась ко всем государствам-участникам с призывом «открыть свои исторические и политические архивы»¹⁹⁵.

В ответ на это, две палаты российского парламента выразили решительный протест против того, чтобы сравнивать СССР в фашистской Германией. Спикер Совета Федерации С. Миронов выпустил статью, в которой агрессивно подчёркивал, что лишь предрассудки времен холодной войны, унаследованные некоторыми сегодняшними политиками, заставляют обвинять СССР в развязывании войны, хотя Мюнхен был не лучше пакта Молотова-Риббентропа. Перед лицом «целенаправленной, вероломной и агрессивной» антироссийской исторической политики соседей, он призвал покончить с «разрухой в головах» отечественных интеллектуалов, представляющей угрозу безопасности России, и оказать государственную поддержку военно-историческим исследованиям в противовес проектам, финансируемым из-за рубежа¹⁹⁶.

В ответ на это было выпущено два сборника прежде секретных документов из архива внешней разведки. Эти документы, на первый взгляд показывают в негативном свете «антисоветскую» внешнюю политику Польши и стран Балтии и этим, косвенно оправдывают их оккупацию¹⁹⁷. Осветление этих документов стало скорее ходом полит технологий нежели открытости, так как открывали доступ лишь к тем, неполным документам, которые могли очернить стран-соседей РФ, а остальные были архивы оставались закрыты.

Ближе к 70-летию победы власти России одобрили существующий проект мемориального закона и даже предлагали запретить пересмотр итогов войны на международном уровне¹⁹⁸. Кроме этого, в более тихом тоне выступил тогдашний премьер Путин, в своей статье, осудивший Пакт Молотов-Риббентропа и назвал сталинизм тоталитаризмом. Добавил к этому, что он уважает чувства поляков связанные с Катынью, а также призвал всех простить друг друга за прошлые грехи¹⁹⁹. Статья была началом улучшения отношений с Польшей, однако вскоре они были вновь на спаде.

В 2010 году министр иностранных дел РФ Сергей Лавров в статье «65-летие Великой Победы». В ней он выразил тезис, что «Вторая мировая война выявила несостоятельность политики всех европейских государств независимо от характера правления», а также заявил, что «невозможно ставить на одну доску нацистский режим и диктатуру Сталина»

В ноябре 2010 года Государственная Дума России приняла заявление «О Катынской трагедии и её жертвах». В нем говорилось о «акте произвола тоталитарного государства, подвергшего репрессиям также сотни тысяч советских людей за политические и религиозные убеждения, по социальным и иным признакам». Это было актом примирения с целью улучшить отношения на международной арене, «разделив скорбь с польским народом»²⁰⁰.

¹⁹⁵ Поощрение прав человека и гражданских свобод в регионе ОБСЕ в XXI веке. *Резолюция Парламентской ассамблеи ОБСЕ*. Эл. доступ [Просмотрено 16-10-2017]: <http://www.memo.ru/2009/07/03/pase.htm>.

¹⁹⁶ Миронов С., Приговор истории обжалованию не подлежит. *Российская газета*, 2009.

¹⁹⁷ Соцков Л., Прибалтика и геополитика. 1935-1945 гг. Рассекреченные документы Службы внешней разведки Российской Федерации. Москва: 2009 г.; Секреты польской политики. Сборник документов / Москва: 2009.

¹⁹⁸ ООН должна запретить пересмотр итогов Второй мировой войны. Эл. Доступ [Просмотрено 16-10-2017]: <http://www.regions.ru/news/2235378>

¹⁹⁹ Путин В., Страницы истории – повод для взаимных претензий или основа для примирения и партнёрства? 2009.

²⁰⁰ Заявление Государственной Думы «О Катынской трагедии и её жертвах». 2010.

В 2012 году президентом вновь был избран Владимир Путин, что ознаменовало собой возврат полномочий со всеми вытекающими последствиями. В конце 2013 в Украине, президент В. Янукович в Вильнюсе отказался подписать Ассоциацию Украины с Евросоюзом, что вызвало массовые протесты в столице Украины. Большинство жителей Украины видели себя европейскими людьми и всячески пытались увеличить связи с Европой, это тянуло за собой разрыв унаследованных от Советского Союза связей с Россией. В России в ответ на это начали эксплуатировать стандартную историческую аллегория, называя всех, кто не желает дружить с Россией (причём на условиях России) фашистами. Все средства массовой информации начали повсеместно использовать исторические параллели на свой лад, видя в происходящем в Украине не иначе, как происки неонацистов, интерпретируя столкновения протестующий на Майдане с «полицией Беркут» как неонацисты против «русского мира». Это и был формальный повод к аннексии украинского полуострова Крым.

Под этим поводом нашлись масса историков, приближённых к Кремлю, которые наводили исторические аргументации, подтверждая, что «Крым исконно русская земля». Факт аннексии, позвал за собой резкое осуждение международной общественности, вплоть до применение экономической санкций в отношении близкого окружения президента Путина, что начало путь к изоляции России внутри.

Однако, в 2014 году мемориальный закон, как и следовало ожидать, принят, причем в самой худшей из всех обсуждавшийся версий условно говоря, в версии депутата Гос. Думы Ирины Яровой²⁰¹. Теперь под предлогом борьбы с реабилитацией нацизма научное изучение, преподавание, а также свободное публичное обсуждение истории Второй Мировой войны стало невозможным: любую не угодную властям точку зрения можно рассмотреть как «распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР», за что полагается тюремное заключение на срок до трех (приотягчающих обстоятельствах – до пяти) лет. Критиков Сталина теперь можно сажать как пособников нацизма.

Мемориальная кампания России, которая продолжается до настоящего дня, успешно вписывается в идеологические рамки современной Российской политики. Любое осуждение действий России Западом лишь увеличивает уровень патриотизма в стране и способствует завуалированную всего общества вокруг своего «величия» и «духовных скреп», о который так часто упоминается на федеральных телеканалах.

Таким образом, законодательная ветвь власти в России, также становится орудием политики памяти. Большинство депутатов российской Государственной Думы являются апологетами и носителями тех принципов и норм государственного строя, который отвечает запросам Президента России. Не смотря на то, что в его адрес можно иногда услышать критику с уст парламентариев, это всего лишь исключение которое подтверждает правило, согласно которому власть как единый механизм управления, нацелен на оформление собственного взгляда на историю и защиту его путём юридических запретов.

---

²⁰¹ Дополнение к уголовному кодексу РФ. Текст законопроекта №504872-6 доступен на сайте Думы [Просмотрено 16-10-2017]: [http://asozd2c.duma.gov.ru/addwork/scans.nsf/ID/4C9625BFB68346A943257CC2002904F0/\\$FILE/504872-6.PDF?OpenElement](http://asozd2c.duma.gov.ru/addwork/scans.nsf/ID/4C9625BFB68346A943257CC2002904F0/$FILE/504872-6.PDF?OpenElement).

3. Политика исторической памяти в Российской Федерации.

3.1 Анализ научно-образовательной методической концепции учебников истории в России.

Данная глава направлена на практическое исследование существующих материалов, которые стали результатом политики официальных властей Российской Федерации и в частности президента Владимира Путина, ведь именно он был непосредственным инициатором создания единственной версии истории²⁰². Однако, когда в 2013 году Путин говорил о создании единого учебника для школьной программы, он уточнил, что в современных реалиях, учебники по истории России слишком разные и их много, что мешает детям определиться с точными ориентирами для молодёжи в вопросах собственного прошлого. Эти слова являют собой большой интерес со стороны исторического сообщества не только тем фактом, что по словам Путина, Россия нуждается в нём, а в том, что Президент дал негативную оценку тому, что существуют учебники с разными взглядами на историю. И различия в них касаются не столько умалчиванием неких исторических фактов, а разной трактовкой одних и тех же событий прошлого.

Однако, несмотря на то, что было сказано именно о едином учебнике, в действительности было подготовлено «концепцию нового учебно-методического комплекса по отечественной истории», а ранее, в 2008 году, после подобного заявления властей, было создано Базовый учебно-методический комплект по редакции Филиппова А. В. Для 10-11 классов. «Книга для учителя. Новейшая история России 1945-2006»²⁰³. Оно и будет объектом нашего исследования в рамках выбранной темы.

Выбор именно этого учебника был сделан по причине того ажиотажа, который был вызван публикацией этой брошюры в историческом дискурсе России. В первую очередь нужно отметить важность уделённого внимания со стороны историков и специалистов исторической науки разных идеологических взглядов.

Именно в результате запроса властей в период между 2000-2010 годов было выпущено вышеупомянутое пособие для учителя по истории России в редакции А. В. Филиппова. Цель властей в этой кампании было популяризация «полезного прошлого», которое базируется на советском наследии России²⁰⁴.

В первый раз, президент России Владимир Путин начал говорить о необходимости создания нового исторического пространства, сразу после занятия поста главы государства. Эта идея была мотивирована тем, что политическая система страны, которая существовала в начале 2000-х, была крайне разнообразна и многополярна²⁰⁵. Необходимо было объединить всех и создать такую версию истории, которая могла бы удовлетворить всех и быть компромиссом в видении прошлого, между либерально настроенными гражданами, коммунистами и сторонниками идеи Российской империи, которая набирала обороты на фоне кризиса 90-х годов. Из-за этого в стране существовал кризис национальной идентичности. То население, которое было в России являлось наследниками РСФСР и было совершенно дезориентированное, учитывая прожитый период гласности, который вывел наружу крайне неблагоприятные моменты деятельности Советского Союза, которым было принято гордиться, как духовной святыней.

Стоит отметить, что другие государства, которые izborили собственную независимость после распада СССР, воспользовались чувством национального гнета коммунистической системы для национального самоопределения и реформирования

²⁰² Путин поручил создать единый учебник истории. *Газета «Известия»*, 2013. Эл. доступ [Просмотрено 30-01-2017]: <http://izvestia.ru/news/545274>

²⁰³ Филиппов А. В., *Новейшая история России, 1945—2006 гг.: кн. для учителя*. Москва: *Просвещение*, 2007, с. 494

²⁰⁴ Ван Уик Брукс, *О создании полезного прошлого*. 1918, с. 337-341

²⁰⁵ Путин В. В., *Послание Президента РФ Федеральному собранию РФ*. 2000.

экономической системы. В то время, когда руководители России, решили, что им такой путь не подходит из-за того, что в ходе истории, российская и советская идентичность вполне пересекалась и одна была, во многом, отражение другой, и из-за этого, признание преступности советского режима для России, считалось актом признания собственной вины как перед другими странами бывшего СССР, перед собой, перед миром, а самое страшное – признание преступных действий советского режима во Второй мировой войне, которая всегда была святыней «русской души», это всё никак не вписывалось в новую идеологическую линию российской власти начала 2000-х годов²⁰⁶.

Социологические опросы общественного мнения россиян демонстрировали факт общественной деморализации и характерным слабым ощущением национальной гордости и общей идеи сплочённости²⁰⁷. По этому после прихода к власти Путина, начались активные попытки воспитания чувства патриотического самосознания на территории РФ. В 2002 году премьер-министр Касьянов М. М. дал поручение Министерству образования и науки объявить конкурс на новый учебник, который мог бы прививать чувство патриотизма в школьников и использовался в системе образования России²⁰⁸. Также глава государства обвинил историков, которые получают иностранные гранты для написания учебников, и следовательно этому выполняют заказы иностранных государств, которые, по его мнению, не заинтересованы в объективности истории России.

«Практически нет пособий, которые глубоко и объективно отражали бы события новейшей истории нашего Отечества, нет системного изложения большинства тем, новых направлений и школ, выдвигающих крупные доктрины и способных трактовать события современности»²⁰⁹.

Так Путин мотивировал новый курс правительства, так как использованные в то время учебники, были непригодны для декларируемых целей. Эта кампания провалилась, так как никаких особых результатов, удовлетворяющих желание власти, не было, после этого администрация президента требовала от известных историков предоставить свои предложения в виде учебника необходимого содержания. Однако это, также не получило своего результата, и тогда Филиппов со своими сотрудниками разработали учебник, который смог отразить в себе те требования, которые были заявлены.

В 2007 году был напечатан первый учебник Филиппова, и в нем, была явная тенденция в восстановлению культа личности Иосифа Сталина в образе политического провидца своего времени²¹⁰. За это, данная книга получила массу критики в свой адрес, также в книгах были замечены грубые фактические ошибки содержащихся фактов и их интерпретации²¹¹. Но кроме восстановления культа Сталина, в книгах была явно замечена другая, пагубная тенденция. В книгах был замечен отход от заявленной цели власти – воспитание патриотических чувств в подрастающего поколения. Вместо того, чтобы подчёркивать и вызывать рядовой патриотизм в молодых читателей, который мог бы базироваться на гражданской или этнической концепции нации, книга по своему содержанию концентрируется на самой власти государства, на её самоопределении и построении политической административно-командной системы²¹². В книге содержится

²⁰⁶ Хоскинг Дж., Правители и жертвы: русские в Советском Союзе. Кембридж. 2006, с. 409

²⁰⁷ Уаймен М., Общественное мнение в посткоммунистической России. 1997, гл. 4-5

²⁰⁸ Берлович В., Современные российские учебники истории: многоликая истина или очередная национальная идея. 2002.

²⁰⁹ Минаев С., Да мало ли что было. 2007, с. 19

²¹⁰ Лавров В., Пособие по истории – филиппики. *Новая газета*. 2008, с. 12-13

²¹¹ Бернштай А., Вспомнить всё! 2007, с. 24

²¹² Бранденберг Д., Анатомия одной отечественной неудачи. 2012, Эл. Доступ [Просмотрено 30-01-2017]: <http://cyberleninka.ru/article/n/anatomiya-odnoy-otechestvennoy-neudachi-istoriya-rossii-1945-2008-kn-dlya-uchitelya-pod-red-a-v-filippova>

восхваление линии поведения В. Путина в его победе над оппозицией и построение им «вертикали власти», что является собой государственническое идеологическое видение, в основе которого осуществление централизованной, организованной по принципу иерархии, политической власти, а не в типичном образе народного суверенитета и преданной стране и обществу власти²¹³.

Также, изучая книгу, важно заметить структурой и периодизацией содержания книги. Филиппов не составлял периодизацию по советским традициям историографии, которые рассматривали историю СССР, как этапы экономического развития, например «СССР в годы первой пятилетки» и так далее, кроме этого он также, не придерживался посткоммунистической традиции, которая, часто послевоенные годы на культурные периоды, в стиле «Оттепель», «Застой», «Гласность», «Перестройка» и так далее, вместо этого, он концентрируется на персонификации истории Советского Союза, предоставляя периодизацию героических «великих людей истории». Нужно сказать, что это и было одной из ключевых требований власти для учебника подобного рода. Журналист А. Качуровская, не называя имен, цитирует источники, которое утверждают, что текст полностью спонсировался администрацией президента, а кроме этого, автор получал чёткие указания относительно того как нужно строить структуру книги, его периодизацию и стиль изложения.

«Сталин – хороший (утвердил вертикаль власти, но не было частной собственности); Хрущёв – плохой (ослабил вертикаль власти); Брежнев – хороший по тем же критериям, что и Сталин; Горбачёв, Ельцин – плохие (развалили страну, однако при Ельцине возникла частная собственность); Путин – лучший управленец (укрепил вертикаль власти и укрепил частную собственность)»²¹⁴»

Эти рекомендации напоминают требование изложения текста в бинарной системе тезисов, где выстраивалась оппозиция и сравнение тезисов, как «плохой/хороший», так же Иосиф Сталин требовал писать учебники истории в 1930-х годах²¹⁵. Также Путин изображается в книге как блестящий оратор и политик, способный говорить «без листочка». Также глава страны призывал положить конец особенно советскому чувству исторической вины:

«Да, у нас были страшные страницы, 1937 год, давайте не будем об этом забывать. Но в других странах пострашнее ещё было. Во всяком случае, мы не применяли ядерного оружия в отношении гражданского населения, мы не поливали химикатами тысячи километров и не сбрасывали на маленькую страну в семь раз бомб больше, чем в Великую Отечественную, как это было во Вьетнаме. У нас не было других чёрных страниц, как нацизм, например. Да мало ли чего было в истории каждого государства, каждого народа. И нельзя позволить, чтобы нам навязывали чувство вины»²¹⁶.

Содержание учебника в стиле «полезного прошлого» соответствует интересам политической власти и системы управления. Идеологическая концепция новой власти полностью воплотилась в данный учебник. Центральная проблематика и критерии оценки событий являли собой выдвижение на первый план в приоритетах государство, его величие и представителей власти. По мнению автора, именно построение иерархической системы политического управления, является гарантией поддержания государственного суверенитета и стабильности национального развития. Оценка политических лидеров

²¹³ Филиппов А. История России 1945-2008: кн. для учителя. Глава «Суверенная демократия» 2008.

²¹⁴ Качуровская А., Исторический припадок. *Власть*. 2007, с. 19

²¹⁵ Бранденберг Д., Национальный большевизм: сталинская массовая культура и формирование современной российской национальной самобытности 1931-1956 гг. 2002.

²¹⁶ Путин В., Речь перед учителями в Ново-Огарево. 2007.

страны осуществляется с точки зрения величия их вклада в защиты суверенитета государства от внешних и внутренних сил, которые постоянно норовят нарушить суверенитет. Предполагается, что представители либеральных идей приведут страну к трудностям, разочарованиям и национальным трагедиям, и именно это утверждение культивируется вместе с упоминанием личностей Н. С. Хрущёва, М. С. Горбачёва и Б. Н. Ельцина. В центре идеологической основе книги лежит убеждение, что общественно-политические движения, общественные организации и любые продукты демократии гораздо слабее и не эффективнее чем сильная, централизованная государственная власть с широкими полномочиями во всех сферах регулирования общественной жизни для защиты суверенитета и целостности национальных интересов.

Однако, учебники Филиппова потеряли интерес со временем из-за постоянной критики в свой адрес и регулярном упрекам его в попытках реабилитации сталинизма в современных условиях. Можно сказать, это некая победа журналистики и оппозиционных историков в деле восстановления объективности в историческом пространстве.

Вторым объектом нашего изучения в части методологических основ написания истории станет Концепция нового учебно-методического комплекса по отечественной истории²¹⁷ выданного в 2012 году.

Данная концепция представляет собой научное ядро содержания школьного исторического образования и может быть применим как к базовому, так и профильному уровню изучения истории.

В первую очередь, при изучении, оценке и анализе материала, необходимо обратить внимание на само название концепции, а точнее присутствие в нём слова «Отечественной истории». В главе 2, мы касались этой темы и было отмечено, что слово «Отечество» в историческом дискурсе и в сознании рядового гражданина РФ, так или иначе вызывает определённый комплекс ассоциаций присущий этому понятию. Это вполне конкретный образ метафизического объекта с качествами духовной значимости и безапелляционного авторитета.

Если смотреть со стороны науки, придерживаясь принципа объективности, необходимо сказать, что, в принципе, не бывает отечественной истории, так как не может быть отечественной таблицы умножения. Конечно, мы прекрасно понимаем, что этот термин в названии был использован как территориальный спектр концепции, в значении «Российской истории», но именно это слово было выбрано с определённой целью, которая сразу настраивает читателя, на необходимый тон работы с ним.

В концепции указано что, она содержит «принципиальные оценки ключевых событий прошлого» - это весьма важное замечание, ведь согласно этому, при написании книги должно быть дана конкретная оценка тому или иному событию и она не должна идти в разрез с политикой руководства (на основе которой и была составлена концепция), основные подходы к преподаванию истории в современной школе с перечнем рекомендуемых для изучения тем, понятий и терминов, событий и персон.

Также указано, что «Концепция направлена на формирование единого культурно-исторического пространства Российской Федерации» тут важно задаться вопросом – какое именно должно быть это единое пространство в РФ, ведь само понятие «единое» исключает альтернативность, что противоречит главным принципам истории – историзма, сопоставления и объективности. Важно отметить, что эта формулировка является базовым целенаправленным смыслом всей методологии. Как известно Россия занимает 1/6 часть суши и одновременно находится в 11 часовых поясах, это в свою очередь несет в себе факт того, что разные регионы в составе России, являются различными не только в культурном, религиозном и традиционном смысле, а также и история этих регионов была часто конфронтационной между сами субъектами Федерации, и учебники истории и само

²¹⁷ Методологическая концепция истории. Эл. доступ [Просмотрено 16-10-2017]: <http://www.kommersant.ru/docs/2013/standart.pdf>

преподавания в регионах было разное. Часто имело место в учебниках культивирование собственной культуры, самобытности и национальной идентичности, которая в корне отличалась, а порой даже противопоставлялась Российской. Это, по мнению, официальной власти Кремля способствовало тому, что подрастающее поколение не имело патриотических чувств к своей родине и России, а было направлено на вызревание сепаратистских настроений среди молодого поколения. Поэтому, идея единого учебника истории имела свою целенаправленность в создании единой мировоззренческой трактовки и интерпретации истории разных регионов. То есть момент некоего примирения истории между регионами.

Другой важнейшей целью этой программы было создание нужного позитивного восприятия Советской империи, факты о преступных действиях которой, частично, успели вырваться наружу после распада СССР, после тотальной цензуры и табуирования. Это положение особо важно в рамках идеологической основы, которая была описана в главе 2.

Концепция трансформации истории в целом имела комплексный характер и предполагала не только подготовку учебно-методического комплекса, который в свою очередь состоит из учебной программы курса, учебника, методических пособий, книг для учителя, комплекта карт, электронных приложений, но и формирование единого научно-образовательного пространства в сети Интернет.

Задачи у методологического комплекса выделены таковы:

- сформировать представление об основных этапах развития многонационального российского государства.

Как говорилось ранее, одним из нерешённых задач исторической науки России было разнообразие культурной, национальной и этнической идентичности на пространстве Российской Федерации, многие федеральные округа, в своей истории имели конфликты интересов и представления о своей национальной сущности, что приводило к конфронтации между собой, поэтому данная задача имеет цель примирить разные регионы и создать единый концепт мировоззрения в историческом дискурсе.

- авторы исходят из того, что российская история – это история всех территорий, стран и народов, которые входили в состав государства в соответствующие эпохи.

Этот аспект становится понятным только со ссылкой на идеологические мотивы построения России. Как было указано в главе 2, Кремль пытается навязать своим гражданам, а также мировому сообществу мнению о необходимости воспринимать мир в рамках Ялтинских соглашений, где территориальные границы Советского Союза простираются куда дальше нежели территория РФ. Из-за этого, в учебников может формироваться представление о странах, которые освободились от СССР, как «исконно русские земли», на которых проживают либо русские граждане, либо те, кто всячески желает стать частью «русского мира».

- раскрыть суть исторического процесса как совокупности усилий множества поколений россиян.

К разным историческим личностям российской истории, привязывается титул «собирателя земель русских», что воспринимается как необходимость и приветствуется, с учётом правильных формулировок и мотивов для подобных действий. Таким образом, глядя на территориальные различия между РФ и СССР «усилия множества поколений россиян», считаются утраченными, что ведет к порождению реваншистских амбиций в сознании.

Также уделяется внимание «перечню трудных вопросов», какие это вопросы и зачем отделять от общей истории не понятно и по каким критериям можно определить какой вопрос сложный, а какой нет. По сути, в изучении истории каждый вопрос являет собой определенную сложность. Судя по всему в список этих вопросов состоит из тех, которые противоречат нынешней или мировой истории, и таким образом дается попытка дать все

ответы на все вопросы и не методом дискуссий, а прямым указанием на правильный ответ и указание хода мысли учащихся.

Как говорится в основных положениях, -

«В документе определяются образовательные и воспитательные приоритеты школьного курса истории России, которые призваны служить ориентирами при создании учебников и других пособий для общеобразовательных школ»

Функцию которая должна нести концепция - Определение основ и приоритетов образования, отвечающих современному этапу общественного развития, является функцией образовательного стандарта и базовых учебных программ.

Также названы задачи изучения истории в школе. Эти задачи, по сути, схожи с задачами всего методологического комплекса, но более конкретизированы на результат изучения:

- формирование у молодого поколения ориентиров для гражданской, этнонациональной, социальной, культурной самоидентификации в окружающем мире;

- овладение учащимися знаниями об основных этапах развития человеческого общества с древности до наших дней, при особом внимании к месту и роли России во всемирно-историческом процессе;

- воспитание учащихся в духе патриотизма, уважения к своему Отечеству, многонациональному Российскому государству, в соответствии с идеями взаимопонимания, толерантности и мира между людьми и народами, в духе демократических ценностей современного общества;

- формирование у школьников умений применять исторические знания в учебной и внешкольной деятельности, в современном поликультурном, полиэтничном и многоконфессиональном обществе.

Любопытным также является тот факт, что в рекомендациях также указано, что ученик должен учиться критически мыслить при изучении истории, но вместе с тем, дается утверждение о необходимости в книгах дань конкретные и принципиальные оценки произошедших событий, тем самым присущее некое противоречие внутри концепции, и решение приоритетов в преподавании возлагается индивидуально на школьного учителя. Данное противоречие еще более очевидно, если учитывать степень информационной нагрузки на общество со стороны власти, пропагандирующее необходимость существования нынешнего режима. Например, в 2017 году, когда в многих городах России проходили многотысячные митинги против коррупции власти (в виде прогулки, так как власть не предоставила санкцию на их проведение), много школьников были задержаны, так как присутствовали на этих прогулках, в ряде школ, учителя, директора и воспитатели проводили «воспитательные беседы» с учениками, которые не довольны властью, и даже, угрожали отчислением с рядов учеников школы. На первый взгляд, этот пример может показаться неуместным из-за политичности митингов по отношению к преподаванию истории, но именно эти случаи демонстрируют ту власть, которую имеют преподаватели на своих учеников. Безусловно, учителя должны иметь автономию и независимость в освещении фактов о прошлом, но если учитывать, информационную атмосферу в обществе, можно заметить, что старшее поколение пытается воспитывать своих учеников в духе собственных представлений о политике в целом, пропагандирующее аполитичность и пассивность гражданской позиции.

Подводя итог данной тематики, необходимо сказать, что существуют прямые свидетельства влияния и контроля властных структур на написание, финансирование и

заказ методологических стандартов, но, кроме этого, есть факты влияния на само содержание, и интерпретацию фактов о прошлом в выгодном для власти свете. Эти факты являются безусловным свидетельством стремление политического режима, созданного, начиная с 2000 года, влиять на сознание молодёжи с целью лояльности, прикрываясь такими словами как «патриотизм», «Отечество» и «Родина».

Эти шаги со стороны политических деятелей, являются явным стремлением иметь монопольное положение в сфере науки, что само по себе может означать субъективность и единомыслие в старых традициях СССР. Попытки всецело подчинить себе научную сферу российского общества демонстрируются также разными пиар-кампаниями, которые направлены на дискредитацию научных организаций, которые критически оценивают подобные действия власти. Подобные тенденции ведут не только к формированию необъективного взгляда на историю, но и на специфическое представлению о собственной идентичности как на индивидуальном, так и на коллективном уровне.

3.2. Анализ содержания учебников по истории в РФ.

В результате усиления властей, по проведению и внедрении образовательных программ в действие в виде представлений единых концепций и методологий в исторической науке, на фоне критики независимых организаций, все же не удалось в школьных программах внедрить единый учебник, вместо этого их стало несколько для разных классов. А точнее – три линейки учебников разных издательств и группы авторов.

Для того чтобы максимально полно и ёмко оценить и проанализировать содержание всех учебников и книг по истории, которые были выпущены после прихода к власти В. Путина, нужно написать несколько томов, однако в рамках нашего изучения, чтобы проиллюстрировать отражения новых методик по написанию, полагаем, будет справедливо задействовать метод исторической компаративистики одних и тех же групп авторов, и их творения до утверждения методологических стандартов и после.

Пример «История России: с древнейших времен до XVI века» за 6 класс по редакции И. Л. Андреева и И. Н. Федорова²¹⁸. Этот учебник был выпущен в 2016 году. Однако Андреев, вместе с Данилевским, в 2012 году также выпустил похожий учебник по «отечественной истории»²¹⁹. Безусловно, в книгах есть различия в оформлении, графических изображениях и названием глав, однако бы будем касаться фрагментов материала, который касается «трудных вопросов», которые были изложены в методических рекомендациях.

Начиная с первых представлений о происхождении русского народа и вообще славян, как политического образования, ярко контрастирует описание Киевской Руси. В учебнике за 2016 год указано:

«Итак, князья, возглавившие ранние восточнославянские объединения, скорее всего, были иноплеменниками. Однако неверно считать, что славяне не могли самостоятельно создать государство. Просто во главе древнейших государств обычно ставились выходцы из других народов. Объединявшиеся племена предпочитали, чтобы ими управляли иноземцы. Почему? Скорее всего, потому что людям пришлым легче разрешать противоречия и споры местной родовой знати»

Никаких аргументов в пользу этих утверждений, в книге не приводится, а заявляется как аксиома без указания каких либо ссылок на другие источники.

Другим важным и политизированным новшеством в учебнике стала попытка утаить название «Киевская Русь», в место него обширно используется термин «Древнерусское государство». В пояснение дается указание, что три первых князя Кий, Щек и Хорив и основали город Киев, и только один раз указывается, что «иногда это объединение называют Киевской Русью, из-за того, что столицей был Киев». Это утверждение, в разрезе всей политической конъюнктуры довольно легко объясняется. Современная Россия всячески пытается заявить свою правопреемственность и говорит о своей наследственности всего наследия Киевской Руси, чем легитимировать свои территориальные претензии на те территории, которые давно имеют не только независимость как отдельные государства, но и имеют отдельную идентичность и национальную самобытность.

²¹⁸ Андреев И. Л., Федоров И. Н., История России: с древнейших времен до XVI века. 6 класс. Москва: 2016, с. 240

²¹⁹ Андреев И. Л., Данилевский И. Н., История России с древнейших времен по XVI век. 6 класс. Москва: 2012, с. 239

Важным моментом в книге редакции 2016 года есть личность Князя Владимира, которому в Москве поставили памятник. Безусловно роль православия, в современной идеологической основе Кремля тяжело переоценить, Россия всячески культивирует себя как последняя крепость культурно-нравственных и духовных скреп и ценностей, которые являются основой величия России, не стесняясь, время от времени говорить о «богоизбранности», противопоставляя этому Западную цивилизацию, «где утрачены нравственные ориентиры», такие заявления позволяет себе выражать Владимир Гундяев²²⁰ – глава Русской Православной церкви. В учебнике говорится о «неудачной языческой реформой, Князя, который хотел поставить языческую веру на службу государству». Но в целом он фигурирует как «креститель Руси» - «Новая религия проповедовала терпение, смирение и всепрощение. Ее основные заповеди способствовали сохранению внутреннего порядка в государстве, давая ему нравственное обоснование», что гармонично укладывается в современные российские тезисы относительно своей «исторической миссии».

На противовес этому, в учебнике издания 2012 года эти события указываются более кратко, ничего о «языческой реформе» там нет, однако факт крещения также культивируется, как важное решение. Авторы решили не писать о том, что христианство, которое пришло с Византии, усложнило отношение с Западом, не указывается. Также в версии 2012 года, есть масса свидетельств о торговых контактах с государствами западного мира, о том как эти связи помогали развивать Киевскую Русь и налаживали торговые и культурные взаимосвязи с этими государствами, однако в новом учебнике, об этому говорится более сокращенно, указывается только, что этим занимались только знатные и зажиточные люди.

Также любопытным моментом, отражающим новый историко-культурный стандарт и политику России это описание времени Смуты. В старой версии, существует целая глава под названием «Смута – гражданская война в России». Эти события описываются как то что «низы ополчились на верхи» и «сословия распались на враждующие лагеря». По этому поводу, не лишним будет заметить, что в современной России, постоянно тиражируются мнения о том, что любые государственные потрясения или революции являются губительными и наносят вред государству, часто демонстрируя по федеральным СМИ негативные последствия революции в Украине, странах Африки и Арабского мира, исключительно, как «заговор Запада» и «технологии цветных революций». В новой версии учебника, слов в революции и восстание народа против власти, решили вообще не упоминать. Указывается лишь о расколе общества и налоговом гнете. Важно, также, указать, что в новой версии, в конце главы о Смуте, дается список контрольных вопросов, с вариантами ответа, одним из таких вопросов звучит следующим образом – «Кто спас страну от гибели в смутное время – самодержцы или народ, воспитанный в православной вере и любви к Отечеству?» читая эти строки, создается впечатление, что они описывают настоящее время с некими оговорками, ведь именно эти формулировки являются главными опорными пунктами трактовки современных событий в российском дискурсе. Все возможные варианты являются демонстрирующие нынешние речевые обороты, например первый вариант предполагает спасение России в результате природного климата, что не позволило «интервентам покорить Россию из за затраты средств». Современное слово «интервенты», является часто тиражируемым в современных российских источниках, а о стремлении «покорить Россию» можно часто услышать из уст Кремлёвских лидеров. Второй вариант, не менее яркий – «Россию предала знать, выращенная и воспитанная государством, спас народ, который объединился и отстаивал независимость Отчизны», и третий вариант звучит как «Государственная мощь страны и гражданский порыв народа, соединенные с памятью о героическом прошлом, удержали Россию от гибели». Во всех вариантах видны ключевые

²²⁰ Канонически именуется как Патриарх Кирилл.

слова, которые предложены, есть некие «слова-ключи», которые наполнены эмоциональным содержанием и несет в себе чувственную нагрузку – «Родина», «Отчизна», «память о героическом прошлом», все эти обороты звучат в унисон с нынешними трактовками событий.

В современных реалиях, в частности, войны в Украине, не лишним будет отобразить видение авторов относительно истории Украины и России. В учебнике, редакции 2012 года, говорится, что в результате Переяславских соглашений, Украина вошла в состав России, также говорится, что Украине была предоставлена автономия в виде самоуправления городов, гетманского управления. В новой редакции книги, говорится что вхождение в состав России было «свободным и осознанным выбором украинского народа, также указывается, об культурной, этнической и религиозной идентичности «соединяющий два народа». В современных высказываниях Российских лидеров часто звучат слова, об «едином народе» и «неделимости русского народа», к которому, по мнению Кремля, принадлежит украинский народ.

Важный момент истории России и её личностей занимает Николай I. Важно сказать, что Путина часто сравнивают с этим императором, однако в современной версии учебников появилось довольно много критики в его адрес. Написаны не эффективность монархической модели управления, говорится даже об «обмане, воровстве и взяточничестве на всех этажах власти»²²¹. Критики и эксперты в исторических кругах, гадают, чем был продиктован столь негативное освещение действий самого императора и всех монархической системы. В современной России, есть довольно много апологетов, которые ратуют за монархию и полную власть монарха, однако в вышеупомянутом учебнике говорится, что такая система иерархического подчинения чиновников высшему руководству, приводила к пассивности подчинённых в собственной активности и уменьшении их мотивации для проведения мероприятий. Возможно это отражение советских критериев оценки царского режима или идеологические послы современных российских поклонников монархии не столь сильно прижились.

Оценка эпохи Сталина является наиболее непростой для российских историков, в перечне «трудных вопросов» в историко-культурном стандарте, это ярко демонстрируется, так как приведено несколько ориентиров в описании этого периода. В современной образовательной программе этому событию уделено всего 2 страницы текста.

Например, указывается, что СССР времен Иосифа Сталина была «тоталитарным государством с единоличным правлением и диктатурой»²²², однако нет вообще никаких цифр относительно жертв репрессий, указывается лишь периоды наиболее жестоких гонений. Также ничего не говорится, о учёных которые попали в заключение НКВД. Но дальнейшее прочтение истории этой эпохи становится понятной исходя из сути содержания, которое полностью соответствует актуальной идеологической повестке Кремля. Коллективизация как явление преподносится как некий прорыв в крестьянской жизни, которая сильно изменила весь уклад крестьян, больше чем отмена крепостного права и Столыпинская аграрная реформа, что позволило, по мнению авторов, «остановить процесс расслоения крестьян». Другими словами, то что в советский период принято называть «уровниловка», в результате частичного отхода большевиков от марксистской линии, то что в историю вошло как новая экономическая политика, суть которой сводилась к установке частичных рыночных отношений для крестьян, что позволило не умереть с голоду миллионам людей, а некоторые, в результате упорного труда смогли нажать некие материальные ресурсы в виде домашнего скота и денег от продажи собранного урожая, уровняли, то есть отобрали в колхоз. Также, в книге уточняется, что

²²¹ Симонова Е. В., Клоков В. А., История России 6 класс. Рабочая тетрадь. 2016, с. 80

²²² Волобуев О. В., Карпачев С. П., Романов П. Н., История России: начало XX – начало XXI века. 10 класс. 2016, с. 368

«Одновременно с ликвидацией кулака ушёл из жизни тип предприимчивого хозяина-труженика». Эта цитата наглядно демонстрирует советский стиль написания, так как использования слова «кулак», которое является истинно марксистским выражением, это в свою очередь, частично, объясняет почему монархия как стиль государственного управления так критиковалась.

Далее, в описании индустриализации, явная демонстрация ссылок на современный уклад политики России, так как всячески выпячиваются достижения, с статистическими данными индустриальных успехов СССР по сравнению с другими странами, в которых действовала рыночная экономика, более того, авторы указывают, что «индустриализация проходила во «вражеском» окружении и именно тоталитарный стиль правления, в таких условиях, позволил достичь подобных результатов. Интересно, может быть авторы пытаются оправдать авторитаризм нынешней России, её «враждебным окружением», которое наложило санкции из за оккупацию Крыма и военных действий? Эти утверждения контрастируют с прежней версией книги, где сталинская модернизация скромно упоминается как «частично изменившая «социально-демографическую структуру СССР».

Показательным является освещение начала Второй мировой войны. Пакт Молотова-Риббентропа объясняется как «необходимый шаг защиты государственных границ», однако оккупация территорий Прибалтики, Западной Украины практически не упоминается, а говорится как «присоединение». В кластическом стиле, новые учебники преподносят данный факт, как стремление этих стран стать частью социалистических республик. Что касается немецкого наступления, то в книге отмечается, что война началась внезапно для советской армии. Не сказано ни слова о директиве №1²²³, согласно которой пограничные части необходимо приводить в боевую готовность и ожидать провокаций. В целом война называется «Отечественной» и всячески пытается отбелить советскую армию с демонстрацией коварства противника единым «антироссийским фронтом».

Конечно, особо важно обратить внимание изложения современности России в учебниках. Роль Владимира Путина в истории России особо ярко выглядит на фоне предыдущих лидеров как СССР, так и первого президента РФ Бориса Ельцина. В книге всячески описывается те социальные, экономические и политические трудности, которые достались Путину и которые он успешно решал. Обильно описываются негативные последствия либеральных реформ Ельцина, что привело, по мнению авторов, к произволу чиновников, бандитизму, экономическому и социальному коллапсу. Также эти факторы усиливает война в Чечне. В традиции новой Российской истории, одним из главных действий, которые положительно сказались на жизни страны это построение «вертикали власти». Это позволило взять под контроль все государственные институты, которые до этого занимались нелегальным заработком используя государственный ресурс.

В 2007 году перед выборами Президента была отменена мажоритарная избирательная система, что являлось вопиющим фактом посягательство на демократическое устройство России, однако, учебник пытается оправдать такие действия, мотивируя это решение стремление снизить использование административного ресурса для продвижения «своих» кандидатов на политические должности, после чего они стали назначаться с Кремля. В дальнейшем изложении выборов 2011 года, несколько раз упоминается «Единая Россия» как партия с наибольшей поддержкой и статистические данные о доверии граждан к Путину.

Россию наших дней описывается ещё более компрометирующее: «В 2014 году Россия столкнулась с серьезными политическими и экономическими трудностями, вызванными политикой санкций со стороны стран Запада в связи с событиями в Украине и воссоединением (после референдума) Крыма». Именно воссоединение, как и в случае с

²²³ Жуков Г. К., Директива №1. 1941. Эл. доступ [Просмотрено 30-01-2017]: <http://bdsa.ru/>

Прибалтийскими государствами в 1939 году, называют оккупацию Крыма, легитимизуя это референдумом. В книге нет ни строчки о том, что российская армия вторглась на полуостров за месяц до этого «референдума».

Большая часть последней главы книги посвящена внешней политике, в ней, между строк можно заметить, что Россия позиционируется как страна «в окружении врагов», как и в начальном периоде Второй мировой войны. Красочно описываются «цветные революции» и их технологии, которые прошли в Грузии, Украине, Киргизии, а также, так называемая «арабская весна», что, по мнению, авторов было продиктовано стремлением Запада навязать демократию собственного варианта для других народов. В учебниках ранней редакции, говорится о позитивных факторах сближения Запада и России, налаживании сотрудничества между США и Евросоюзом, однако в новом учебнике эта информация почти отсутствует, за исключением некоторых фактов двустороннего сотрудничества, для авторов новой линейки учебников, коллективный Запад представляется, как минимум, как явный конкурент, а не союзник.

Украина удостоилась чести авторов как отдельная часть последнего блока книги, где рассказывается, что бывший президент Украины укрылся в России, а в Киеве «незаконно было сформировано новое правительство». Никаких ни аргументов в пользу данного суждения авторы не приводят, нет ни ссылок на международные правовые акты, которые могли бы это подтвердить.

«В странах Запада сложился во главе с США единый антироссийский фронт, ставящий целью с помощью системы санкций “наказать” Россию за Крым и за неприятие большинством населения юго-восточных областей Украины национализма киевской власти. Налаживаемые в течение двух десятилетий партнерские отношения между Россией и странами Запада во многом были сведены на нет»

Снова схожие формулировки с советским периодом использовались в новых книгах, «единый антироссийский фронт» чётко даёт представление молодому поколению о России в окружении врагов и необходимости сплотиться вокруг вождя для защиты своего Отечества. Слово «Америка» в средствах массовой информации, превратилось в нарицательное и ассоциируется с агрессией против России и лично Путина.

Так повелось еще с дореволюционной России, что история страны преподается детям списками дат, событий, имен. Все это напыляется трактовками, идеологически необходимыми для действующих руководителей государства. Почти не предпринималось попыток дать школьникам понимание многообразия других государств, а также экономических и культурных традиций, которые вошли в сплав современной России²²⁴.

Таким образом, мы видим, что методологические стандарты написания истории имели явное целевое направление исходя из результатов. История как наука становится ещё одним местом перманентной войны как соперничества. В новых книгах, ученики всё чаще читают о конфронтации и соперничестве со странами Запада. И если описывая историю советского периода, СССР и Запад представляются для читателя как идеологические противники моделей развития страны, то в современных периодах, они становятся почти врагами. Образ Запада предстает как образ агрессора, причём агрессора бездуховного и безнравственного. Так или иначе политическая жизнь каждой страны является непростым и многогранным объектом и очень динамической структурой, которая зависит от многих факторов. Однако исходя из изложенных сравнений, можно сказать, что дети в Российской Федерации становятся участниками, если не сказать жертвами, идеологической политики власти.

²²⁴ Пушкарёв И., Школьника расскажут про «уплывший Крым» и «антироссийский фронт». *Znak*, 2016.

ВЫВОДЫ.

1. В данном исследовании мы всесторонне исследовали понятие политика памяти, её суть и значения в современном научном дискурсе. В современной литературе понятие «политика истории» имеет несколько аналогов названий: «политика памяти», «мемориальная политика», «политика прошлого», «политика истории» и так далее. В нашем исследовании мы ориентировались на содержательную часть этих понятий, по этому, не ставили целью исследовать филологические различия этих понятий, а использовали их как синонимы, концентрируясь не на форме, а на содержании.

Мы выяснили, что память является не только инструментом запоминания жизненных фактов и жизненного опыта индивида, она также является важнейшим, если не основным фактором социальной идентификации. Социальная идентификация – это отождествление себя по общим проблемам, жизненным интересам и социальным симпатиям с определённой социальной группой.

В современном научном дискурсе различают коллективную и индивидуальную память. Основные различия между ними заключаются в том, что индивидуальная память – это жизненное осознание прошлых событий, которые произошли с конкретным человеком как носителем определённых переживаний, а также то как эти переживания отразились на его мировоззрении.

Коллективная память – это то что индивид знает о себе и о своей социальной группе по национальному, этническому или территориальному признаку, те события, которые ему известны, касательно места его социальной группы в общем историческом пространстве. Это, также осознание признаков тождественности с другими членами одной группы. Коллективная память базируется на архетипах – основных, ключевых событиях в истории общественной группы, которые отразились с максимально насыщенным эмоциональным окрасом и сквозь оценку которых эта группа осознаёт свою сущность по определённым характеристикам. Вместе с этим, учёные выделяют культурную память. Мы рассмотрели несколько авторов, предполагающих своё видение данного понятия, исходя из этих концепций, мы можем резюмировать, что культурная память представляет собой пласт человеческого сознания и подсознания, который отвечает за фиксирование в сознании собственной культурной идентичности.

Государство как социосистема всегда в той или иной степени окружено политическим пространством, степень влияния которого зависит от уровня контроля государства за всеми сферами общественной жизни. В странах, где доминирует идея либертарианства, такое влияние не большое, в то время, когда в тоталитарных обществах, степень такого влияния чрезвычайно высока. В этом случае, эти государственные системы описаны как примеры крайних противоположностей. Чем больше отраслей жизни страны контролируют государственные органы, тем более, каждый житель будет ощущать это. В нашем исследовании, мы изучали степень влияния государственных структур на сферу науки, а в частности – истории, как составной части культурного пространства.

Политика памяти, в этом смысле, являет собой явление, при котором государственные лидеры, используя государственные рычаги управления и контроля, устанавливают единые правила, по которым развивается институты, отвечающее за формирования и восприятия своей идентичности в прошлом. Пространство контроля при осуществлении политики памяти не ограничивается лишь историей как отдельной наукой, оно сопровождается соответствующими действиями в других областях, таких как СМИ, организациями мероприятий исторического характера, поддержкой документальных фильмов с соответствующим окрасом и идеологическим посылом и ряде других областей, которые формируют необходимое восприятие своего прошлого. В перспективе, когда нужный фон в сознании своего народа твёрдо сформирован, его можно использовать как основу для дальнейших, сопутствующих внешне или внутривнутриполитических действий. В Российской Федерации, такие действия приводят к всё более громкой риторике

относительно роли России, как страны с утраченными территориями, большими амбициями и реваншистским настроением относительно «Холодной войны». На фоне этого, российские власти проводят агрессивную внешнюю политику под одобрение большинства граждан.

2. Кроме этого, изучили нормативно-правовую базу Российской Федерации, которая была принята, начиная с 2000 года, в части формирования системы образования и самой исторической науки. Начиная с момента прихода к власти Владимира Путина, после укрепления его позиций, начались попытки вмешиваться в историю путём установления регуляторных запретов и конструирования исторического наследия. Российская историография, после падения, советского режима унаследовала историю, которая соответствовала марксистской модели интерпретации фактов и была полностью государственнической. При президенте Б. Ельцине, многие архивы были рассекречены, и история начала приобретать черты объективности и критического осмысления советской эпохи. Государство отделилось и наука стала более автономной. Сведения, которые вышли наружу из архивов КГБ СССР, повергли в шок многих граждан России, а также политических и общественных деятелей. Это вызвало неоднозначную реакцию, часть общества начала требовать изменений политического строя на демократических основах для невозможности повторения подобных событий и переоценки всего советского режима, другая часть, напротив – требовала запретить критику и гордится своим прошлым, которое у них было.

Идея создания нового исторического пространства была мотивирована тем, что политическая система страны, которая существовала в начале 2000-х, была крайне разнообразна и многополярна. Для власти необходимо было объединить всех и создать такую версию истории, которая могла бы удовлетворить всех и быть компромиссом в видении прошлого, между либерально настроенными гражданами, коммунистами и сторонниками идеи Российской империи, которая набирала обороты на фоне кризиса 90-х годов. Из-за этого в стране существовал кризис национальной идентичности.

За всё время правления, было осуществлено множество действий направленных на контроль исторической памяти. Президентом России был издан указ о создании «Комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России».

Также можно отметить создание Фонда «Историческая память», который осуществил много публикаций, посвященных истории Молдовы, Украины и прибалтийских республик в период 1930–1940-х годов, важнее всего внимание заострялось на связь националистов этих стран с нацистами и их роль в Холокосте. Начиная с 2010 года на первый план в политике памяти вышла проблема внутрироссийского изучения. В 2010–2012 годах власти, стали создавать контролируемые общественные структуры, которые являли собой квазиэкспертные сообщества. Их задача состояла в легитимации «голоса власти» в вопросах политики памяти через профессиональные сообщества историков и учителей истории.

В 2010 году была создана Ассоциация школьных учителей истории и обществознания. В мае 2012 года было создано Российское историческое общество, под руководством председателя Гос. Думы России. В 2012 президент Путин издал указ о создании Российского военно-исторического общества, председателем стал министр культуры.

В феврале 2013 года Путин сказал о необходимости создания единого учебника истории. Вскоре был подготовлен тестовой вариант учебника. В этом учебнике была содержательная часть, то есть «стандарт» и также были указаны «трудные вопросы». Разработкой учебника занимались ученые Российской академии наук, на базе Института российской истории, эти организации находятся под контролем правительства.

Что касается законодательного регулирования, необходимо сказать, что в процессе долгих споров и дискуссий в 2014 году было введено дополнение в Уголовный Кодекс РФ, а частности ст. 354.1, которая предусматривает уголовную ответственность за «распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны». Эта поправка позволяет устанавливать негласную монополию на мнение, а также направлена на борьбу с инакомыслием в историческом дискурсе.

Система исторической культуры в России стала являть собой полностью контролируруемую структуру, направленную на создание особого видения прошлого, которое может позитивно интерпретировать те события из истории, которые напоминают аналогии с современным периодом и роли власти в таких действиях. Таким образом, нормативно-правовая база являет собой орудием контроля за монополией власти на прошлое.

3. Также, провели анализ материалов и данных, что содержатся в новых учебниках по истории, написанные в соответствии с принятыми в РФ методическими рекомендациями Результатом действий властей в научной сфере, в частности, истории, стало создание «источников правды», которые применялись в обучении в школе и создавали необходимое видение прошлого.

Самыми заметными книгами в мемориальной кампании стало создание в 2006 году группы, которой руководили А. Филиппов и А. Данилов, которая должна была написать новый учебник истории России XX века. Это учебник должен был стать доминирующим учебником в школе. Заказ исходил из Администрации Президента. В 2007 году, этой группой, было создано Пособие для учителей по новейшей истории России. После этого появился учебник «История России 1945-2007», а также методическое пособие по периоду 1900-1945.

Многие тезисы учебника были связаны с исторической политикой соседних стран и были сформулированы в духе агрессивной-пропаганды. Методологической основой подхода, авторы провозглашали отказ от концепции тоталитаризма как ненаучного инструмента Холодной войны. А также, анализ советского периода с точки зрения теории модернизации. В реальности, основой концепции была нормализации сталинизма как авторитарной модели для ускоренной модернизации в условиях окружения врагами и одобрение авторитарных методов для современного лидера при решении подобных задач.

В 2012 году после очередного заявления Путина о необходимости создания единого учебника была создана «Концепция нового учебно-методического комплекса по отечественной истории». На основе этой концепции были выпущены ряд книг, из которых, на конкурсном отборе было издано три линейки учебников для каждого класса, которые стали программой обучения истории в школе.

Концепция трансформации истории в целом имела комплексный характер и предполагала не только подготовку учебно-методического комплекса, который в свою очередь состоит из учебной программы курса, учебника, методических пособий, книг для учителя, комплекта карт, электронных приложений, но и формирование единого научно-образовательного пространства в сети Интернет.

В концепции указано что, она содержит «принципиальные оценки ключевых событий прошлого» - это весьма важное замечание, ведь согласно этому, при написании книги должно быть дана конкретная оценка тому или иному событию и она не должна идти в разрез с политикой руководства (на основе которой и была составлена концепция), основные подходы к преподаванию истории в современной школе с перечнем рекомендуемых для изучения тем, понятий и терминов, событий и персон.

Таким образом, исходя из той реальности, которую мы можем наблюдать в историческом пространстве РФ, мы можем сделать вывод о тотальной цензуре и монопольном положении исторической науки, которую власть использует для продвижения идеологии. Сакрализация и единомыслие в историческом дискурсе

приводит к манипулированию массового сознания учеников в угоду политическому режиму.

4. Что касается практического применения результатов исследования, нужно сказать, что исходя из наблюдаемой реальности, которая сложилась в Российской Федерации, лица, которые находятся у власти, используют государственный аппарат с целью установления монополии на историческое мнение, стремятся скрыть некоторые факты о прошлом, а также отражают историю с особой интерпретацией в духе существующей идеологии. Исходя из проведенных исследований, мы пришли к выводу, что история как наука подчинена влиянию антинаучного характера и используется с целью изображения личности Путина, модели его управления и исторической судьбы России, как единовременный путь развития, при этом, с детского возраста воспитывается патриотизм на грани с шовинизмом и формируется культурный фон соответствующий идеологическим посылам, согласно которым Российская Федерация, являясь наследницей великой истории, несет в себе миссию оплота духовно-нравственных традиций, продекларированных русским православием, является одним из столбов оппозиции для Западной цивилизации в развитии человеческой истории.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

ИСТОЧНИКИ

1. Ассоциация исследователей российского общества. URL [Просмотрено 22-05-2017]: <http://www.airo-xxi.ru/>
2. Бутово — место памяти и покаяния. URL [Просмотрено 03-04-2017]: <http://butovo37.ru/>
3. В России создано Вольное историческое общество. *Полит.ру*. 2014, URL [Просмотрено 11-02-2017]: <http://polit.ru/news/2014/02/28/vio/>
4. Виртуальный учебно-методический комплекс. Раздел Политическая культура и цивилизация. Эл. Доступ [Просмотрено 17-03-2017]: http://read.virmk.ru/s/SANZ_SOC/g-044.htm
5. Газета «Независимая». Эл. Доступ [Просмотрено 30-01-2017]: http://www.ng.ru/politics/2013-06-11/1_history.html
6. Гефтер М., История и политика. URL [Просмотрено 03-04-2017]: <http://gefter.ru>
7. Дополнение к уголовному кодексу РФ. Текст законопроекта №504872-6 доступен на сайте Думы [Просмотрено 16-10-2017]: [http://asozd2c.duma.gov.ru/addwork/scans.nsf/ID/4C9625BFB68346A943257CC2002904F0/\\$FILE/504872-6.PDF?OpenElement](http://asozd2c.duma.gov.ru/addwork/scans.nsf/ID/4C9625BFB68346A943257CC2002904F0/$FILE/504872-6.PDF?OpenElement)
8. Жуков Г. К., Директива №1. 1941. Эл. доступ [Просмотрено 30-01-2017]: <http://bdsa.ru/>
9. Журнал «Неприкосновенный запас». №50. Россия в 1998-2006 годах. 2006.
10. Закон Украины «Об осуждение коммунистического и социал-националистического тоталитарных режимов в Украине и запрещение пропаганды их символики». № 26 С поправками на 2015. Эл. Доступ [Просмотрено 12-05-2017]: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/317-19>
11. Заявление Государственной Думы «О Катынской трагедии и её жертвах». 2010.
12. Интернет-журнал ГЕФТЕР 2012. Эл. доступ [Дата доступа: 18.01.2014]: <http://gefter.ru/archive/3302..>
13. Информационный подход в междисциплинарной перспективе (круглый стол), *Вопросы философии*. 2010, № 2, с. 81
14. Информация об открытии памятника Ивану Грозному [Просмотрено 01-05-2017]: <https://lenta.ru/news/2016/10/03/ivan/>
15. Историческая память — основа национальной идентичности. *Slon.ru*. URL [Просмотрено 11-02-2017]: <http://slon.ru/calendar/event/958165/>
16. Историческая память. Фонд содействия актуальным историческим исследованиям. URL [Просмотрено 30-01-2017]: <http://www.historyfoundation.ru>
17. Историческая память: XX век. URL [Просмотрено 03-04-2017]: <http://istpamyat.ru/>
18. Историческая политика в Восточной Европе: плоды вовлеченного наблюдения. *Полит.ру*. 2008. URL [Просмотрено 30-01-2017]: <http://polit.ru/article/2008/05/07/miller/>
19. Историческая политика. *Pro et Contra*. 2009, № 3–4
20. Историческая политика. *Wikipedia*. URL [Просмотрено 30-01-2017]: http://ru.wikipedia.org/wiki/Историческая_политика
21. Историческая политика. *Полит.ру*. URL [Просмотрено 30-01-2017]: http://www.polit.ru/topic/memory_politics/
22. Историческая политика: update. *Полит.ру*. 2009, URL [Просмотрено 30-01-2017]: <http://polit.ru/article/2009/11/05/istpolit/>
23. К гражданам России, президенту и Государственной Думе. Эл. Доступ [Просмотрено 16-10-2017]: <http://www.polit.ru/institutes/2009/06/01/let.html>

24. Как завершить историю СССР, *Полит.ру*. 2008. URL: <http://www.polit.ru/article/2008/04/24/istpamat/>
25. Комитет гражданский инициатив. Сайт [Просмотрено 30-01-2017]: <https://komitetgi.ru/analytics/3076/>
26. Концепция нового учебно-методического комплекса по отечественной истории. URL [Просмотрено 30-01-2017]: <http://www.kommersant.ru/docs/2013/standart.pdf>
27. Лавров В., Пособие по истории – филиппики. *Новая газета*. 2008, с. 12-13
28. Материалы мониторинга Международного Мемориала. *Уроки истории. XX век*. URL [Просмотрено 03-04-2017]: <http://urokiistorii.ru/monitoring>
29. Медведев Д. А., Нам не надо стесняться рассказывать правду о войне — ту правду, которую мы выстрадали. *Известия*. 2010, URL [Просмотрено 03-04-2017]: <http://izvestia.ru/news/361448>
30. Медведев Д., Россия, вперед!, *Газета.ру*. Эл. Доступ [Просмотрено 13-05-2017]: https://www.gazeta.ru/comments/2009/09/10_a_3258568.shtml
31. Методологическая концепция истории. Эл. доступ [Просмотрено 16-10-2017]: <http://www.kommersant.ru/docs/2013/standart.pdf>
32. Миронов С., Приговор истории обжалованию не подлежит. *Российская газета*, 2009.
33. Национальная лаборатория внешней политики. URL [Просмотрено 30-01-2017]: <http://www.nlyp.ru/laboratory>
34. О проблемах преподавания истории в российских учебных заведениях. Москва: *Центр политической информации*, 2014, URL [Просмотрено 30-01-2017]: http://polit-info.ru/images/data/gallery/0_9440_istorii_03-2014.pdf
35. Образ истории: запрос власти и интересы общества. *Полит.ру*. 2013, URL [Просмотрено 30-01-2017]: <http://www.polit.ru/article/2013/06/21/history/>
36. Обращение к историкам — авторам школьных учебников. *Полит.ру*. 2014. URL [Просмотрено 30-01-2017]: <http://polit.ru/article/2014/05/22/history/>
37. Обращение Президента Российской Федерации. *Официальный сайт Президента России*. 2014, URL [Просмотрено 30-01-2017]: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/20603>
38. ООН должна запретить пересмотр итогов Второй мировой войны. Эл. Доступ [Просмотрено 16-10-2017]: <http://www.regions.ru/news/2235378>
39. Пархоменко С., Facebook-аккаунт. URL [Просмотрено 30-01-2017]: <https://www.facebook.com/serguei.parkhomenko/posts/10204005487726969>
40. Патриарх Кирилл: единый учебник истории поможет преодолеть «исторический мазохизм». *TASS*. 2014. URL [Просмотрено 12-04-2017]: <http://itar-tass.com/obschestvo/1410442>
41. Письмо Медведеву. Электронная версия письма [Просмотрено 16-10-2017]: http://www.historians.org/press/Medvedev_Letter_June_17_2009.pdf
42. Полит.ру. URL [Просмотрено 30-01-2017]: http://polit.ru/rubric/history_human/
43. Положение о конкурсе библиотекарей «Время Гайдара» в 2012–2013. URL [Просмотрено 06-03-2017]: <http://rud.exdat.com/docs/index-691774.html>
44. Поощрение прав человека и гражданских свобод в регионе ОБСЕ в XXI веке. *Резолюция Парламентской ассамблеи ОБСЕ*. Эл. доступ [Просмотрено 16-10-2017]: <http://www.memo.ru/2009/07/03/pace.htm>
45. Потсдамская конференция. 1945. Эл. Доступ [Просмотрено 16-05-11]: <http://files.school-collection.edu.ru/dlrstore/5e1888a2-6301-3c8d-b9cd-a1fc882a42fc/1009551A.htm>
46. Пояснительная записка к проекту закона. Эл. доступ [Просмотрено 16-10-2017]: <http://www.gryzlov.ru/index.php?page=zakon&type=p&cat=init&id=104>

47. Преподавание истории: от принципов к реализации. *Полит.ру*. 2013, URL [Просмотрено 30-01-2017]: <http://polit.ru/article/2013/07/19/history/>
48. Прямая линия с Президентом России Владимиром Путиным. Эл. Доступ [Просмотрено 14-04-2017]: http://president.kremlin.ru/appears/2006/10/25/1303_type63376type63380type82634_112959.shtml.
49. Публикация закона на сайте «Регнум». 2009. Эл. доступ [Просмотрено 16-10-2017]: www.regnum.ru
50. Путин В. В., Послание Президента РФ Федеральному собранию РФ. 2000.
51. Путин В. В., Послание Федеральному собранию Российской Федерации, 2005, Интернет доступ [Просмотрено 29-05-2017]: http://president.kremlin.ru/appears/2005/04/25/1223_type63372type63374type82634_87049.shtml
52. Путин В., Послание Федеральному Собранию РФ. 2005. Эл. Доступ [Просмотрено 14-04-2017]: <https://rg.ru/2005/04/26/prezident.html>
53. Путин В., Речь перед учителями в Ново-Огарево. 2007.
54. Путин В., Страницы истории – повод для взаимных претензий или основа для примирения и партнёрства? 2009.
55. Путин поручил создать единый учебник истории. *Газета «Известия»*, 2013. Эл. доступ [Просмотрено 30-01-2017]: <http://izvestia.ru/news/545274>
56. Рейган Р., Выступление перед Национальной Ассоциацией евангелистов. 1983.
57. Российское историческое общество. URL [Просмотрено 06-03-2017]: <http://rushistory.org/>
58. Сохранение памяти о жертвах ГУЛАГа могут признать формальностью, ведущей к неоправданным бюджетным тратам. *NEWSru.com*. 2014. URL [Просмотрено 12-04-2017]: <http://www.newsru.com/russia/27jun2014/gulag.html>
59. Социология. Культура как фактор социальных изменений: понятие, основные элементы. Социальные функции культуры. Эл. Доступ [Просмотрено 06.03.2017] : <http://eksdan.ru/otvety-na-ekzamenatsionnye-voprosy/18-sotsiologiya/317-kultura-kak-faktor-sotsialnykh-izmenenij-ponyatie-osnovnye-elementy-sotsialnye-funktsii-kultury.html>.
60. Статистические данные Левада-Центра. Эл. Доступ [Просмотрено 01-05-2017]: <http://www.levada.ru/indikatory/odobrenie-organov-vlasti/>
61. Стенограмма на сайте «Полит.ру». Какой должна быть история Россия, *Полит.ру*. 2005. URL [Просмотрено 30-01-2017]: <http://www.polit.ru/article/2005/12/22/kruglystol/>;
62. Стенографический отчет о заседании Совета по развитию гражданского общества и правам человека // Официальный сайт Президента России. 2011, URL [Просмотрено 03-04-2017]: <http://news.kremlin.ru/transcripts/10194>
63. Сюжет Дело историков. *ИА REGNUM*. URL [Просмотрено 03-04-2017]: <http://www.regnum.ru/dossier/1747.html>
64. Указ Президента Российской Федерации от 15 мая 2009 г. № 549 «О Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России» // *Российская газета*. 2009. URL [Просмотрено 30-01-2017]: <http://www.rg.ru/2009/05/20/komissia-dok.htm/>
65. Фальсификаторы истории. Историческая справка. Москва: 1948.
66. Философия культуры. Становление и развитие. – Санкт-Петербург: Изд-во «Лань», 1998, с.
67. Школьный учебник истории и государственная политика. URL [Просмотрено 30-01-2017]: <http://rusrand.ru/library/monographs/shkolnyj-uchebnik-istorii-i-gosudarstvennaja-politika>

ЛИТЕРАТУРА:

1. Августин, Творения, *О граде Божием*, Киев, Т.4, 1998, с. 39
2. Аймермахер К., Бордюгова Г., Национальные истории в советском и постсоветских государствах. Москва: *АИРО-XX*, 1999.
3. Андреев И. Л., Данилевский И. Н., История России с древнейших времен по XVI век. 6 класс. Москва: 2012, с. 239
4. Андреев И. Л., Федоров И. Н., История России: с древнейших времен до XVI века. 6 класс. Москва: 2016, с. 240
5. Андреева Е. В., Культурное наследие как ядро культурной памяти и его роль в сохранении духовной целостности Российской цивилизации. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук, Ростов-на-Дону 2007.
6. Аристотель, О памяти и припоминании, *Собрание сочинений*, Москва, 1976, с.45
7. Ассман А., Длинная тень прошлого, Мемориальная культура и историческая политика, Пер. с нем. Бориса Хлебникова, Москва: *Новое литературное обозрение*, 2014, с. 328
8. Ассман Я., Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. Москва: *Языки славянской культуры*, 2004, с. 19
9. Ассман Я., Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности, Пер. с нем. М. М. Сокольской, Москва: *Языки славянской культуры*, 2004, с. 462
10. Ассман Я., Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности, Пер. с нем. М. М. Сокольской, Москва: *Языки славянской культуры*, 2004, с. 38
11. Атнашев Т., Преобразование политической речи в условиях перестройки. Свободное агентство, ответственность и историческая необходимость в возникающих интеллектуальных дебатах (1985-1991). Кандидатская диссертация. Флоренция:, 2010.
12. Афанасьев В. Г., Урсул А.Д. Социальная информация (некоторые методологические аспекты), *Вопросы философии*. 1974, № 10, с. 62
13. Бенина В.Л., Культура и образование, *Материалы Всероссийской научно – практической конференции, посвященной 15-летию социально- гуманитарного факультета, 25-летию кафедры культурологии БГПУ им. М. Акмуллы и 60-летию профессора 28-29 ноября 2014г. Уфа* / под ред. В.Л. Бенина, Уфа, 2014, с. 67
14. Бергер П., Лукман Т., Социальное конструирование реальности. *Трактат по социологии знания*, Москва, 1995, с. 33
15. Бергер Ш., Историческая политика и национал-социалистическое прошлое Германии, *Историческая политика*. 2011, с. 33–62
16. Берлович В., Современные российские учебники истории: многоликая истина или очередная национальная идея. 2002.
17. Бернштай А., Вспомнить всё! 2007, с. 24
18. Берстейн С., Политические культуры Франции в зеркале событий 21 апреля 2002 года. *Коллегиум*. 2005, № 3-4, с. 100-105
19. Бланшо М., Ожидание забвение, 2000, Издательский дом: *Амфора*. Электронная библиотека RoyalLib.com. Эл. Доступ [Просмотрено 11.11.2016]: http://royallib.com/book/blansho_moris/ogidanie_zabvenie.html.
20. Бомсдорф Ф., Национальные истории на постсоветском пространстве. Москва: *Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XXI*, 2009;
21. Бордюгов Г. А., Войны памяти» на постсоветском пространстве. Москва: *АИРО-XXI*, 2011

22. Борозняк А., ФРГ: волны исторической памяти, *Неприкосновенный запас*. 2005, № 2–3. с. 63
23. Бранденберг Д., Анатомия одной отечественной неудачи. 2012, Эл. Доступ [Просмотрено 30-01-2017]: <http://cyberleninka.ru/article/n/anatomiya-odnoy-otechestvennoy-neudachi-istoriya-rossii-1945-2008-kn-dlya-uchitelya-pod-red-a-v-filippova>
24. Бранденберг Д., Национальный большевизм: сталинская массовая культура и формирование современной российской национальной самобытности 1931-1956 гг. 2002.
25. Брент Ж., Постмодернизм сталинизма. Хроники высшего образования. 2009, с. 98
26. Бухараев В. М., Вчерашнее завтра: как «национальные истории» писались в СССР и как пишутся теперь. Москва: *АИРО-XXI*, 2011, с. 29
27. Ван Уик Брукс, О создании полезного прошлого. 1918, с. 337-341
28. Васильев А. Г., Традиция и культурная память в контексте социальных инноваций, *Человек и культура*, 2015, № 1, с. 71, Интернет доступ [Просмотрено 04-03-2017]: DOI: 10.7256/2409-8744.2015.1.14767. URL: http://www.e-notabene.ru/ca/article_14767.html.
29. Васильев А. Г., Традиция и культурная память в контексте социальных инноваций. *Человек и культура*, 2015, с. 52
30. Волобуев О. В., Карпачев С. П., Романов П. Н., История России: начало XX – начало XXI века. 10 класс. 2016, с. 368
31. Волянюк О. Я., Общественная память и политика: Искусство возможного. – Киев: ДП «НВЦ «Пріоритети», 2013, с. 101
32. Выготский Л. С., Психология развития человека. Память и ее развитие в детском возрасте, Москва.: 2005, с. 52
33. Горелов А. А. Социология. Конспект лекций, Учебное пособие. МГУ – Москва.: *Изд-во: ООО «Проспект»*, электронная версия книги. 2016.
34. Горкунов А., О парадоксах и опасностях «исторической политики». *Независимая газета*. 2008, URL [Просмотрено 30-01-2017]: http://www.ng.ru/ideas/2008-07-18/7_istpolitika.html
35. Гофман И., Представление себя другим в повседневной жизни, Пер. с англ. и вступ. статья А. Д. Ковалева, Москва: *КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле*, 2000, с. 34
36. Грязнова Е. В., Информационная реальность и социум. Н. Новгород: *ННГАСУ*, 2010, с. 250
37. Грязнова Е., Социальная память как элемент культуры, 2015, с. 32
38. Грязнова Е.В., Информационная реальность и социум, Н. Новгород: *ННГАСУ*, 2010, с. 25
39. Гуревич П. С., Культурология. Учебн. пособие. 2-ое изд. – Москва, 2010, с. 157
40. Давыдов С. А., Социология. Конспект лекций. Культура как социальное явление. 2010.
41. Данилин П., Как реагировать на комиссию по борьбе с фальсификациями: Без знака вопроса. *Русский журнал*. 2009. URL [Просмотрено 30-01-2017]: <http://www.russ.ru/pole/Kak-reagirovat-na-komissiyu-po-bor-be-s-fal-sifikacijami>
42. Данилов А. А., Уткин А. В., Филиппов А. В., История России. 1945–2007 гг.: Учебник для 11 класса. Москва: *Просвещение*, 2007
43. Данилов А.А. История России. 1900–1945. Методическое пособие. 11 класс. Москва: *Просвещение*, 2008
44. Делез Ж., Логика смысла, Пер. с фр. Фуко М. Д 29 *Theatrum philosophicum*: Пер. с фр., Москва: Раритет, Екатеринбург: *Деловая книга*, 1998, с. 40
45. Доценко Е., Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. Москва: 1997, с. 147

46. Дугин А., Четвертая политическая теория. Санкт-Петербург. 2009, с. 238
47. Дюркгейм Э., Метод социологии, *Западно-европейская социология XIX начала – XX веков*, Москва, 1996, с. 29
48. Дюркгейм Э., Социология. Её предмет, метод, предназначение, Пер. с фр., составление, послесловие и примечания А. Б. Гофмана, Москва: Канон, 1995, с. 352
49. Жихарев М. И., Докладная записка потомству о Петре Яковлевиче Чаадаеве. Русское общество 1830-х годов: Люди и идеи. Москва, 1989, с. 105
50. Жуков Д. С., Коллективная память: ключевые исследовательские проблемы и интерпретации феномена. 2013, с. 6
51. Зенкин С. Н., Культура и искусство, Культурное наследие, С фр. и вступ., Москва: Новое издательство, 2007.
52. Зиноватный П.С., Теоретический анализ символических репрессий в современной политике: автореферат. дисс. на соискание уч. степени к. полит. н.: 23.00.01, теория политики, история и методология политической науки, Москва, 2009, с. 29
53. Зубов А. Б., История России. XX век. Москва: АСТ, 2009, с. 63
54. Илизаров Б. С., Социологический словарь, отв. Ред. Г. В. Осипов, Л. Н. Москвичев. Москва: 2014, с. 117
55. Каган М., Философия культуры. Становление и развитие, СПб.: Изд-во Лань, 1998, с. 48
56. Камышев Д., На борьбу с народными искажителями! *Власть*. №20, 2009.
57. Кара-Мурза С., Манипуляция массового сознания. Москва: 2006, с. 84
58. Кацва Л., Советский Союз в школьных учебниках истории XXI века. Прошлый век. Альманах. Москва: ИНИОН РАН, 2013, с. 87
59. Качуровская А., Исторический припадок. *Власть*. 2007, с. 19
60. Кегель И., На пути к «предсказуемому прошлому»? Комментарий к созданию Комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории в России. №3. 2009, с. 365
61. Колеватов В. А., Социальная память и познание. Москва: 1984, с. 89
62. Колеватов В.А., Социальная память и познание, Москва, 1984, с. 189
63. Колин К. К., Духовная культура общества как стратегический фактор обеспечения национальной и международной безопасности, *Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств*, 2010, Т.21, № 1, с. 25
64. Колин К. К., Духовная культура общества как стратегический фактор обеспечения национальной и международной безопасности. *Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств*, 2010, № 1, с. 31
65. Колин К.К., Философские проблемы информатики, Москва: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2010, с. 264
66. Коник А., «Историческая память» и «политика памяти» в эпоху медиа культуры. Львов. 2009, с. 153
67. Копосов Н., К оценке масштаба сталинских репрессий. 2007, с. 37
68. Копосов Н., Память строгого режима. Москва: 2011, с. 112
69. Копосов Н., Память строгого режима: история в пост суверенном мире: путинская реставрация как реакционная модернизация. *Неприкосновенный запас*. 2006 №50, с. 85
70. Копосов Н., Политика памяти и мемориальные законы. 2011. Эл. Доступ [Просмотрено 30-01-2017]: <http://www.russ.ru/pole/Politika-pamyati-i-memorialnye-zakony>
71. Копосов Н., Политика памяти и мемориальные законы. 2012, с. 294
72. Ле Гофф Ж., История и память, пер. с франц. К. Акоюна, Москва: 2013, с. 174
73. Ле Гофф Ж., История и память. Москва: 2013, с. 81

74. Леонтьев А. Н., Развитие памяти. Экспериментальное исследование высших психологических функций. Москва: *Государственное учебно-педагогическое издательство*, с. 1931–181
75. Леонтьев А.Н., Философия психологии: из научного наследия. Москва.: Изд-во *Моск. ун-та*, 1994, с. 75
76. Лойко О. Т., Онтология социальной памяти: *автореферат. д-ра филос. наук: 09.00.01*, Красноярск, 2004, с. 41
77. Локк Д., Опыт о человеческом разуме, *Избр. филос. Произв*, Москва., 1960, Т.18, с. 63
78. Лотман Ю. М., Память в культурологическом освещении. *Лотман Ю.М. Избранные статьи*. Таллинн: 1992, с. 202
79. Луман Н., Понятие общества. Проблемы теоретической социологии, СПб, 1994, с. 22. Перевод выполнен с немецкой рукописи, предоставленной Н. Луманом в 1994 году, Перевод с немецкого и адаптация: Н. А. Головин. Электронная публикация: [Просмотрено 01.03.2017]. URL:<http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2969>.
80. Лурия А. Р., Нейропсихология памяти. Нарушение памяти при локальных поражениях мозга. Изд. «Педагогика» 1974, с. 34
81. Макаров А. И., Политика памяти как элемент региональной культурной жизни, 2008, Интернет доступ [Просмотрено 16-05-2017]: <http://cyberleninka.ru/article/n/politika-pamyati-kak-element-regionalnoy-kulturnoy-zhizni>.
82. Маркарян Э. С., Теория культуры и современная наука (*логико-методологический анализ*), Москва: *Наука*, 1983, с. 24
83. Матусевич О., Мемориальное законодательство: генезис и противоречия. 2014.
84. Мекаева Ю. Ю., Социальная память как инструмент социального влияния. Автореферат. канд. социол. наук. 22.00.01., Москва, 2011, с. 27
85. Мекаева Ю., Социальная память как инструмент социального влияния. Автореферат. канд. социол. наук.-22.00.01. Москва, 2011, с. 27
86. Мекаева Ю., Социальная память как инструмент социального влияния. Автор. канд. социол. наук. 22.00.01. Москва, 2011, с. 27
87. Мекаева Ю., Социальная память как инструмент социального влияния. Автор. канд. социол. наук, 22.00.01., Москва, 2011, с. 36
88. Мендельсон С., Провал Сталинского испытания. *Иностранные дела*. 2006, №1, с. 2
89. Мёрдок Д. П., Фундаментальные характеристики культуры. Антология исследований культуры. Интерпретация культуры. Санкт-Петербург. *Университетская книга*, 1999, с. 49
90. Миграция А., Наши Передоновы. *Известия*. 2014, URL [Просмотрено 30-01-2017]: <http://izvestia.ru/news/568603>
91. Миллер А., Историческая политика в России: новый поворот? Историческая политика в XXI в. Москва: *НЛО*, 2011, с. 328–367
92. Миллер А., Липман М., Историческая политика в XXI в. Москва: *НЛО*, 2011.
93. Миллер А., Россия: власть и история. *Pro et contra*. 2009, с. 20
94. Минаев С., Да мало ли что было. 2007, с. 19
95. Миронов В. В., Философия: учебник для ВУЗов. «Концепция деконструктивизма Ж. Дерриды, Библиотека «Полка букиниста», Ел. Доступ [Просмотрено 03.01.2017]: http://society.polbu.ru/mironov_philosophy/ch54_i.html.
96. Моль А., Социодинамика культуры. Москва., 1973, с. 45
97. Морозов В. Е., Россия и другие. Идентичность и граница политического сообщества. Москва: 2009, с. 579

98. Мосс М., Общества. Обмен. Личность. Труд по социальной антропологии, М. Мосс; Сост., пер. с фр., предисловие, вступит, статья, комментарии А. Б. Гофмана, Москва: КДУ, 2011, с. 46
99. Нарочницкая Н., За что и с кем мы воевали. Москва: 2007, с. 67
100. Наумов С. С., Интеллигенция и историческое сознание в годы перестройки (1985–1991 гг.), 2006, с. 48
101. Нора П., Между памятью и историей, Франция с. 378
102. Оруэл. Д., 1984, 1949
103. Павловский Г., Плохо с памятью – плохо с политикой. 2008, Эл. Доступ [Просмотрено 16-10-2017]: <http://www.russ.ru/pole/Ploho-s-pamyat-yu-ploho-s-politikoj>
104. Павловский Г., Плохо с памятью – плохо с политикой. 2008. Эл. Доступ [Просмотрено 11-02-2017]: <http://www.russ.ru/pole/Ploho-s-pamyat-yu-ploho-s-politikoj>
105. Павловский Г., Плохо с памятью – плохо с политикой. 2009, с. 104
106. Платон, Собрание сочинений, Москва, 1993, Т. 2, с. 175
107. Полян П., По ком пробил царь-колокол? №3,2009, с. 388
108. Полян П., Попытка оправдания дьявола. Наказание отрицателей и исторический арбитраж, *Еврейская газета*. №12, 2008.
109. Пушкарёв И., Школьника расскажут про «уплывший Крым» и «антироссийский фронт». *Znak*, 2016.
110. Ребане Я. К., Принцип социальной памяти, *Философские науки*, 1977, № 5, с. 321
111. Ребане Я.К., Информация и социальная память: к проблеме социальной детерминации познания, *Вопросы философии*, 1982, № 8, с. 41
112. Репина Л. П., Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории, *Исторические представления и культурное многообразие мира*, 2006, с.12
113. Репина Л. П., История исторического знания: пособие для ВУЗов, Москва: *Дрофа*, 2006, с.288
114. Рикёр П., Память, история, забвение, Москва, 2004, с. 228
115. Рогинский А., О молчании историка. *Международный Мемориал*. 2012. URL [Просмотрено 12-04-2017]: <http://www.memo.ru/d/124360.html>
116. Романова А. П., Культурная память как один из видов социальной памяти. 2013. Эл. Доступ [Просмотрено 16-10-2016]: http://www.eternalfrontier.org/?page_id=165
117. Романова А., Культурная память и культурное наследие. 2012. Эл. Доступ [Просмотрено 25-11-2016]: <http://kon.libed.ru/1konferenciya-istoriya/1500050-36-sohranenie-kulturnogo-naslediya-problemi-falsifikacii-istorii-materiali-vserossiyskoj-molodezhnoy-konferencii.php>
118. Рубинштейн С. Л., Основы общей психологии. Москва, 1989, с. 201
119. Руис Н., Испания: исторический закон. *Газета «Newsspain.ru»*. 2007.
120. Рюзен Й., Утрачивая последовательность истории, *Альманах интеллектуальной истории*, Москва, 2001, с. 32
121. Рябokonь Н.В., Исторические типы мировоззрения. *Философия УМК - Минск.: Изд-во МИУ*, 2009, с.
122. Симонова Е. В., Клоков В. А., История России 6 класс. Рабочая тетрадь. 2016, с. 80
123. Соколов А. В., Общая теория социальной коммуникации: Учебное пособие. — СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 2002, с. 247
124. Соколов А. В., Общая теория социальной коммуникации: Учебное пособие. Санкт-Петербург: Изд-во Михайлова В. А., 2002, с. 61

125. Соцков Л., Прибалтика и геополитика. 1935-1945 гг. Рассекреченные документы Службы внешней разведки Российской Федерации. Москва: 2009 г.
126. Суслов М. Д., Прошлое и будущее в историческом воображении современной Русской православной церкви. Прошлый век. Москва: *ИНИОН*, 2013, с. 233
127. Топоров В. Н., Об "экропическом" пространстве поэзии, От мифа к литературе. Москва, 1993, с. 31
128. Торкунов А. В., Ротфельд А. Д., О работе Группы и ее результатах см.: Белые пятна — черные пятна. Сложные вопросы в российско-польских отношениях. Москва: *Аспект Пресс*, 2010.
129. Торсти П., Почему политика истории так важна? Случай с эстонским бронзовым солдатом. Холодная война и политика истории. Хельсинки. 2008, с. 19-36.
130. Тоффлер Э., Метаморфозы власти. Москва: *АСТ*, 2004, с. 669
131. Третьяков В., Суверенная демократия. О политической философии Владимира Путина. *Российская газета*. 2005.
132. Уаймен М., Общественное мнение в посткоммунистической России. 1997, гл. 4-5
133. Урсул А. Д., Природа информации. Философский очерк. 2-ое изд., Челябинск. 2010, с. 231
134. Урсул А. Д., Проблема информации в современной науке. (Философские очерки), Москва: *Издательство Наука*, 1975, с. 197
135. Урсул А. Д., Урсул Т. А., Информационный критерий развития и культура, *Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств*, 2011, № 1, с. 52
136. Ушинский К. Д., Избранные педагогические сочинения. Москва: 1945, с. 206
137. Ферретти М., Непримируемая память. Россия и война. Заметки на полях спора на жгучую тему. 2005, с. 76
138. Ферретти М., Непримируемая память: Россия и война. Заметки на полях спора на жгучую тему. *Неприкосновенный запас*. 2005, № 2-3, с. 76-82
139. Филиппов А. В., Новейшая история России, 1945—2006 гг.: кн. для учителя. Москва: *Просвещение*, 2007, с. 494
140. Филиппов А. В., Новейшая история России: 1945—2006: Книга для учителя. Москва: *Просвещение*, 2007
141. Филиппов А. История России 1945-2008: кн. для учителя. Глава «Суверенная демократия» 2008.
142. Фрейд З., Недовольство культурой. 1931, с. 79
143. Фюре Ф., Прошлое одной иллюзии. Москва: 1998, с. 235
144. Хальбвакс М., Коллективная и историческая память, *Неприкосновенный запас*, 2005, № 2–3, с. 358
145. Хальбвакс М., Коллективная и историческая память, *Неприкосновенный запас*, 2005, № 2–3, с. 87
146. Хальбвакс М., Коллективная и историческая память, *Неприкосновенный запас*, Москва, 2005, № 2–3, с. 17
147. Хальбвакс М., Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступ. статья С. Н. Зенкина, Москва: *Новое издательство*, 2007, с. 24.
148. Хальбвакс М., Социальные рамки памяти, Перевод с фр. С. Н. Зенкина, Москва: *Новое издательство*, 2007, с. 38
149. Хапаева Д., Готическое общество. 2009, с. 83
150. Хапаева Д., Готическое общество. Морфология кошмара. Москва: 2007, с. 77

151. Хоскинг Дж., Правители и жертвы: русские в Советском Союзе. Кембридж. 2006, с. 409
152. Чубукова Е. И., Мифологическая концепция коммуникации Р. Барта, *Серия «Мыслители», Смыслы мифа: мифология в истории и культуре*. Выпуск 8 / Сборник в честь 90-летия профессора М.И. Шахновича, Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество, 2001.
153. Швед В., Институт исторической памяти. *Хронос*. 2008. URL [Просмотрено 12-04-2017]: http://www.hrono.ru/statii/2008/shwed_pam.php
154. Штомпка П., Социология. Анализ современного общества. Москва: *Логос*, 2005, с. 64
155. Штюрмер М., В. Путин и подъём России. Нью-Йорк 2009, с. 207
156. Шугаева Л. М., Представление о прошлом и связь времен в историческом сознании. 2009.
157. Шюц А., Формирование понятия и теории в общественных науках, *Американская социологическая мысль*, Под ред. В.И. Добренкова, Москва, 1994, с. 38
158. Юнг К. Г., Об архетипах коллективного бессознательного, *Архетип и символ*, Москва, 1991, с. 262
159. Юнг К.Г., Об архетипах коллективного бессознательного. *Архетип и символ*, Москва: 1991, с. 116
160. Юнг К.Г., Структура психики и процесс индивидуализации. Москва: 1996, с. 10
161. Ядов В. А., Социальная идентификация в кризисном обществе. 2007, с. 36, Интернет доступ [Просмотрено 03.01.2017]: <http://jour.isras.ru/upload/journals/1/articles/35/submission/original/35-62-1-SM.pdf>

Олександр Свидинок

Магистерская Работа на тему: ПОЛИТИКА ИСТОРИИ В РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

РЕЗЮМЕ

Магистерская работа посвящена политике памяти в Российской Федерации начиная с 2000-х годов. Цель работы являла собой определения степени влияния политических элит в Российской Федерации начиная с 2000-го года на политику истории в государстве и практическое выражение этой политики в науке. Заостряется внимание на анализ мемориальной кампании, рассматривается значение и влияние на написание истории мемориального законодательства. Раскрывается формирование, суть и продвижение идеологической основы, которая отразилась на политике памяти. В работе освещаются методологические учебники, принятые по указам Президента РФ. Приводится сравнительный анализ учебников написанных до и после утверждения пособий по методологическим рекомендациям.

Методологической основой данного исследования является системный подход, который предусматривает раскрытие структурных, функциональных и нормативных аспектов предмета изучения. Структура этих элементов дает возможность дать характеристику основным чертам и составляющим элементам политики памяти в России. К структурным элементам можно отнести: характер, специфику, функции, субъекты осуществления и объекты направления, цели, задачи и формы реализации этой политики. При осуществлении исследования применяется историко-генетический метод, посредством которого изучаются исторические явления в процессе их развития, от зарождения до окончания или современного состояния. В исследовании применялся историко-системный метод посредством которого совершался глубокий анализ целых общественно-исторических систем, раскрывались внутренние механизмы их функционирования и развития. Применение социологического метода позволили раскрыть суть осуществления политики памяти в случае конкретной страны и частного примера.

Новизна научной работы состоит в том, что в современной исторической науке недостаточно внимания уделяется вопросам политического регулирования и влияния на историю как науку в целом, со стороны политических элит в России.

Результаты исследований показали, что история как наука подчинена влиянию антинаучного характера со стороны государственной власти, которая использует историю как средство на пути реализации государственнической политики с элементами культа личности президента.

В работе выражается критическое осмысление проводимой политики в части написания истории со стороны политических элит и деструктивное влияние на сознание учеников, а также всего российского общества, которое невольно сталкивается с историей. Приводится тезис согласно которому, негативное влияние на науку, отражается на культурном восприятии обществом своего прошлого.

Ключевые слова: политика памяти, мемориальная политика, память, история, мемориальное законодательство, идеология, единый учебник истории.

Oleksandr Svydyniuk

HISTORICAL POLICY IN THE RUSSIAN FEDERATION AT THE BEGINNING OF THE 21st CENTURY

SUMMARY

The master's thesis is devoted to the policy of memory in the Russian Federation since the 2000s. The goal of the work was to determine the degree of influence of political elites in the Russian Federation since 2000 on the policy of history in the state and investigate its practical expression of this policy in science. The attention is focused on the analysis of the memorial campaign, the significance and influence on the writing of the history of the memorial legislation is considered. Revealed the formation, essence and progress of the ideological basis, which was reflected in the policy of memory. The work covers methodological textbooks which has adopted by the decrees of the President of the Russian Federation. Expounded the comparative analysis of the textbooks written before and after the approval of the manuals on methodological recommendations.

The methodological basis of this study is a systematic approach that provides for the disclosure of the structural, functional and regulatory aspects of the subject of study. The structure of these elements makes it possible to characterize the main features and constituent elements of the policy memory in Russia. Structural elements include: character, specifics, functions, subjects of implementation and objects of direction, goals, objectives and forms of implementation of the policy. In carrying out the research, a historical genetic method is used, through which historical phenomena are studied in the course of their development, from origin to end or the present state. The study used a historical-system method through which a deep analysis of entire socio-historical systems was carried out, and were revealed their internal mechanisms of their functioning and development. The application of the sociological method made it possible to reveal the essence of the implementation of the policy of memory in the case of a specific country and a specific example.

The novelty of the scientific investigation is that in contemporary historical science, insufficient attention is paid to issues of political regulation and influence as on the history as a science in general, from the side of political elites in Russia.

The results of the research showed that history as a science is subordinated to the influence of an antiscientific nature on the part of the state power, which uses history as a means to implement state policy with elements of the personality cult of the president.

The work reflects a critical comprehension of the policy pursued regarding the writing of history by political elites and destructive influence on the consciousness of pupils, as well as the entire Russian society, which encounters to the history. The thesis is given according to which the negative impact on science is reflected in the cultural perception of the society of its past.

Keywords: politics of memory, memorial policy, memory, history, memorial legislation, ideology, single textbook of history.